ИМПЕРАТОРСКАЯ ВОЕННО-МЕДИЦИНСКАЯ (МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКАЯ) АКАДЕМІЯ

Столѣтіе
Военнаго
Министерства
Н. Самокишъ
1802 — 1902
IX.
Часть II.
ИМПЕРАТОРСКАЯ
ВОЕННО-МЕДИЦИНСКАЯ (МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКАЯ) АКАДЕМІЯ
Составилъ
Г. Г.
СКОРИЧЕНКО

СТОЛѢТІЕ ВОЕННАГО МИНИСТЕРСТВА

1802–1902

ИМПЕРАТОРСКАЯ ВОЕННО-МЕДИЦИНСКАЯ (МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКАЯ) АКАДЕМІЯ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

ЧАСТЬ II

ДО 1902 Г. ВКЛЮЧИТЕЛЬНО

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОРЪ ГЕНЕРАЛЪ-ОТЪ-КАВАЛЕРІИ Д. А. СКАЛОНЪ

СОСТАВИЛЪ Б. ПРОФЕССОРЪ Г. Г. СКОРИЧЕНКО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ПОСТАВЩИКОВЪ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

Васильевскій Островъ, 16 линія, д. 5—7

1910

ПЕЧАТАНО ПО РАСПОРЯЖЕНІЮ ВОЕННАГО МИНИСТЕРСТВА
ВЪ КОЛИЧЕСТВѢ 1700 ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ,
изъ коихъ
200—ДЛЯ ВѢЧНАГО ХРАНЕНІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Въ настоящемъ второмъ и послѣднемъ томѣ исторія Императорской Военно-Медицинской Академіи доведена до 1902 года. Матеріалами для нашего очерка служили главнымъ образомъ архивныя данныя. Кромѣ того, мы воспользовались многими свѣдѣніями, помѣщенными въ историческихъ очеркахъ академическихъ кафедръ — въ сочиненіяхъ, большая часть которыхъ написана подъ нашимъ руководствомъ. Наконецъ нѣкоторыя очень цѣнныя указанія мы почерпнули изъ разсказовъ лицъ, оставшихся живыми свидѣтелями не очень далекаго прошлаго.

Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста заставилъ насъ опустить множество подробностей и остановиться на самыхъ существенныхъ обстоятельствахъ. Мы также не имѣли возможности приводить длинныя выдержки изъ разныхъ документовъ и ограничивались лишь передачей ихъ содержанія. Отъ этого однако нашъ трудъ, можетъ быть, выигралъ въ изложеніи, такъ какъ онъ даетъ въ сжатомъ видѣ цѣльную картину состоянія академіи и ея учрежденій въ разныя времена, не утомляя читателя деталями.

Для приложенія мы приготовили: 1) алфавитный списокъ воспитанниковъ Академіи за сто лѣтъ ея существованія съ показаніемъ года окончанія ими курса и 2) біографіи профессоровъ Академіи съ портретами ихъ.

Отпущенная Военнымъ Совѣтомъ небольшая сумма на изданіе нашего очерка не позволила напечатать эти матеріалы.

Авторъ.

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

Отдѣлъ I.

ВОЗРОЖДЕНІЕ АКАДЕМІИ.

ГЛАВА I.

Реформы Дубовицкаго.

Характеръ царствованія.

ОСШЕСТВІЕ на престолъ Императора Александра II знаменуетъ начало въ высшей степени важнаго для Россіи преобразовательнаго періода. Такія великія реформы, какъ отмѣна крѣпостного права, учрежденіе земствъ, введеніе мирового суда, преобразованіе университетовъ, отмѣна предварительной цензуры и т. д.— въ корнѣ мѣняли нашу общественную жизнь и обѣщали славное будущее. Къ сожалѣнію, съ конца шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія происходитъ заминка въ развитіи реформъ, вслѣдствіе чего въ обществѣ обнаружились недовѣріе къ правительственнымъ мѣропріятіямъ, ропотъ и нездоровое стремленіе

добиться новыхъ реформъ насильственнымъ путемъ. Послѣ того какъ репресивныя мѣры оказались безуспѣшны, правительство снова стало на путь улучшеній, но ужасное злодѣяніе 1 марта 1881 года прервало жизнь Царя-Освободителя и надолго затормозило общественное развитіе Россіи.

Отмѣченныя направленія въ административныхъ сферахъ сказались и на жизни медико-хирургической академіи. Въ теченіе десяти съ небольшимъ лѣтъ рядъ улучшеній совершенно возрождаетъ наше учрежденіе, и оно быстро пріобрѣтаетъ первенствующее значеніе среди высшихъ учебныхъ заведеній Россіи. Но затѣмъ наступаетъ упадокъ. Вопросъ о новыхъ улучшеніяхъ отступаетъ на второй планъ. Среди учащихъ — разладъ, борьба партій; среди учащихся — отсутствіе интереса къ наукѣ, преобладающее занятіе политическими демонстраціями. Полузакрытая академія нѣсколько лѣтъ едва влачитъ свое существованіе. Вполнѣ обезпеченнымъ оказалось развитіе нашего учрежденія лишь въ слѣдующемъ царствованіи.

Министры.

Съ 1855 г. военнымъ министромъ былъ генералъ-адъютантъ Николай Онуфріевичъ Сухозанетъ. Онъ проникнутъ былъ желаніемъ поднять значеніе академіи и потому дѣятельно поддерживалъ всѣ проекты, имѣвшіе цѣлью улучшеніе академической жизни. Но особенно много поработалъ на пользу нашей школы графъ Димитрій Алексѣевичъ Милютинъ, ставшій во главѣ военнаго министерства въ 1862 г. Онъ неуклонно проводилъ всѣ необходимыя преобразованія, насколько это зависѣло отъ него, и лишь постороннія вліянія (агитація его враговъ) заставили его, незадолго до выхода въ отставку, измѣнить свое отношеніе къ академіи.

Переломъ.

Президентъ академіи Венцеславъ Венцеславовичъ Пеликанъ не годился для роли преобразователя и 8 іюня 1856 г. оставилъ должность, а въ январѣ 1857 г. уволился и сынъ его, профессоръ Евгеній Венцеславовичъ. Шутники говорили: «пеликаны улетѣли». Въ этихъ словахъ былъ глубокій смыслъ. Ушли вліятельнѣйшіе академическіе дѣятели, представители отжившаго строя; ушли если не иностранцы, то во всякомъ случаѣ люди, пренебрежительно и недовѣрчиво относившіеся ко всему русскому. Вслѣдъ за ними оставилъ академію и бездарный вице-президентъ Бальбіани. Теперь наступило время дѣйствовать русскимъ людямъ, проникнутымъ глубокимъ патріотическимъ

чувствомъ, желаніемъ поставить академію на подобающую ей научную высоту.

Дубовицкій.

Во главѣ этихъ просвѣщенныхъ благородныхъ патріотическихъ дѣятелей сталъ Петръ Александровичъ Дубовицкій, назначенный президентомъ 24 января 1857 г. Невозможно было бы подыскать человѣка, болѣе подходящаго для тѣхъ преобразованій, которыя необходимы были для академіи. Онъ имѣлъ за собою большую опытность, такъ какъ учился въ московскомъ, былъ профессоромъ въ казанскомъ университетѣ, а въ академіи состоялъ и профессоромъ и ученымъ секретаремъ, при чемъ принималъ самое горячее участіе въ коммисіяхъ, обсуждавшихъ важнѣйшіе академическіе вопросы. Молодой для своей должности (42 лѣтъ), онъ былъ очень богатъ и пользовался вліяніемъ въ высшихъ административныхъ сферахъ. Какъ человѣкъ бездѣтный, онъ имѣлъ возможность сосредоточиться на вопросахъ, имѣющихъ лишь общественный интересъ и отдать всю свою незаурядную энергію на служеніе академіи.

Далѣе мы подробно остановимся на преобразованіяхъ временъ Дубовицкаго. Теперь же мы приведемъ перечень улучшеній, влившихъ въ академію новую жизнь.

Новое направленіе.

Прежде всего Дубовицкій добился изъятія академіи изъ зависимости отъ какого-либо изъ департаментовъ военнаго министерства. Президентъ былъ поставленъ въ прямыя отношенія къ военному министру по дѣламъ административнымъ и къ военному совѣту по дѣламъ хозяйственнымъ и законодательнымъ. Нечего и говорить, что такая мѣра сама по себѣ ужъ высоко поднимала значеніе академіи. Вообще президенту предоставлялись права, присвоенныя директорамъ департаментовъ военнаго министерства. Затѣмъ Дубовицкій вмѣстѣ съ конференціей занялся составленіемъ новаго устава, который долженъ былъ узаконить новыя теченія въ преподаваніи медицины. При этомъ требовалось между прочимъ улучшить подготовку питомцевъ академіи, какъ служащихъ въ арміи, какъ врачей для лѣченія солдатъ.

Расширеніе преподаванія.

Преподаваніе всѣхъ наукъ было расширено, для чего созданы новыя кафедры. Почти всѣ большія спеціальности въ области естествознанія и медицины послѣ этого имѣли своихъ представителей въ академіи. Приглашены были молодые ученые, заявившіе себя, какъ хорошіе преподаватели, и представившіе самостоятельныя изслѣдованія.

Съ цѣлью имѣть постоянно при академіи хорошо подготовленныхъ профессоровъ, созданъ институтъ врачей для усовершенствованія. Молодымъ докторамъ, оставленнымъ при академіи, предоставлялось самимъ избрать себѣ спеціальность; но конференція указывала, на какіе предметы долженъ обратить вниманіе будущій преподаватель во время пребыванія за границей. Для обезпеченія полноты преподаванія созданъ институтъ приватъ-доцентовъ. Отъ ищущихъ ученыхъ званій стали требовать болѣе основательныхъ знаній, а въ качествѣ диссертацій принято принимать ученыя работы, представляющія самостоятельныя изслѣдованія и при томъ написанныя не на латинскомъ языкѣ, а на русскомъ.

НОВЫЯ ЗДАНІЯ.

Старое зданіе было тѣсно и неудобно для преподаванія. Для естественныхъ наукъ построено особое большое помѣщеніе. Для наукъ, требующихъ разсѣченія труповъ, также воздвигнуто новое зданіе. Для ботаники сооружено особое зданіе и устроенъ ботаническій садъ. Ветеринарный институтъ помѣстился въ отдѣльныхъ удобныхъ постройкахъ. Старое госпитальное зданіе не оставлено въ прежнемъ видѣ. Улучшенія въ немъ обезпечены передачей хозяйственной части второго военнаго госпиталя въ вѣдѣніе коммисаріатскаго департамента, при чемъ медицинская часть оставлена въ непосредственномъ завѣдываніи академіи. Все главное госпитальное зданіе было перестроено, а придаточныя части его передѣланы съ цѣлью приспособить ихъ для клиническаго преподаванія. Во всѣ большія зданія проведены газъ и вода. Въ госпиталѣ увеличено число безплатныхъ гражданскихъ больныхъ, и профессорамъ дана возможность показывать учащимся всѣ главнѣйшія болѣзни и способы лѣченія ихъ. Съ этой же цѣлью устроенъ амбулаторный пріемъ больныхъ. Около госпиталя возникло новое образцовое учрежденіе — клиника Виллие, и туда переведена часть госпитальныхъ клиникъ.

НАУЧНЫЯ ПОСОБІЯ.

Всѣ кафедры обогащены научными пособіями, дѣлавшими преподаваніе болѣе практическимъ и обезпечивавшими производство ученыхъ изслѣдованій. Аптека преобразована и превращена въ серьезную фармацевтическую школу. Библіотека значительно пополнена; имущество ея приведено въ порядокъ, и составлены каталоги, дававшіе возможность отыскивать необходимыя монографіи.

УЧАЩІЕСЯ.

Студенты освобождены были отъ тягостнаго надзора. Общежитіе

закрыто, и учащимся предоставлено самимъ устанавливать для себя порядокъ занятій. Отмѣнены не только третные, но и многіе ежегодные экзамены. Студентъ могъ спокойно изучать науки, не страшась безчисленныхъ испытаній.

Отношеніе къ служащимъ.

Дубовицкій интересовался всѣми сторонами академической жизни. Во время посѣщенія академіи онъ, несмотря на свою тучность, заглядывалъ въ каждый уголокъ. Всякій служащій ожидалъ съ минуты на минуту появленія президента, который однихъ хвалилъ, другихъ распекалъ, смотря по качеству ихъ труда. Оттого вездѣ работа кипѣла. Лѣнтяи наказывались или увольнялись.

Дубовицкій, какъ преобразователь.

Большинство преобразованій было Дубовицкимъ доведено до конца. Но многое было начато и, несмотря на энергію президента, закончено лишь послѣ его смерти или совсѣмъ не приведено въ исполненіе. Во всякомъ случаѣ то, что Дубовицкимъ сдѣлано, составляетъ неувядаемый памятникъ его административнаго генія. Его реформы будутъ всегда вспоминаться потомствомъ съ благодарностью. Въ первомъ столѣтіи существованія нашего учрежденія это былъ единственный администраторъ, который въ короткое время обновилъ, влилъ новую душу въ одряхлѣвшую академію.

Глѣбовъ.

Ближайшимъ и энергичнѣйшимъ помощникомъ Дубовицкаго состоялъ вице президентъ Иванъ Тимофеевичъ Глѣбовъ. Онъ назначенъ 1 мая 1857 г., а оставилъ академію въ 1867 г. Онъ былъ питомцемъ московскаго отдѣленія академіи, тамъ же служилъ профессоромъ физіологіи и патологіи, а по закрытіи этого отдѣленія перешелъ въ московскій университетъ на ту же кафедру. Въ качествѣ вице-президента Глѣбовъ принималъ участіе въ рѣшеніи всѣхъ поднимавшихся вопросовъ, былъ членомъ или предсѣдателемъ всѣхъ сколько-нибудь важныхъ комиссій; вообще онъ несъ на своихъ плечахъ всю черную работу по преобразованіямъ.

Зининъ.

Другимъ и притомъ наиболѣе вліятельнымъ совѣтникомъ и помощникомъ Дубовицкаго былъ ученый секретарь и профессоръ Николай Николаевичъ Зининъ. Разносторонне образованный, краснорѣчивый, хорошо знакомый съ академической жизнью, онъ являлся иниціаторомъ многихъ преобразованій. Къ сожалѣнію, какъ химикъ, онъ слишкомъ односторонне смотрѣлъ на медицину, какъ на прикладное естествознаніе, и потому холодно относился къ клинической меди-

цинѣ. Впрочемъ, его вліяніе уравновѣшивалось заявленіями другихъ спеціалистовъ.

Участіе профессоровъ.

Кромѣ указанныхъ трехъ лицъ всѣ остальные члены конференціи играли дѣятельную роль при разработкѣ того или другого вопроса. Каждый имѣлъ возможность, когда дѣло касалось его каѳедры, поставить соотвѣтствующую часть преподаванія на должную высоту. Затихшая на время борьба русской и нѣмецкой партіи оставляла конференціи время заняться рѣшеніемъ важнѣйшихъ академическихъ дѣлъ.

Важный вопросъ.

При началѣ каждаго значительнаго періода въ исторіи академіи возникалъ вопросъ: въ какомъ вѣдомствѣ оставаться нашей школѣ? Ни одно министерство не обнаруживало особенной охоты принимать на себя руководство ею. Такъ было и въ 1856 г. Военный министръ затребовалъ мнѣнія конференціи по поводу предположенія передать академію въ министерство народнаго просвѣщенія. Конференція, помня, какое жалкое существованіе академія влачила до 1838 г., единогласно высказала, что для блага и преуспѣянія нашего учрежденія необходимо оставить ее и впредь въ военномъ министерствѣ. Это мнѣніе военный министръ положилъ въ основу своихъ заявленій. Въ результатѣ академію навсегда сдѣлали составною частью военнаго министерства. Этимъ обезпечены были тѣ преобразованія, о которыхъ мы будемъ говорить далѣе.

Программа.

Какъ человѣкъ независимыхъ убѣжденій, Дубовицкій принялъ должность президента не раньше, чѣмъ была утверждена его программа. Послѣдствіемъ соглашенія съ военнымъ министромъ являлось прежде всего освобожденіе академіи отъ опеки департаментовъ. Отнынѣ конференція, чрезъ посредство президента, сносилась съ военнымъ совѣтомъ и военнымъ министромъ, что, конечно, способствовало возможно быстрому разрѣшенію всѣхъ вопросовъ. Другимъ послѣдствіемъ явилось въ 1857 г. повелѣніе Государя возложить на конференцію составленіе новаго устава, при чемъ ей предложено «не стѣсняться въ своихъ предположеніяхъ, лишь бы эти предположенія клонились къ истинной пользѣ академіи и послужили твердымъ основаніемъ будущему благосостоянію и процвѣтанію сего столь важнаго учрежденія въ государствѣ и вообще могли поставить въ отечествѣ нашемъ нашу врачебную науку на ту же степень совершенства, въ

кой она находится въ Германіи и Франціи». Эти золотыя слова изъ отношенія военнаго министра къ президенту открывали академіи славное будущее; они выводили ее на путь непрерывныхъ улучшеній и толкали впередъ даже малодушныхъ, предписывая «не стѣсняться въ своихъ предположеніяхъ». Желая тѣснѣе связать академію съ военнымъ министерствомъ, Дубовицкій указалъ между прочимъ одно направленіе, котораго не должна была избѣгать конференція. 24 февраля 1862 г. президентъ заявилъ, что «военный министръ призналъ полезнымъ дать большее развитіе тѣмъ курсамъ, которые способствуютъ спеціальному назначенію академіи, и ввести преподаваніе военной гигіены, хирургіи, патологіи и терапіи болѣзней солдатъ».

Всѣ эти распоряженія ясно и точно обозначали задачу, поставленную передъ академіей. Съ одной стороны слѣдовало улучшить вообще преподаваніе медицины, съ другой - приспособить наше учрежденіе къ потребностямъ военнаго быта.

Посмотримъ теперь, какъ академія отозвалась на сдѣланныя ей предложенія.

ГЛАВА II.

Улучшеніе преподаванія.

Немедленно послѣ оглашенія Высочайшаго повелѣнія о составленіи проекта преобразованій, конференція занялась улучшеніемъ преподаванія. Такъ какъ дѣло касалось всѣхъ каѳедръ, то составилась комиссія съ цѣлью связать въ одно стройное цѣлое стремленія отдѣльныхъ отраслей медицины и ввести согласіе въ систему преподаванія. Комиссія послѣдовательно разсматривала различные вопросы, представляла доклады, и конференція послѣ того дѣлала окончательныя постановленія.

Положеніе естествознанія.

Въ то время медицина ужъ усвоила пріемы естествознанія, у котораго заимствовала и способы изслѣдованія и общіе взгляды. Нѣкоторыя части медицины приняли характеръ экспериментальныхъ наукъ и до нѣкоторой степени сдѣлались отраслями прикладного естествознанія. Вполнѣ логично было для всякаго образованнаго врача, приступая къ изученію медицины, прежде всего ознакомиться съ тѣми естественными науками, которыя составляли научную основу

врачеванія. Оттого на западѣ студенты основательно изучали естествознаніе и затѣмъ ужъ переходили къ усвоенію медицины. У насъ въ этомъ отношеніи сказался прискорбный пробѣлъ. Его и заполнила конференція. Она вполнѣ правильно полагала, что учащійся долженъ получить не только теоретическія свѣдѣнія изъ области естественныхъ наукъ, но также изучить ихъ практически и при этомъ усвоить пріемы изслѣдованія, всю логику экспериментальнаго метода; а этой цѣли возможно достичь, лишь занимаясь наукой практически, лишь производя самостоятельныя изслѣдованія.

Для указанной цѣли и составъ преподавателей и пособія представлялись неподходящими. Въ академіи существовали всего двѣ кафедры: физико-химіи и естественныхъ наукъ. Вмѣсто нихъ конференція учредила четыре, вмѣсто пятой удовольствовалась выборомъ адъюнкта.

Физика.

Преподаваніе физики слѣдовало поставить возможно полнѣе съ цѣлью ознакомить учащихся съ теоріей употребляемыхъ въ медицинѣ приборовъ и съ производствомъ измѣреній. Вотъ почему въ сентябрѣ 1860 г. учреждена особая кафедра физики, метеорологіи, климатологіи и физической географіи. Новая кафедра снабжена необходимыми пособіями, но объ этомъ мы поговоримъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ.

Зоологія, ботаника и минералогія.

Преподаваніе зоологіи, ботаники и минералогіи съ 1852 г. сосредоточивалось въ одной кафедрѣ. Желая дать большее развитіе преподаванію естественныхъ наукъ, конференція въ 1862 г. образовываетъ кафедру зоологіи и сравнительной анатоміи. Раньше этого, 28 іюня 1860 г., открыта кафедра ботаники, фитотоміи и фито-физіологіи. Хотя минералогія относилась къ соединенной кафедрѣ естественныхъ наукъ, но на самомъ дѣлѣ преподавалъ ее химикъ. Обремененный занятіями и не спеціалистъ по этой наукѣ, профессоръ не имѣлъ возможности преподавать ее надлежащимъ образомъ. 23 сентября 1859 г. конференція признала необходимымъ поручить особому адъюнкту чтеніе минералогіи съ геологіей и палеонтологіей. Итакъ, въ короткое время окончательно обособились предметы преподаванія: физика, химія, зоологія, ботаника и минералогія.

Патологическая анатомія.

Въ мартѣ 1859 г. Дубовицкій заявилъ въ конференціи, что «патологическая анатомія составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ врачебной науки и потому для преподаванія ея какъ за границей, такъ

и у насъ въ россійскихъ университетахъ учреждены особыя каѳедры. Въ Императорской же медико-хирургической академіи до сего времени нѣтъ отдѣльной каѳедры. Въ 1841 г. при учрежденіи каѳедры госпитальной хирургической клиники для студентовъ 5 курса между прочимъ имѣлось въ виду не только клиническое наставленіе въ хирургіи, но и преподаваніе хирургической и патологической анатоміи. Хотя при этой каѳедрѣ теперь состоитъ адъюнктъ-профессоръ, но выполнить все вышесказанное одному профессору съ его помощникомъ-адъюнктомъ нѣтъ никакой возможности и поэтому до сихъ поръ въ академіи не было полнаго преподаванія патологической анатоміи». Правда, конференція постановила въ составленномъ ею проектѣ новаго устава учредить отдѣльную каѳедру патологической анатоміи. Но такъ какъ до утвержденія устава было еще далеко, то Дубовицкій предлагалъ для ускоренія дѣла воспользоваться экономическими суммами для устройства каѳедры. Предложеніе президента было принято и съ 19 декабря 1859 г. явилась новая каѳедра, при чемъ содержаніе профессора пока отнесено на сумму, собранную съ вольнослушателей за право ученія.

Практическая анатомія.

Основанный Пироговымъ институтъ практической анатоміи потерялъ прежнее значеніе и долженъ былъ реформироваться. Теоретическое и демонстративное преподаваніе въ немъ было крайне недостаточно, а между тѣмъ конференція считала необходимымъ требовать отъ учащихся самаго основательнаго знакомства съ устройствомъ тѣла, также съ элементарнымъ (микроскопическимъ) строеніемъ тканей и органовъ. Одинъ профессоръ не могъ удовлетворить указанной цѣли, т. е. изложить теоретическій курсъ анатоміи и научить студентовъ препаровать. 27 февраля 1860 г. конференція постановила ходатайствовать объ открытіи каѳедры практической анатоміи со штатомъ, состоящимъ изъ одного ординарнаго профессора и одного прозектора, съ тѣмъ, чтобы всѣ занятія учащихся по практической анатоміи производились подъ надзоромъ и руководствомъ профессора этой каѳедры въ качествѣ начальника-распорядителя (chef des travaux anatomiques). Анатомическій институтъ предполагалось слить въ одно съ вновь учреждаемой каѳедрой, при чемъ часть суммы, положенной на содержаніе прежняго института, должна была служить для жалованья персонала новой каѳедры, а другая часть для учрежденія прозектуры при каѳедрѣ патологической анатоміи.

Итакъ, званіе директора анатомическаго института замѣнилось титуломъ профессора практической анатоміи, а изъ двухъ прозекторовъ института одинъ отходилъ къ только-что упомянутому профессору, а другой—къ преподавателю патологической анатоміи. 3 сентября 1860 г. ходатайство конференціи удостоилось Высочайшаго утвержденія.

Глазныя болѣзни.

Уставомъ 1835 года упразднена кафедра глазныхъ болѣзней и теоретическое преподаваніе ихъ отошло къ профессору теоретической хирургіи, а производство глазныхъ операцій—къ представителю оперативной хирургіи. Больные помѣщались въ хирургическихъ клиникахъ. Дубовицкій еще въ 1843 г., будучи профессоромъ, указывалъ на необходимость самостоятельной офталмологической клиники. Къ счастію, въ военно-сухопутномъ госпиталѣ съ 1840 г. находился ординаторъ Кабатъ—выдающійся окулистъ. Онъ знакомилъ практически съ глазными болѣзнями студентовъ и врачей. Въ 1857 г. онъ подалъ президенту докладную записку, въ которой указывалъ на важность органа зрѣнія, на частыя заболѣванія послѣдняго, на трудность распознаванія глазныхъ болѣзней и на частое появленіе глазныхъ эпидемій въ войскахъ. Очертивъ новѣйшіе успѣхи офталмологіи, онъ горячо доказывалъ необходимость самостоятельной кафедры. При этомъ онъ ссылался на московскій университетъ, на нѣкоторые заграничные медицинскіе факультеты, учредившіе особыя кафедры, и наконецъ на постановленіе брюссельскаго съѣзда офталмологовъ, единогласно признавшаго необходимыми особыя глазныя клиники. Записка Кабата ускорила дѣло, и 28 іюня 1860 г. академія обогатилась самостоятельной офталмологической кафедрой; клиника при ней была открыта въ слѣдующемъ году 8 января.

Нервныя и душевныя болѣзни.

Нервныя и душевныя болѣзни въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ читались профессорами частной патологіи или ихъ адъюнктами. Академія долго не могла подыскать надлежащимъ образомъ подготовленнаго спеціалиста для преподаванія психіатріи. Въ 1857 г., при общемъ пересмотрѣ системы преподаванія, конференція обратила вниманіе на отсутствіе школы, которая приготовляла бы спеціалистовъ, знакомыхъ съ разстройствами нервной системы, а между тѣмъ они весьма нужны какъ для лѣченія соотвѣтствующихъ болѣзней, такъ и для рѣшенія многихъ ученыхъ вопросовъ. Кромѣ того, зна-

комство съ нервными и душевными болѣзнями необходимо каждому практическому врачу. Въ виду этого конференція полагала необходимымъ учредить особую кафедру, которая имѣла бы цѣлью: 1) ознакомить вообще всѣхъ врачей съ болѣзнями, весьма часто встрѣчающимися на практикѣ, распознаваніе которыхъ представляетъ весьма много затрудненій, между тѣмъ какъ лѣченіе возможно только въ раннихъ періодахъ ихъ развитія; ознакомить не только съ распознаваніемъ, но и съ лѣченіемъ этихъ болѣзней; 2) изложить науку о душевныхъ болѣзняхъ болѣе спеціально и дать возможность присмотрѣться къ различнымъ ихъ видамъ тѣмъ изъ врачей, которые впослѣдствіи должны заниматься преимущественно судебной медициной, слѣдовательно, будущимъ уѣзднымъ и земскимъ врачамъ, членамъ и инспекторамъ врачебныхъ управъ; 3) приготовить врачей, которые посвятятъ себя исключительно душевнымъ болѣзнямъ, съ цѣлью занять со временемъ мѣста ординаторовъ и директоровъ заведеній для душевныхъ больныхъ. Въ качествѣ клиники предполагалось присоединить къ кафедрѣ отдѣленіе душевныхъ болѣзней при 2 военно-сухопутномъ госпиталѣ. Не желая затягивать дѣло, конференція постановила ввести съ 1 сентября 1857 г. преподаваніе психіатріи въ качествѣ самостоятельной науки. Самая кафедра была учреждена 28 іюня 1860 г.

ВОЕННАЯ МЕДИЦИНА.

Выше мы упомянули о томъ, что Дубовицкій поднялъ между прочимъ вопросъ о приспособленіи академіи къ подготовкѣ спеціально военныхъ врачей. Этотъ вопросъ былъ не новъ не только въ иностранной, но и въ русской медицинской литературѣ. Для каждаго ясно, что гражданинъ, поселившись въ казармѣ въ качествѣ солдата, находится въ особенныхъ условіяхъ, послѣдствіемъ чего должны быть особенныя заболѣванія его. Въ лагерное и военное время недостатки обстановки наростаютъ, почему особенно часто возникаютъ войсковыя эпидеміи именно въ указанное время. Задачей военнаго врача должно служить предупрежденіе и возможно быстрое лѣченіе болѣзней солдатъ, а для этого необходимо основательное знакомство съ солдатскимъ бытомъ, съ вліяніемъ той или иной обстановки на развитіе различныхъ болѣзней. Очевидно, молодой врачъ, являясь въ казармы, наряду съ общимъ медицинскимъ образованіемъ долженъ обладать свѣдѣніями изъ области спеціально военной медицины. И практическая

подготовка военнаго врача должна быть такъ подогнана, чтобы онъ приносилъ наиболѣе пользы именно тогда, когда его помощь наиболѣе и требуется: во время или послѣ сраженій, при различныхъ случайностяхъ въ лагерной или казарменной жизни. Медицинскіе авторитеты единогласно указывали на необходимость изученія военной медицины будущими военными врачами. Въ академіи Петръ Франкъ въ своемъ уставѣ 1806 г. ввелъ этотъ предметъ, какъ обязательный для студентовъ, но преподаваніе его не могло наладиться до настоящаго времени.

Въ 1861 г. конференція не была подготовлена для рѣшенія такого важнаго вопроса. Она ограничилась тѣмъ, что рѣшила просить профессоровъ заняться приспособленіемъ медицинскихъ наукъ къ военной медицинѣ каждаго по своей части. Но никто этимъ не занимался. Въ 1862 г. президентъ вторично предписалъ «безотлагательно заняться полной разработкой» указанныхъ вопросовъ. Въ томъ же году онъ повторилъ просьбу ускорить разсмотрѣніемъ интересовавшее его дѣло. Тогда конференція избрала комиссію, которая однако собралась не скоро и на первомъ засѣданіи постановила потребовать отъ каждаго изъ членовъ представленія соображеній.

Гигіена.

Въ общемъ гора родила мышь. Комиссія проработала $2^1/_2$ года и не рѣшила поставленной ей задачи. Однако она принесла пользу въ другомъ отношеніи, именно она поддержала стремленіе конференціи основать двѣ новыя кафедры и основаніемъ для ходатайства положила мысль о пользѣ особой подготовки воспитанниковъ академіи, какъ будущихъ военныхъ врачей. 31 октября 1864 г. комиссія единогласно опредѣлила: отдѣлить гигіену отъ кафедры судебной медицины и токсикологіи, ввести вновь преподаваніе при ней сравнительной статистики болѣзней военныхъ и невоенныхъ людей и изложеніе военно-медицинскихъ учрежденій русскихъ и иностранныхъ и образовать для него особую кафедру съ особымъ преподавателемъ.

Оперативная хирургія.

Одновременно комиссія признала неотложнымъ отдѣленіе преподаванія оперативной хирургіи отъ существующихъ въ академіи хирургическихъ кафедръ. При этомъ условіемъ успѣшности преподаванія признано: 1) образованіе хирургическаго музея, дабы пользоваться имъ съ большей наглядностью при изученіи практической хирургіи. Музей долженъ заключать въ себѣ хирургическіе инстру-

менты, средства переноски и перевозки раненыхъ съ поля сраженія и транспортировку ихъ изъ одного госпиталя въ другой. 2) Введеніе обязательныхъ практическихъ упражненій студентовъ въ анатомо-топографическихъ диссекціяхъ или въ хирургической анатоміи. 3) Расширеніе обязательнаго техническаго изученія оперативной хирургіи. Каѳедра по предположенію должна имѣть особаго преподавателя и прозектора и включать: топографическую или хирургическую анатомію, оперативную хирургію и десмургію съ механургіей.

7 ноября 1864 г. конференція вполнѣ согласилась съ комиссіей и представила въ военный совѣтъ проектъ учрежденія двухъ новыхъ каѳедръ. 30 марта 1865 г. этотъ проектъ былъ Высочайше утвержденъ.

Новыя программы преподаванія.

Такимъ образомъ въ академіи возникло восемь новыхъ каѳедръ: физики, ботаники, патологической анатоміи, практической анатоміи, офталмологіи, психіатріи, гигіены и оперативной хирургіи. На прежнихъ каѳедрахъ преподаваніе было расширено или преобразовано. Съ цѣлью дать конференціи возможность слѣдить за изложеніемъ наукъ на лекціяхъ, въ 1857 г. предложено всѣмъ преподавателямъ пересмотрѣть, согласно современнымъ научнымъ требованіямъ, свои программы преподаванія и представить конференціи новыя, по возможности подробныя. Лишь этихъ, одобренныхъ конференціей, программъ должны были держаться преподаватели.

Инструкція для профессоровъ.

Но однѣ программы недостаточны. Необходимо, чтобы онѣ выполнялись. Надо, чтобы преподающіе были трудолюбивы и добросовѣстно относились къ своимъ обязанностямъ. Дубовицкій воздѣйствовалъ, сколько могъ, на профессоровъ и въ этомъ направленіи. Но чтобы опредѣлить объемъ необходимѣйшихъ обязанностей преподавателя, онъ предложилъ составить инструкцію. Она была утверждена конференціей 2 сентября 1866 г. и заключала слѣдующія правила. Всѣмъ преподавателямъ вмѣнялось въ обязанность читать еженедѣльно опредѣленное число лекцій, сообразно росписанію учебныхъ часовъ, составляемому конференціей (§ 1). Курсъ долженъ быть изложенъ вполнѣ въ теченіе учебнаго года, согласно программѣ, утвержденной конференціей (§ 2). На лекціяхъ слѣдуетъ передавать полныя и существенныя свѣдѣнія, въ современномъ ихъ состояніи, съ критическимъ изложеніемъ фактовъ (§ 3). Этотъ параграфъ легче утвердить, чѣмъ выполнить. Преподаватели практическихъ предметовъ совершаютъ

также въ опредѣленное время курсъ практическихъ занятій, посвящая время каждому студенту по очереди (§ 4). При наплывѣ слушателей выполненіе подобнаго требованія очень затруднительно. Преподаватели излагаютъ свой предметъ по русски живымъ словомъ, имѣя предъ собой, если пожелаютъ, только краткій конспектъ преподаваемаго (§ 5). Здѣсь повторено давнишнее желаніе конференціи упразднить чтеніе въ буквальномъ смыслѣ, по тетрадкамъ. Преподаватели ни въ какомъ случаѣ не могутъ высказывать на лекціи чего-либо противнаго религіи, нравственности, законамъ и правительственнымъ распоряженіямъ (§ 6). Для руководства учащихся профессоръ обязанъ или напечатать курсъ излагаемаго имъ предмета или издать таковой литографированными записками. Взамѣнъ того или другого онъ можетъ избрать лучшее по этой отрасли сочиненіе на русскомъ языкѣ и только при недостаткѣ таковыхъ указать на сочиненія на французскомъ или нѣмецкомъ языкахъ. При этомъ желательно, чтобы таковое сочиненіе переведено было имъ на отечественный языкъ (§ 7). Никакое сочиненіе не можетъ быть указано преподавателемъ, какъ руководство, прежде разсмотрѣнія и одобренія конференціей (§ 8). Преподаватели обязаны начинать и кончать свои лекціи въ опредѣленные по росписанію часы. Послѣ каждой лекціи они росписываются собственноручно въ заведенномъ для того журналѣ, обозначая и самыя статьи, послужившія предметомъ для лекціи (§ 9). Слѣдовало добавить, что число пропущенныхъ лекцій въ концѣ года сосчитывается и докладывается конференціи. Въ опредѣленное время преподавателемъ производится испытаніе студентовъ, при участіи двухъ профессоровъ, назначаемыхъ президентомъ. Каждый изъ нихъ дѣлаетъ у себя особыя отмѣтки, изъ которыхъ тутъ же дѣлается общій выводъ для каждаго предмета (§ 12). Преподавателямъ вмѣняется въ обязанность являться на службу въ академію не иначе, какъ въ форменномъ платьѣ, и руководствоваться въ этомъ отношеніи правилами, установленными для военныхъ чиновъ (§ 14). Преподаватели, состоящіе въ числѣ членовъ конференціи, обязаны присутствовать въ засѣданіяхъ ея. Въ случаѣ болѣзни или другой законной причины, препятствующей имъ явиться въ собраніе, они обязаны донести о томъ президенту (§ 15).

Недостатки преподаванія.

Ужъ одинъ текстъ инструкціи заставляетъ предполагать, что нѣкоторые преподаватели были не очень аккуратны (чтобы не сказать

болѣе). И дѣйствительно, многіе пропускали лекціи безъ всякой основательной причины, другіе опаздывали, а затѣмъ затягивали окончаніе своего чтенія и заставляли студентовъ приходить поздно къ слѣдующему профессору. Нѣкоторые, какъ напр. Здекауеръ, почти каждую лекцію начинали извиненіемъ въ томъ, что заставили слушателей напрасно ждать. Ледоходъ, праздники и т. п. препятствовали всѣмъ преподавателямъ продолжать безпрерывное чтеніе лекцій, но немногіе изъ нихъ и послѣ окончанія перерыва не могли подтянуть себя и въ назначенное время возобновить чтенія. Несмотря на инструкцію, большинство не успѣвало окончить курсъ по утвержденной программѣ и къ концу года или сильно сокращали изложеніе или совершенно не читали нѣкоторыхъ отдѣловъ. Также въ противность инструкціи немногіе никакъ не могли отказаться отъ чтенія по тетрадкамъ, и передъ слушателями въ теченіе года проходилъ длинный рядъ записокъ; однѣ были пожелтѣвшія отъ времени, другія казались новѣе и были подшиты къ старымъ. О вліяніи живого слова въ подобныхъ случаяхъ не могло быть и рѣчи. Всѣ почти пользовались конспектами во время лекцій, что само по себѣ нисколько не вредитъ преподаванію, если въ запискѣ помѣщены голыя числа или цитаты изъ сочиненій, не имѣющихся подъ рукою. Вообще говоря, въ академическомъ преподаваніи всегда оказывались недочеты, зависящіе исключительно отъ преподавателей, которые не всегда были трудолюбивы, не всегда здоровы и полны силъ. Тутъ никакія инструкціи помочь не въ состояніи.

Недостатки клиникъ.

Ближайшіе совѣтники Дубовицкаго не были особенно расположены къ практической медицинѣ и смотрѣли на нее, какъ на «прикладное естествознаніе». Оттого Зининъ и Глѣбовъ болѣе всего заботились о постановкѣ преподаванія естествознанія. Дубовицкій держался иного взгляда и съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности сталъ трудиться надъ приведеніемъ клиникъ въ лучшее состояніе. Тогда главное зданіе академіи было занято по бокамъ студенческимъ общежитіемъ, а въ центрѣ помѣщались церковь, библіотека и канцелярія. Преподаваніе сосредоточивалось во второмъ сухопутномъ (нынѣ клиническомъ) госпиталѣ, фасадомъ выходившемъ на набережную. Здѣсь въ центральной части ютились кабинеты и аудиторіи, а по бокамъ шли уже госпитальныя палаты. Позади каменнаго зданія

располагались постройки, почти всѣ деревянныя (въ полномъ безпорядкѣ на довольно значительное разстояніе вплоть до Ломанскаго переулка). Между ними находились и огороды и непролазныя болота. Въ большинствѣ этихъ бараковъ размѣщались госпитальныя палаты. Онѣ близки были къ полному разрушенію вслѣдствіе ветхости и не удовлетворяли даже скромнымъ требованіямъ академическихъ преподавателей. Къ довершенію зла госпиталь имѣлъ нѣсколько хозяевъ. Профессора дѣлали распоряженія въ качествѣ врачей, слѣдящихъ за ходомъ болѣзней у помѣщенныхъ въ палаты больныхъ, но главный врачъ съ своей стороны приказывалъ, какъ главный руководитель госпиталя. Больныхъ размѣщали въ палатахъ или переводили, не справляясь съ мнѣніемъ профессоровъ. Также поступали и съ ординаторами. При такомъ положеніи дѣлъ клиническое преподаваніе сильно страдало. Для устраненія хотя бы только самыхъ вопіющихъ безобразій въ 1851 г. была назначена комиссія, которая должна была выработать планъ преобразованія госпиталя. Въ числѣ членовъ находился ученый секретарь Дубовицкій. Комиссія представила нѣкоторыя благія пожеланія, но толка отъ нихъ не получилось. Немедленно по вступленіи въ должность президента Дубовицкій предложилъ конференціи рядъ мѣръ. Всѣ онѣ были одобрены и оказались очень успѣшными.

Госпитальныя отдѣленія.

«Желая устранить замѣченные въ госпиталѣ безпорядки, поставить на должную высоту врачеваніе больныхъ, поддержать строгую отчетность и на дѣлѣ показать пользу присоединенія госпиталя къ академіи», президентъ составилъ новое распредѣленіе госпитальныхъ занятій. Госпиталь раздѣлялся на 13 отдѣленій по родамъ болѣзней. Каждое отдѣленіе находилось въ завѣдываніи профессора или адъюнкта, состоящаго въ госпитальной службѣ. Завѣдующему предоставлялись всѣ права и обязанности клиническаго профессора. На обязанности его оставалась вся собственно врачебная часть отдѣленія. Ему подчинялись ординаторы, назначенные въ каждое отдѣленіе. Профессоръ или адъюнктъ не могъ быть перемѣщенъ въ другое отдѣленіе, но ординаторъ по истеченіи извѣстнаго срока мѣнялъ отдѣленіе, если высказывалъ желаніе, или по желанію профессора или по встрѣтившейся надобности. Профессоръ руководилъ лѣченіемъ больныхъ, но вся тяжесть госпитальной работы лежала на ординаторахъ. Восемь

старшихъ ординаторовъ, не распредѣленныхъ по госпитальнымъ отдѣленіямъ, провѣряли распоряженія обыкновенныхъ ординаторовъ.

Госпитальныя отдѣленія.

Упомянутыя 13 отдѣленій были слѣдующія: судебно-медицинское, 3 терапевтическихъ, холерное и поносное, хирургическое, глазное, сифилитическое, сыпное, умалишенное, офицерское, арестантское и женское.

Описанная мѣра дала благодѣтельныя послѣдствія. Профессора и ихъ помощники были наконецъ признаны хозяевами клиникъ. Они стали слѣдить за содержаніемъ больныхъ, и вслѣдствіе этого положеніе больныхъ значительно улучшилось.

Дежурства студентовъ.

Тогда же, въ 1857 г., возобновлены дежурства студентовъ 5 курса въ клиникахъ. Для ознакомленія съ обязанностями врача ежедневно назначались 4 студента 5 курса; они дежурили въ двухъ госпитальныхъ терапевтическихъ отдѣленіяхъ, въ госпитальныхъ хирургической и акушерской клиникахъ. Кромѣ того 2 студента назначались въ терапевтическую и хирургическую академическія клиники.

Гражданскіе больные.

Вскорѣ сдѣланъ еще шагъ впередъ. Съ 1848 г., для бо́льшаго разнообразія въ изученіи болѣзненныхъ случаевъ, допущенъ пріемъ въ госпиталь лицъ гражданскаго вѣдомства. Для нихъ положено 175 мѣстъ изъ общаго числа 900. Но эта мѣра не осуществлялась полностью. Въ 1859 г. Дубовицкій добился разрѣшенія «помѣщать на свободныя кровати 100 человѣкъ гражданскихъ больныхъ, между ними 15 офицерскаго званія, съ замѣчательными болѣзнями для лучшаго практическаго образованія воспитанниковъ академіи». Профессора теперь получили возможность принимать въ клиники больныхъ, требуемыхъ при чтеніи соотвѣтствующихъ частей курса.

Амбулаторіи.

Еще одна мѣра завершала полноту клиническаго преподаванія. Въ 1859 г. постановлено открыть амбулаторныя клиники. Въ каждой изъ нихъ консультантомъ долженъ былъ состоять профессоръ. Для помѣщенія ихъ избраны пріемные покои, имѣвшіеся уже при нѣкоторыхъ госпитальныхъ отдѣленіяхъ, или подходящія палаты. Расходъ по содержанію амбулаторій отнесенъ на остатки отъ суммы, назначенной на содержаніе гражданскихъ больныхъ. Профессорамъ предоставлено принимать въ свои отдѣленія больныхъ съ амбулаторнаго пріема, если болѣзнь окажется тяжелой и упорной или представитъ особый клиническій интересъ.

Больные съ 1860 г. въ большомъ числѣ посѣщали новыя клиники и доставляли цѣнный матеріалъ для изученія всевозможныхъ заболѣваній.

Вообще въ клиническомъ преподаваніи произведены были глубокія перемѣны, поставившія академію на ряду съ лучшими учрежденіями подобнаго рода.

Недостатокъ преподавателей.

Въ разсматриваемое время чувствовался недостатокъ въ преподавательскихъ силахъ. Въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ въ академіи и университетахъ не были замѣщены 44 каѳедры вслѣдствіе отсутствія подходящихъ спеціалистовъ. Представителей нѣкоторыхъ отраслей медицины и естествознанія въ Россіи не существовало, почему невозможно было открыть различныя новыя каѳедры. Оттого въ университетахъ, съ цѣлью обезпечить ихъ преподавателями, лучшихъ студентовъ по окончаніи ими курса оставляли при университетахъ для подготовки къ профессурѣ. Подобные молодые люди пользовались разными льготами при своихъ занятіяхъ, посылались за границу на казенный счетъ и по возвращеніи получали каѳедру. Такая мѣра примѣнялась и въ академіи съ самаго начала существованія нашей школы, но, къ сожалѣнію, не съ особенной правильностью. Молодыхъ врачей оставляли репетиторами и затѣмъ нѣкоторыхъ посылали для усовершенствованія за границу. При этомъ каждому изъ нихъ давалась особая инструкція съ цѣлью приготовить различныхъ спеціалистовъ. Случалось однако, что нѣсколько лѣтъ не посылали никого. Такъ, съ 1849 г. правильная посылка въ чужіе края была прекращена изъ политическихъ соображеній, позже—по причинѣ финансовыхъ затрудненій.

Институтскіе врачи.

Дубовицкій въ 1857 г. предложилъ конференціи воспользоваться состоявшимся въ 1845 г. Высочайшимъ повелѣніемъ объ оставленіи оканчивающихъ курсъ врачей на годъ при второмъ военно-сухопутномъ госпиталѣ, прежде отправленія ихъ на мѣсто службы. Это постановленіе не выполнялось. Дубовицкій совѣтовалъ ежегодно оставлять не свыше 10 изъ наилучше окончившихъ курсъ на 3 года для усовершенствованія. Эта мѣра 25 мая 1858 г. была Высочайше утверждена, при чемъ оговорено, что «нѣтъ надобности давать такому учрежденію особаго наименованія». Въ октябрѣ 1858 г. утверждена инструкція для подобныхъ «институтскихъ» врачей, какъ ихъ назы-

вали въ разговорѣ. Согласно инструкціи, десять отличнѣйшихъ врачей оставлялись ежегодно при академіи и второмъ военно-сухопутномъ госпиталѣ на 3 года для дальнѣйшаго образованія. Конференціи предоставлялось прикомандировывать, по ея усмотрѣнію, больше или меньше десяти, лишь бы общее число не превышало 30. Занятія врачей должны были состоять въ изученіи медицины и естествознанія, а также въ пріобрѣтеніи нужной практической опытности въ военно-медицинской службѣ. Это требовалось съ цѣлью устранять затрудненія въ замѣщеніи преподавательскихъ мѣстъ при академіи и вмѣстѣ съ тѣмъ снабжать военно-медицинское вѣдомство молодыми врачами съ высшимъ спеціальнымъ образованіемъ.

Посылка за границу.

Три лучшихъ врача каждаго выпуска (изъ институтскихъ) по выбору конференціи отправлялись за границу на два года для завершенія своего образованія. Однимъ изъ необходимыхъ условій заграничной командировки было знаніе французскаго и нѣмецкаго языковъ. При отправленіи за границу посылаемымъ давали инструкцію, опредѣлявшую ихъ занятія. Каждые полгода находящійся на чужбинѣ обязанъ былъ представлять краткія свѣдѣнія о своихъ занятіяхъ, а по возвращеніи въ академію — полный подробный отчетъ о своемъ путешествіи.

Не посланные за границу, по истеченіи трехъ лѣтъ пребыванія въ институтѣ, передавались въ распоряженіе военно-медицинскаго вѣдомства. При этомъ конференція подробно сообщала о занятіяхъ каждаго за время нахожденія въ академіи.

Преподавательскія мѣста замѣщались сначала исключительно институтскими врачами, вернувшимися изъ-за границы и лишь при недостаткѣ таковыхъ брались не посланные въ чужіе края. Съ другой стороны, и вернувшіеся съ чужбины при недостаткѣ вакансій въ академіи передавались въ военно-медицинское вѣдомство.

Руководство институтомъ.

Управленіе институтомъ врачей для усовершенствованія было поручено вице-президенту и для него составлена особая инструкція. Въ ней ему вмѣнялось въ обязанность быть руководителемъ и совѣтникомъ въ распредѣленіи учебныхъ и служебныхъ занятій, вникать въ самый способъ занятій институтскихъ врачей и руководить ихъ своими совѣтами въ расположеніи предметовъ для изученія и распредѣленіи времени ихъ занятій, сообразно съ характеромъ, располо-

женіемъ, направленіемъ, способностями и степенью познаній каждаго изъ врачей. Онъ обязанъ былъ имѣть попеченіе о доставленіи всѣхъ возможныхъ средствъ къ образованію врачей и заботиться объ удовлетвореніи ихъ научныхъ потребностей лично или посредствомъ отношеній, представленій и ходатайствъ предъ кѣмъ слѣдуетъ, имѣя самое дѣятельное попеченіе объ устраненіи по возможности всѣхъ препятствій и затрудненій въ ихъ занятіяхъ. Врачамъ предписывалось относиться во всѣхъ своихъ нуждахъ, касающихся учебныхъ и служебныхъ занятій, непосредственно къ вице-президенту. Онъ, по истеченіи каждаго полугодія или академическаго года, представлялъ конференціи подробный отчетъ о занятіяхъ и успѣхахъ каждаго изъ врачей. Вообще вице-президентъ находился въ повседневныхъ непосредственныхъ отношеніяхъ съ каждымъ институтскимъ врачемъ, для чего допускалъ къ себѣ во всякое время и собиралъ ихъ у себя въ опредѣленное время для взаимной бесѣды.

Глѣбовъ, какъ руководитель.

Первымъ и послѣднимъ руководителемъ институтскихъ врачей былъ вице-президентъ Глѣбовъ. Онъ много поработалъ въ этомъ направленіи, принесъ немало пользы молодымъ товарищамъ, заботясь объ ихъ нуждахъ и защищая ихъ, насколько это было возможно. Онъ, между прочимъ, устроилъ собранія институтскихъ врачей, читавшихъ свои доклады. Обмѣнъ мнѣній между ними много способствовалъ ихъ развитію. Съ уходомъ Глѣбова изъ академіи, эти собранія прекратились. Послѣ Глѣбова руководителей не оказалось, и институтскіе врачи поступали въ вѣдѣніе профессора, спеціальность котораго они изучали.

Конкурсъ.

Въ институтъ совершенствующихся врачей сначала назначали десять изъ первыхъ по отмѣткамъ, полученнымъ на выпускныхъ экзаменахъ. Съ 1865 г. допускались къ конкурсу двадцать первыхъ по отмѣткамъ. Они въ присутствіи конференціи писали сочиненіе на предложенныя ею темы; каждому предоставлялось выбирать одну изъ заданныхъ темъ. Всѣ сочиненія прочитывались и на основаніи ихъ баллотировкой рѣшали, кого оставить при академіи.

Цвѣты и терніи.

При Глѣбовѣ, въ первыя восемь лѣтъ существованія института, получили высшее медицинское образованіе 86 врачей; изъ нихъ 50 переданы въ военно-медицинское вѣдомство, 12 заняли преподавательскія мѣста въ академіи и 11 поступили профессорами въ универси-

теты [1]). Эти числа весьма поучительны. За все время своего существованія институтъ не только обезпечивалъ академію преподавателями, но также снабжалъ ими и всѣ русскіе университеты. Въ послѣднихъ профессора-врачи иногда въ большинствѣ были изъ институтскихъ врачей. Также много спеціалистовъ всякаго рода, не пристроившихся къ каѳедрамъ, свое окончательное образованіе получили благодаря институту. Поэтому, польза его обществу была громадная и несомнѣнная. Но эти же числа наводятъ и на грустныя размышленія. Дѣйствительно, изъ 86 врачей 50 уходятъ въ полки. Какова ихъ дальнѣйшая судьба? Не напрасно ли они находились въ институтѣ? Отвѣты на подобные вопросы открываютъ передъ нами невеселую картину положенія институтскихъ врачей. Съ перваго взгляда кажется, что имъ нечего больше желать. Ими руководятъ профессора сначала въ академіи, потомъ за границей; они получаютъ профессорскія мѣста и вообще со времени окончанія курса дѣлаются баловнями судьбы. На самомъ дѣлѣ въ лавровый вѣнокъ вплетено много, очень много шиповъ. Начать съ того, что врачъ не всегда встрѣчалъ надлежащее руководство профессора. При каѳедрѣ онъ находилъ очень часто естественныхъ враговъ въ лицѣ ассистента или прозектора или же другого институтскаго врача. Заваленный обязательной работой въ клиникѣ или кабинетѣ, онъ обязанъ былъ еще въ теченіе трехъ лѣтъ написать диссертацію и нѣсколько другихъ ученыхъ работъ. И несмотря на такой непрерывный трудъ, нашъ врачъ могъ быть не посланъ за границу. Тогда наступали у него тяжелыя времена. Его передавала въ военно-медицинское вѣдомство, а послѣднее посылало въ глухое мѣстечко, если у него не оказывалось сильныхъ покровителей. Положеніе болѣе счастливаго врача по возвращеніи изъ-за границы также было не изъ легкихъ. Преподавательскаго мѣста для него немедленно освободить не было возможности. Приходилось ждать и опасаться, что военно-медицинское управленіе неожиданно откомандируетъ, несмотря на просьбу конференціи. Съ теченіемъ времени въ университеты предпочтительно брали университетскихъ же воспитанниковъ, да и въ академіи не только на профессорскія мѣста, но и на низшія преподавательскія должности иногда сажали врачей, не

[1]) Глѣбовъ. Описаніе 50-лѣтняго юбилея И. Т. Глѣбова. Спб. 1881.

принадлежащихъ къ институту. Оттого нѣкоторымъ ученымъ приходилось прождать много лѣтъ, прежде чѣмъ имъ наконецъ счастье улыбалось въ видѣ кафедры. Всѣ приведенныя данныя доказываютъ, что занимающій насъ институтъ былъ устроенъ не такъ, какъ слѣдовало.

ПРИВАТЪ-ДОЦЕНТЫ.

Въ 1858 г. введена еще одна мѣра для обезпеченія академіи преподавателями. По примѣру университетовъ конференція ходатайствовала объ учрежденіи института приватъ-доцентовъ. Указывалось на то, что молодые ученые, читая частнымъ образомъ лекціи студентамъ, получатъ возможность развивать свои преподавательскія способности, а конференція ближе ознакомится съ ихъ дарованіями и будетъ имѣть большій выборъ при замѣщеніи вакантныхъ кафедръ. Въ январѣ 1859 г. это ходатайство было удовлетворено на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) желающій читать частныя лекціи въ академіи долженъ написать хотя бы одно, одобренное конференціей, сочиненіе; 2) имѣть ученую степень; 3) прочесть въ конференціи пробную лекцію о какомъ-либо предметѣ; 4) представить подробную программу своихъ лекцій; 5) если служитъ, то разрѣшеніе своего начальства. Лекціи приватъ-доцентовъ объявлены необязательными и вознагражденія за преподаваніе не назначалось. Этотъ институтъ также принесъ много пользы. Профессоръ имѣлъ возможность передать чтеніе любой части своего курса доценту и тѣмъ облегчить себѣ трудъ чтенія лекцій. Кромѣ того доценты оказывали дѣятельную помощь профессорамъ, разсматривая докторскія диссертаціи, ведя часть клиники, дѣлая амбулаторные пріемы больныхъ и т. д. Къ сожалѣнію, иногда даже многолѣтній трудъ ихъ совсѣмъ не оплачивался.

ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

Не только собственно медицинская часть, но и другія, именно фармацевтическая и ветеринарная, подверглись кореннымъ преобразованіямъ при Дубовицкомъ. 13 марта 1860 г. учреждено при второмъ военно-сухопутномъ госпиталѣ особое фармацевтическое отдѣленіе. Имъ завѣдывалъ на правахъ начальника академическій профессоръ фармаціи. Практическія занятія производились въ госпитальной аптекѣ, при которой состояли, кромѣ начальника, контролеръ, управляющій, четыре его помощника, четыре старшихъ и шесть младшихъ аптекарскихъ учениковъ. Въ студенты принимались аптекарскіе помощники и слушали лекціи по предметамъ своей спеціальности вмѣстѣ

со студентами медицинскаго отдѣленія. По окончаніи курса въ двухгодичный срокъ аптекарскіе помощники допускались къ экзамену на провизора, при чемъ для полученія диплома должны были представить свидѣтельство о своихъ трехгодичныхъ занятіяхъ въ аптекѣ въ званіи аптекарскаго помощника.

Такъ возникла большая фармацевтическая школа изъ учрежденія, которое на первый взглядъ казалось совсѣмъ неподходящимъ для ученыхъ и учебныхъ цѣлей. При желаніи возможно самую малую часть академіи или подобнаго ей заведенія сдѣлать чрезвычайно полезной и важной.

Ветеринарное отдѣленіе.

Сравнительно поздно было преобразовано ветеринарное отдѣленіе. Это произошло оттого, что 16 іюля 1860 г. при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ былъ учрежденъ, подъ предсѣдательствомъ сенатора Левшина, особый временный комитетъ объ улучшеніи ветеринарной части въ Россіи и о мѣрахъ къ прекращенію скотскихъ падежей въ имперіи. Понятно, что лишь по окончаніи работъ только что названнаго комитета возможно было приступить къ переустройству ветеринарной части. Военный министръ въ 1864 г. предложилъ комитету разсмотрѣть, необходимо ли дальнѣйшее существованіе при академіи занимающаго насъ отдѣленія и если будетъ признано необходимымъ оставить его при нашей школѣ, то предложить мѣры къ тому, чтобы это отдѣленіе соотвѣтствовало своему назначенію и современному состоянію ветеринарныхъ наукъ. Настоящее положеніе его министръ признавалъ неудовлетворительнымъ. Комитетъ единогласно призналъ необходимымъ дальнѣйшее существованіе отдѣленія и составилъ проектъ положенія и штата для него. Военно-медицинскій департаментъ призналъ проектъ удовлетворяющимъ своему назначенію. Послѣ этого Дубовицкій внесъ его 3 мая 1865 г. въ военный совѣтъ.

Проектъ преобразованія.

Въ объяснительной запискѣ, представленной въ военный совѣтъ, указывается, что въ послѣднія 50 лѣтъ ветеринарное отдѣленіе находилось въ самомъ жалкомъ состояніи. Профессора занимались ветеринаріей лишь по необходимости, пренебрегали ею, не имѣли ветеринарной практики и отдавали предпочтеніе медицинѣ, потому что были врачи, какъ того требовалъ уставъ. Ветеринарныя клиники пустовали и теоретическое преподаваніе было мертво, не оживлялось практическими наблюденіями и примѣрами. Другой причиной упадка ветери-

наріи служилъ взглядъ на ветеринарныхъ студентовъ, какъ на лицъ неспособныхъ и лѣнивыхъ. Академическое начальство съ 1816 г. студентовъ-медиковъ, подлежащихъ исключенію за дурное поведеніе или неспособность къ наукамъ, переводило въ ветеринарное отдѣленіе. Туда же принимали молодыхъ людей безъ всякаго образованія. Правда, они зачислялись во второй разрядъ, но учились вмѣстѣ съ перворазрядными; при окончаніи курса получали званіе ветеринарныхъ помощниковъ, но за выслугу лѣтъ производились въ ветеринарныхъ врачей. Такъ какъ они составляли большинство ветеринаровъ, то, понятно, накладывали печать на все сословіе ветеринарныхъ врачей. Чтобы поднять значеніе ветеринарнаго отдѣленія, авторы записки предлагали учредить особый ветеринарный институтъ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) академія и институтъ подчинены одному лицу—президенту академіи; 2) правленіе ихъ общее; 3) ветеринарные студенты слушаютъ курсы естественныхъ наукъ вмѣстѣ съ медицинскими студентами; съ другой стороны, медицинскіе студенты слушаютъ вмѣстѣ съ ветеринарными курсы эпизоотологіи и ветеринарной полиціи; 4) библіотека общая для обѣихъ частей.

Въ ветеринарномъ институтѣ имѣется свой совѣтъ и директоръ. Послѣдній избирается совѣтомъ на 4 года изъ ветеринарныхъ профессоровъ и утверждается министромъ. Разрѣшенію совѣта подлежатъ всѣ дѣла по институту. Съ конференціей совѣтъ имѣетъ лишь научныя отношенія, не находясь въ зависимости отъ нея. Къ первоначальному штату прибавляются одинъ ординарный профессоръ и одинъ экстраординарный, вмѣсто учителей ариѳметики, русскаго и латинскаго языковъ для воспитанниковъ второго разряда опредѣляются два ассистента при клиникахъ, вмѣсто комиссара назначается письмоводитель, необходимый для совѣта института. Кромѣ того имѣются еще писарь и два фельдшера при клиникахъ. Пріемъ воспитанниковъ второго разряда прекращается.

ПОЛЬЗА ВЕТЕРИНАРІИ. Основная мысль проекта безусловно вѣрна. Полное развитіе медицины немыслимо безъ разработки ветеринарныхъ наукъ. Болѣзненные процессы общи у животныхъ и человѣка, но, съ другой стороны, имѣютъ и значительныя отличія. Ясное представленіе о любомъ уклоненіи отправленій или строенія организма можно составить лишь послѣ утомительнаго изученія болѣзни сравнительнымъ путемъ у

человѣка и у животныхъ. Вотъ почему въ одной и той же школѣ наряду съ медицинскими клиниками и кабинетами должны быть и ветеринарные. Ветеринарія отъ этого также выигрываетъ, такъ какъ дополняетъ наблюденія надъ животными взглядами, заимствованными изъ человѣческой патологіи.

Представленный Дубовицкимъ проектъ военнымъ совѣтомъ былъ утвержденъ 4 іюня 1866 г. и положенъ въ основаніе положенія 1869 г. объ академіи. До этого времени конференція ввела нѣсколько мѣръ съ цѣлью улучшить положеніе ветеринарнаго отдѣленія. Она вспомнила, что еще въ 1847 г. учреждена высшая ветеринарная степень—магистра ветеринарныхъ наукъ. Лица съ подобной степенью пріобрѣтали всѣ права на занятіе ветеринарныхъ каѳедръ. Въ виду этого конференція сдѣлала постановленіе, чтобы ветеринарныя каѳедры замѣщались исключительно лицами, имѣющими степень магистра ветеринарныхъ наукъ, а не докторами медицины, какъ было до того. Съ 1855 г. ветеринаровъ стали посылать за границу для усовершенствованія, дѣлать приватъ-доцентами, удостоивать званія магистровъ и, наконецъ, возводить въ званіе профессора. Въ 1864 г. конференція, принимая во вниманіе обширность предметовъ, входящихъ въ составъ преподаванія ветеринарной части, увеличила число преподавателей ветеринаріи, именно—вмѣсто одного ординарнаго профессора, одного экстраординарнаго и двухъ адъюнктъ-профессоровъ, положила имѣть трехъ экстраординарныхъ профессоровъ и одного или двухъ доцентовъ. Изъ всѣхъ ветеринарныхъ преподавателей предположено составить комиссію, подъ предсѣдательствомъ вице-президента, который заявлялъ бы конференціи какъ о всѣхъ нуждахъ, относящихся до ветеринарнаго отдѣленія, такъ и о всѣхъ сужденіяхъ по ученой и учебной части. Въ случаяхъ, требующихъ обсужденія дѣлъ, касающихся ветеринарной части, предположено приглашать въ конференцію всѣхъ экстраординарныхъ профессоровъ-ветеринаровъ. НОВОВВЕДЕНІЯ.

Конечно, эти мѣры приняты были временно впредь до устройства ветеринарнаго института на новыхъ основаніяхъ.

Характеръ ученыхъ званій и условія ихъ присужденія въ разсматриваемый періодъ остались безъ измѣненій. Слѣдуетъ отмѣтить замѣчательное улучшеніе въ академическихъ диссертаціяхъ. Раньше онѣ представляли ученый хламъ: въ нихъ не было никакой ориги- ИЗГНАНІЕ ЛАТЫНИ.

пальности, въ лучшемъ случаѣ авторы ихъ излагали современное состояніе какого-либо вопроса. Диссертаціи писались обязательно на отвратительномъ латинскомъ языкѣ, изобиловавшемъ руссицизмами. Въ 1857 г. конференція исходатайствовала разрѣшеніе писать ихъ не только на латинскомъ или другомъ иностранномъ языкѣ, но и на русскомъ. Совершенно справедливо она указывала на непримѣнимость латыни къ изложенію современныхъ вопросовъ, на отсутствіе латинскихъ словъ для обозначенія множества предметовъ и понятій; также вполнѣ основательно она ссылалась на другія страны, въ которыхъ соотвѣтствующія сочиненія печатаются на родныхъ языкахъ. Бородину и Хлѣбникову выпала на долю честь представить первыя диссертаціи на русскомъ языкѣ. Защищались онѣ въ одинъ и тотъ же день.

Оригинальность въ диссертаціяхъ.

Съ 1857 же года измѣнился и характеръ диссертацій. Теперь онѣ излагали оригинальное изслѣдованіе, произведенное съ примѣненіемъ вполнѣ научныхъ способовъ. Оттого нѣкоторыя изъ нихъ имѣли большую научную цѣнность. Тема обыкновенно давалась профессоромъ и подъ его же руководствомъ производилось все изслѣдованіе. Даже изложеніе полученныхъ результатовъ велось по указаніямъ преподавателя, который вообще принималъ докторанта подъ свою защиту и смотрѣлъ на его работу, какъ на свою. Съ тѣхъ поръ въ біографіяхъ профессоровъ мы видимъ отмѣтку: подъ его руководствомъ написано столько то диссертацій. Ясно, что давшій тему и помогавшій въ разработкѣ ея считалъ себя до нѣкоторой степени и авторомъ диссертаціи.

Конференція.

Въ изучаемое время конференціи выпала тяжелая задача. Разработка всѣхъ академическихъ реформъ, пересмотръ преподаванія, выработка плановъ новыхъ кабинетовъ и клиникъ, подыскиваніе и выборъ новыхъ преподавателей и т. п.—однимъ словомъ, вся черная работа возложена была на профессоровъ. И надо съ признательностью отмѣтить: большинство ихъ не щадило времени и силъ въ своемъ стремленіи дать академіи лучшія формы, реформировать весь старый строй. Увлеченные такимъ высоко гуманнымъ и патріотическимъ порывомъ, профессора забыли мелкіе счеты. Борьба нѣмецкой и русской партій совершенно заглохла. Во всѣхъ дѣйствіяхъ конференціи сквозило убѣжденіе въ томъ, что теперь не время тратить энергію на партійныя подсиживанія. Государство призывало всѣхъ къ обнови-

тельной работѣ, и профессора дружно откликнулись на этотъ призывъ и служили родинѣ по указаніямъ совѣсти и опыта.

Душою конференціи былъ ея ученый секретарь. При кипучей ея дѣятельности, при новыхъ и смѣлыхъ шагахъ въ области, въ которой такъ долго царилъ застой, требовался опытный совѣтникъ, энергичный работникъ, искусный исполнитель всѣхъ предначертаній. Такимъ золотымъ человѣкомъ оказался профессоръ Николай Николаевичъ Зининъ. Онъ состоялъ ученымъ секретаремъ съ 1852 по 1864 г. Превосходно знакомый съ канцелярскимъ дѣломъ, онъ, имѣя отличную память, умѣлъ объяснить безчисленныя статьи свода законовъ и различныхъ постановленій, внести согласіе при объясненіи противорѣчій и изложить новую мысль, облекши ее въ старыя, указанныя рутиной, формы, и представить начальству въ такомъ видѣ, что она не поражала своей смѣлостью. Зининъ участвовалъ въ безчисленныхъ коммиссіяхъ и своимъ ровнымъ со всѣми обращеніемъ сглаживалъ противорѣчія, которыя возникали при обсужденіи различныхъ вопросовъ. Наконецъ, какъ исполнитель постановленій конференціи, Зининъ, будучи добрымъ, снисходительнымъ человѣкомъ, всегда входилъ въ положеніе врачей и студентовъ и являлся ихъ защитникомъ и покровителемъ. Оттого Зининъ пользовался необыкновенной популярностью въ академіи. Нѣсколько грубоватый въ разговорѣ, онъ однако привлекалъ къ себѣ невольно сердца всѣхъ. Каждый понималъ, что на Зинина можно положиться вполнѣ и что если Зининъ пообѣщаетъ помочь, то ужъ дѣйствительно поможетъ.

Ученый секретарь.

Зининъ.

После двѣнадцати лѣтъ упорнаго труда Зининъ попросилъ себѣ отдыха. На его мѣсто выбрали профессора Тимофея Степановича Иллинскаго. Онъ не могъ замѣнить Зинина. Правда, онъ хорошо справлялся съ канцеляріей, такъ какъ съ 1848 по 1853 г. исполнялъ обязанности письмоводителя конференціи. Но здоровье его было сильно разстроено. Онъ не имѣлъ возможности много работать и потому не принималъ особенно дѣятельнаго участія въ дѣлахъ конференціи. Наконецъ болѣзнь заставила его окончательно сложить обязанности ученаго секретаря въ ноябрѣ 1866 г. Его замѣстилъ, но также не надолго, профессоръ Иванъ Михайловичъ Балинскій.

Иллинскій.

Мы изложили результаты дѣятельности профессоровъ академіи сообща. Познакомимся теперь съ каждымъ преподавателемъ порознь.

ГЛАВА III.

Преподаватели.

ПЕРЕМѢНЫ.

Въ разсматриваемое время составъ преподавателей значительно измѣнился къ лучшему. Стариковъ смѣнили лица съ новымъ направленіемъ, знакомые съ современнымъ состояніемъ науки. Нѣкоторые профессора высоко подняли значеніе академіи; къ нимъ стекались слушатели изо всѣхъ уголковъ Россіи. Фамиліи ихъ были извѣстны каждому образованному человѣку въ нашемъ отечествѣ. Любопытно, что наиболѣе прославившіеся академическіе профессора оказались питомцами московскаго университета. Это произошло не потому, что только что названный университетъ давалъ какое-либо особенное образованіе. Тутъ случай сыгралъ важную роль. Когда въ академіи возникъ вопросъ: какъ достать молодыхъ ученыхъ съ современнымъ направленіемъ?—вице-президентъ Глѣбовъ, бывшій профессоръ московскаго университета, указалъ знакомыхъ ему москвичей, которые изучали науки за границей. Такъ попали въ академію Боткинъ, Сѣченовъ и Юнге. Конечно, если бы не служилъ въ академіи Глѣбовъ, вмѣсто названныхъ лицъ каѳедры были бы замѣщены воспитанниками академіи, которые окончили бы образованіе за границей и затѣмъ по достигнутымъ результатамъ въ преподаваніи стояли бы не ниже москвичей.

Къ сожалѣнію, на нѣкоторыхъ каѳедрахъ оставались отжившіе свой вѣкъ ученые, которымъ слѣдовало уйти на покой. Другіе попали на каѳедры по недоразумѣнію и не приносили никакой пользы своему учрежденію. Ихъ однако держали изъ состраданія или изъ нежеланія устраивать скандалъ, о которомъ стали бы говорить всѣ.

АНАТОМІЯ.

Мы разсказали (т. I, стр. 119), какъ возникъ анатомическій институтъ. Весь трупный матеріалъ и музей находились на рукахъ одного профессора, другіе преподаватели анатоміи зависѣли отъ его расположенія. Если завѣдующій институтомъ желалъ досадить кому-нибудь изъ товарищей, то ему стоило заявить, что лишнихъ труповъ нѣтъ, и ихъ не выдавать. Такія отношенія дѣйствительно не замедлили установиться между анатомами, и несогласія ихъ, какъ и слѣдовало ожидать, очень вредно отразились на преподаваніи.

Описательная анатомія.

Каѳедру описательной анатоміи съ 1845 г. занималъ Павелъ Андреевичъ Нарановичъ. Въ 1849 г., по выслугѣ имъ двадцати пяти лѣтъ, его оставили еще на пятилѣтіе и кромѣ того признали заслуженнымъ профессоромъ. Въ 1855 г. онъ опять остается на неопредѣленное время и въ 1862 г. конференція переводитъ его на вакантную каѳедру академической хирургической клиники. Вниманіе, которое конференція оказывала Нарановичу, заставляетъ думать, что онъ отличался, какъ превосходный преподаватель или отличный анатомъ. На самомъ дѣлѣ онъ не былъ ни то, ни другое. Лекціи онъ читалъ неважно, препаратовъ показывалъ мало. Отъ анатомическихъ занятій его отвлекали частная хирургическая практика и многосторонняя административная дѣятельность. Для практическихъ занятій студентовъ у него не находилось труповъ, которыхъ не давалъ завѣдующій анатомическимъ институтомъ. При подобныхъ условіяхъ каѳедра находилась въ состояніи полнаго запустѣнія.

Преподаваніе анатоміи.

Нарановичъ читалъ анатомію сначала первому и второму курсу, но съ 1851 г. первый курсъ передалъ своему помощнику, а себѣ оставилъ лишь второй, при чемъ читалъ три лекціи въ недѣлю. Еженедѣльно прозекторъ устраивалъ репетиціи изъ пройденнаго, а въ концѣ семестра—полугодичный экзаменъ. Переходные экзамены изъ курса на курсъ и выпускные производилъ профессоръ.

Въ 1856 г., немедленно послѣ ухода Пирогова въ отставку, Нарановичъ сталъ хлопотать о закрытіи анатомическаго института. Онъ указывалъ, что раздѣленіе преподаванія анатоміи на описательную и практическую части не дало ожидаемыхъ результатовъ, что институтъ въ теченіе десяти лѣтъ не способствовалъ увеличенію числа опытныхъ и знающихъ прозекторовъ. Въ виду этого онъ полагалъ необходимымъ сосредоточить преподаваніе анатоміи въ одномъ лицѣ, которому предлагалъ передать не только теоретическое преподаваніе, но и надзоръ за демонстративными упражненіями прозекторовъ и репетиторовъ. Въ виду существовавшихъ всегда между анатомами раздоровъ такой исходъ казался самымъ раціональнымъ. Конференція благоволила къ Нарановичу и не любила Пирогова; оттого она постановила отнять отъ анатомическаго института отпускаемыя ему средства, возстановить при каѳедрѣ описательной анатоміи должность адъюнктъ-профессора, прозектору назначить помощника для приготовленія пре-

паратовъ къ лекціямъ и кромѣ того для двухъ курсовъ имѣть двухъ репетиторовъ. Благодаря настояніямъ Грубера этотъ проектъ не осуществился.

Помощники Нарановича.

Помощникомъ Нарановича съ 1854 г. былъ блестящій лекторъ и даровитый анатомъ-хирургъ Петръ Савичъ Платоновъ. Онъ читалъ первому курсу и пользовался особенной любовью слушателей. Къ сожалѣнію, въ 1858 г. онъ уѣхалъ въ заграничную командировку, а въ 1860 г. умеръ. На мѣсто Платонова въ 1858 г. опредѣлился исправляющимъ должность прозектора Сергѣй Васильевичъ Москвинъ, совершенно неспособный и лѣнивый ученый. Чтеніе лекцій ему оказалось не подъ силу, и онъ въ 1861 г. просилъ сложить съ него преподаваніе, но оставить прозекторомъ. Тогда конференція поручила чтеніе лекцій другому помощнику Нарановича Ландцерту, котораго избрали исправляющимъ должность адъюнкта. Помощникомъ прозектора съ 1844 по 1847 г. состоялъ названный выше Москвинъ. Съ 1856 г. онъ числился исправляющимъ должность прозектора.

Ландцертъ.

Федоръ Павловичъ Ландцертъ по окончаніи курса въ академіи остался у Грубера помощникомъ, но, поссорившись съ нимъ, перешелъ въ 1857 г. къ Нарановичу и подъ его руководствомъ написалъ диссертацію. Въ 1862 г. Нарановичъ оставилъ анатомическую каѳедру, и преподаваніе анатоміи на двухъ курсахъ было поручено Ландцерту. Въ 1863 г. онъ признанъ адъюнктомъ, а въ 1866 г. поднятъ вопросъ о возведеніи его въ званіе ординарнаго профессора. При баллотированіи получилось одинаковое число голосовъ за и противъ и потому окончательное рѣшеніе было отложено. Въ 1868 г. Ландцерту счастье улыбнулось, и онъ утвержденъ въ должности ординарнаго профессора.

Ландцертъ читалъ по двѣ лекціи первому и второму курсу. Онъ выдавался, какъ прекрасный лекторъ; анатомическія данныя онъ излагалъ, указывая на приложенія анатоміи къ медицинѣ и въ частности къ хирургіи. Кромѣ того онъ дополнялъ сказанное отличными рисунками, которые приготовлялъ различными карандашами. Въ обращеніи былъ простъ и за его открытый характеръ пользовался любовью всѣхъ, приходившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Ему однако много вредила вражда къ Груберу. Вслѣдствіе этого въ трупахъ онъ постоянно испытывалъ недостатокъ, а въ конференціи противъ

него ополчалась всегда партія съ Груберомъ во главѣ. Отъ занятій анатоміей его отвлекали обязанности академическаго врача, потомъ ученаго секретаря, но болѣе всего частная практика. Самостоятельныхъ анатомическихъ работъ онъ напечаталъ очень мало.

Помощники Ландцерта.

Помощникомъ у него состоялъ все тотъ же Москвинъ, о которомъ мы говорили. Кромѣ него съ 1862 по 1866 г. занимался студентъ Левъ Львовичъ Левшинъ. По окончаніи курса онъ былъ оставленъ при академіи, затѣмъ посланъ за границу и по возвращеніи получилъ каѳедру въ казанскомъ университетѣ.

Груберъ.

Венцель Леопольдовичъ Груберъ, бывшій прозекторъ знаменитаго анатома Гиртля, поступилъ въ 1847 г. на службу въ академію въ качествѣ ученаго прозектора при анатомическомъ институтѣ. Его горячо рекомендовалъ Гиртль Пирогову, когда тотъ пріѣхалъ въ Вѣну подыскать себѣ помощника при занятіяхъ анатоміей. Пироговъ убѣдился въ искусствѣ Грубера препаровать и сталъ хлопотать объ опредѣленіи его въ академію. Конференція отнеслась сочувственно къ этому ходатайству и связала навсегда дѣятельность Грубера съ нашей школой. Первое время Груберу пришлось плохо, такъ какъ Пироговъ часто уѣзжалъ, и хозяиномъ оставался другой прозекторъ— Шульцъ, личный врагъ Грубера. Дошло до того, что съ 1848 г. по 1856 г. практическія занятія анатоміей со студентами перешли цѣликомъ къ Шульцу, и Груберъ ограничилъ свою дѣятельность приготовленіемъ препаратовъ и самостоятельными учеными изслѣдованіями. Лишь по увольненіи Шульца въ 1857 г. Груберъ получилъ возможность руководить практическими занятіями студентовъ и исполнять обязанности директора анатомическаго института. Въ 1860 г. учреждена каѳедра практической анатоміи, и ординарнымъ профессоромъ единогласно избранъ Груберъ. Теперь его положеніе окончательно упрочилось, но основанія для отдѣльнаго существованія этой каѳедры остались шаткія. Дѣйствительно, анатомія преподавалась студентамъ представителями описательной анатоміи: Парановичемъ, потомъ Ландцертомъ, которые и экзаменовали учащихся. Казалось бы, послѣ этого можно было оставить студентовъ въ покоѣ. Однако на второмъ курсѣ ихъ вызывали на практическія занятія, послѣ чего они экзаменовались еще у Грубера и, лишь получивъ у него удовлетворительную отмѣтку, переводились на третій курсъ. Груберъ лекцій не читалъ и

объяснить что-нибудь по анатоміи студентамъ не могъ вслѣдствіе незнанія русскаго языка. Несмотря на это, онъ спрашивалъ на экзаменахъ подробности изъ области топографической анатоміи, а также результаты своихъ изслѣдованій. Вопросы предлагались на смѣшанномъ русско-латино-нѣмецкомъ жаргонѣ. Напр., студентамъ приходилось слушать слѣдующія выраженія: «Исфинитэ, фи ничево нэ снаете. Што нэ лэшитъ подъ arcu aortae? Quis musculus перекрещивается cum nervo tibiali antico? Исфинитэ, прикадитэ еще расъ». Иногда экзаменаторъ довольно грубо указывалъ на лобъ студента и затѣмъ на столъ вмѣсто того, чтобы назвать дубовый лобъ. Изрѣдка употреблялъ грубыя выраженія въ родѣ: «исфинитэ, герръ комедіантъ». Но въ общемъ экзаменъ велся вѣжливо. Собственно испытаніе нельзя было назвать строгимъ, но у студентовъ не находилось подъ рукою книги, которая служила бы имъ для руководства и содержала бы отвѣты на обыкновенные вопросы Грубера. Съ теченіемъ времени выработалась особая «груберистика», которая представляла анатомическій катехизисъ и состояла изъ вопросовъ и отвѣтовъ на указанномъ выше жаргонѣ.

Занятія со студентами.

Занятія студентовъ происходили въ будничные дни отъ $3^1/_2$ до $7^1/_2$ ч. Учащіеся вызывались группами, при чемъ одинъ и тотъ же препаратъ назначался цѣлой группѣ. Когда препаратъ былъ оконченъ, его принималъ прозекторъ, и студенты шли экзаменоваться. Если студентъ проваливался (что случалось нерѣдко), то онъ подвергался переэкзаменовкѣ одинъ или нѣсколько разъ. Если экзаменъ прошелъ благополучно, то послѣ нѣкотораго промежутка времени назначался новый препаратъ, затѣмъ слѣдовалъ новый экзаменъ и такихъ экзаменовъ насчитывалось въ учебномъ году отъ пяти до семи. Отмѣтки, полученныя на экзаменахъ, записывались въ особый «katalog»; изъ нихъ выводился средній баллъ, который и препровождался въ конференцію. Нечего и говорить, что при подобной системѣ разстраивались совершенно занятія студентовъ по другимъ предметамъ. Изъ-за анатоміи пропускалось много лекцій, и, собственно говоря, весь второй учебный годъ уходилъ почти исключительно на анатомію. Преподаваніе на второмъ курсѣ сильно страдало, но идти противъ Грубера никто не смѣлъ, и установленная имъ система держалась безъ измѣненія многіе годы.

Груберъ велъ замкнутый образъ жизни и единственнымъ наслажденіемъ считалъ занятія анатоміей. Не имѣя дѣтей, онъ не отвлекался отъ науки семейными вопросами. Его вѣрная жена освобождала его отъ всѣхъ рѣшительно заботъ, постороннихъ наукѣ. Оттого все время у Грубера посвящалось анатоміи. Въ институтѣ онъ проводилъ съ небольшими перерывами весь день и часть ночи. Здѣсь онъ препаровалъ, читалъ, писалъ сочиненія, экзаменовалъ. Въ праздничные дни онъ заходилъ въ институтъ только утромъ, остальные часы посвящалъ прогулкѣ или отдыхалъ дома. Нѣсколько разъ въ году изъ сосѣднихъ квартиръ собирались собаки; имъ и собакамъ Грубера предлагалось угощеніе. Такъ тихо, спокойно чета Груберовъ прожила сорокъ лѣтъ почти въ полномъ одиночествѣ. ОБРАЗЪ ЖИЗНИ.

Среди русской лѣни, распущенности, среди всеобщаго манкированія своими обязанностями дѣятельность Грубера представляла умилительную картину. Каждаго поражала эта безпримѣрная ежедневная аккуратность анатома. Ни дождь, ни снѣгъ, ни политическія демонстраціи,—однимъ словомъ, никакія обстоятельства не могли переломить эту желѣзную энергію и удержать его дома. Для каждаго было ясно, что лишь при такомъ неустанномъ трудѣ человѣкъ можетъ сдѣлать для науки много, очень много. И дѣйствительно, итоги научной дѣятельности оказались громадны. Не перечисляя отдѣльныхъ трудовъ Грубера, скажемъ словами Таренецкаго, одного изъ его учениковъ: «за исключеніемъ центральной нервной системы и органовъ чувствъ не осталось области нормальной анатоміи человѣка, не затронутой изслѣдованіями профессора Грубера». Во всѣ крупные вопросы анатоміи онъ внесъ слѣдъ своего труда. Ясно, что германская наука имѣетъ основанія гордиться Груберомъ. Работы его убѣждаютъ, что массу цѣннаго матеріала для медицины могутъ дать въ умѣлыхъ рукахъ трупы петербургскихъ, а также вообще русскихъ больницъ. Но у насъ нѣтъ—русскихъ Груберовъ. РАБОТЫ ГРУБЕРА.

Груберъ былъ очень высокаго мнѣнія о себѣ и всякое возраженіе считалъ личнымъ оскорбленіемъ. Его помощники не смѣли имѣть самостоятельныхъ взглядовъ и даже въ мелочахъ выказывали полное подчиненіе во всемъ учителю. Эти обстоятельства отдаляли отъ него многихъ, желавшихъ изучать анатомію. Кромѣ того для объясненій съ Груберомъ требовалось знаніе разговорнаго нѣмецкаго ПОМОЩНИКИ ГРУБЕРА

языка. Неудивительно, что у него въ теченіе сорока лѣтъ нашлось такъ мало учениковъ. Если бы онъ отличался общительнымъ характеромъ и научился бы говорить по-русски, то у него не было бы отбоя отъ учениковъ, изъ его кабинета вышли бы сотни прекрасныхъ диссертацій и другихъ трудовъ да и его изслѣдованія отъ этого выиграли бы въ глубинѣ и значеніи. Первое время Груберъ работалъ одинъ. Съ 1856 г. у него остался при кафедрѣ Ландцертъ, но онъ вскорѣ вынужденъ былъ убѣжать. Въ 1857 г. ассистентомъ утвержденъ студентъ Карлъ Федоровичъ Гепнеръ. Въ 1862 г. выбранъ въ прозекторы. Считался многообѣщающимъ анатомомъ и кромѣ того хорошо рисовалъ. Онъ однако имѣлъ влеченіе къ хирургіи, затѣмъ разссорился съ Груберомъ и перешелъ на другую кафедру. Съ 1859 г. сталъ заниматься студентъ Петръ Францовичъ Лесгафтъ. Съ 1866 г. онъ работаетъ въ качествѣ прозектора, а въ 1869 г. переходитъ профессоромъ въ казанскій университетъ. О немъ мы будемъ имѣть еще случай поговорить. Также будучи студентомъ, съ 1865 г. сталъ заниматься Александръ Ивановичъ Таренецкій, впослѣдствіи профессоръ и преемникъ Грубера въ академіи. Остальные помощники работали недолго и потому о нихъ мы не упоминаемъ. Кромѣ нихъ помогали Груберу и прозекторамъ постоянно нѣсколько фельдшеровъ и одному Груберу—художникъ.

Физіологія. Другая кафедра—физіологіи—также имѣла блестящаго представителя. Ординарный профессоръ Александръ Петровичъ Загорскій оканчивалъ двадцатипятилѣтіе службы и не питалъ надежды быть избраннымъ на новое пятилѣтіе, такъ какъ принадлежалъ къ нѣмецкой партіи, а теперь получила главенство русская, имѣвшая такихъ вліятельныхъ представителей, какъ Дубовицкій, Глѣбовъ и Зининъ. Другою болѣе важною причиною готовившагося ухода Загорскаго являлось то, что онъ сильно устарѣлъ и читалъ физіологію не ту, какая завоевала себѣ мѣсто на всѣхъ медицинскихъ факультетахъ. Онъ излагалъ курсъ безъ опытовъ и демонстрацій. Правда, его нештатный ассистентъ Карлъ Эйхвальдъ нѣкоторое время демонстрировалъ опыты, но они производились внѣ лекціонныхъ часовъ, почему свидѣтелями ихъ оказывались немногіе студенты. Загорскій убѣжденъ былъ въ преимуществѣ экспериментальной физіологіи, но, какъ представитель стараго направленія, могъ только рекомендовать конференціи

послать молодого ученаго для изученія новой науки. Онъ такъ и поступилъ. Въ 1856 г. онъ предложилъ послать Якубовича за границу именно для указанной цѣли. Однако, когда Якубовичъ возвратился, Загорскій не пожелалъ добровольно освободить кафедру и заявилъ о желаніи баллотироваться на новый срокъ. Выборы окончились для него неудачно и ему пришлось, оставивъ академію, удержать за собою должности преподавателя физіологіи въ училищѣ правовѣдѣнія и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и постъ ученаго секретаря медицинскаго совѣта. Никакихъ самостоятельныхъ изслѣдованій Загорскій не напечаталъ.

Сѣченовъ.

На кафедру физіологіи былъ выбранъ профессоромъ Николай Мартыновичъ Якубовичъ. Онъ читалъ собственно гистологію и исторію развитія. Преподаваніе физіологіи возложили на Ивана Михайловича Сѣченова, который въ 1860 г. избранъ адъюнктомъ, но ужъ въ слѣдующемъ году утвержденъ экстраординарнымъ, а въ 1864 г. ординарнымъ профессоромъ. Для новаго кабинета Сѣченову отвели небольшое помѣщеніе и купили кое-какіе приборы. Сѣченовъ явился въ академію съ хорошими рекомендаціями. Еще за два года до ухода Загорскаго Глѣбовъ подыскивалъ ему преемника. Благодаря Боткину, выборъ Глѣбова остановился на Сѣченовѣ; этому способствовала также рекомендація выдающагося физіолога Людвига, у котораго Сѣченовъ работалъ.

Его популярность.

Сѣченовъ, какъ и Загорскій, читалъ физіологію второму курсу четыре раза въ недѣлю по $1^1/_2$ часа. Ни одинъ профессоръ ни въ Петербургѣ, ни въ другомъ русскомъ университетѣ не пользовался такою популярностью, какъ Сѣченовъ. Слушать его ходили не только студенты, но также доктора, вообще образованные люди и дамы. Оттого его аудиторія была всегда переполнена. Не только въ академіи увлекались Сѣченовымъ; его приглашали читать въ другія учебныя заведенія, въ клубъ художниковъ и т. д. Трудно объяснить причину такой широкой популярности. Правда, онъ былъ талантливый лекторъ, сопровождавшій лекціи опытами, что тогда представляло рѣдкость въ преподаваніи физіологіи. Но это само по себѣ не даетъ ключа къ раскрытію тайны такой необычайной популярности. Работы Сѣченова были, правда, почтенныя, но другіе академическіе профессора (Якубовичъ, Забѣлинъ, Рудневъ и проч.) также печатали не

менѣе важные труды. Изслѣдованія Сѣченова касались газовъ крови и связыванія углекислоты солевыми растворами, затѣмъ рефлексовъ. Его сочиненіе «рефлексы головного мозга» отличалось скорѣе смѣлостью, чѣмъ основательностью взглядовъ. Оно имѣло слѣдствіемъ полемику Сѣченова съ извѣстнымъ психологомъ Кавелинымъ, и первый самъ сознался въ своемъ невѣжествѣ въ психологіи и вынужденъ былъ прекратить полемику. Увлекавшаяся публика не входила въ разборъ трудовъ Сѣченова и смотрѣла на него, какъ на апостола новаго міросозерцанія. Вотъ такой взглядъ и являлся причиной популярности нашего физіолога. Общество жадно воспринимало матеріалистическіе взгляды и на нихъ готово было строить религіозныя и соціальныя системы. Физіологія давала матеріалъ для подобнаго направленія и объясняла физическій и душевный міръ человѣка, какъ сложную машину, состоящую изъ молекулъ, и не требующую присутствія нематеріальнаго начала—души. Приложить законы механики и физики къ человѣческому организму значило разрѣшить не только вопросы объ отправленіяхъ тѣла, но и всѣ вообще загадки бытія. Отсюда понятно воодушевленіе, съ которымъ встрѣчали и физіологическія данныя, и истолкователя ихъ—профессора физіологіи.

Причины популярности.

Кромѣ указанной находились и другія причины популярности Сѣченова. Его считали столпомъ либерализма. Ему учащаяся молодежь приписывала очень смѣлыя въ политическомъ отношеніи заявленія; придумывали очень рѣзкія формулы, которыя онъ будто бы излагалъ. Его превозносили, какъ поборника модной тогда эмансипаціи женщинъ, и, какъ на смѣлый шагъ, указывали на допущеніе имъ въ лабораторію женщинъ для занятій. Наконецъ Сѣченовъ—это считали несомнѣннымъ—былъ герой моднаго романа Чернышевскаго: «Что дѣлать?» Изображенный тамъ физіологъ съ лягушкой занимается наукой, но также усиленно ухаживаетъ за женщинами и высказываетъ очень либеральные взгляды. Былъ ли на самомъ дѣлѣ Сѣченовъ такимъ, какимъ его представляли, рѣшать не беремся. Но что преувеличенные разсказы о немъ окружали его ореоломъ либерализма, подвижничества и т. д.—это не подлежитъ сомнѣнію.

Всякая мода держится недолго. Когда Сѣченовъ, оставивъ академію, уѣхалъ въ Одессу, его стали забывать. По возвращеніи въ

Петербургъ онъ встрѣтилъ полное равнодушіе къ себѣ и затѣмъ до конца жизни ужъ не привлекалъ къ себѣ вниманія общества.

УВОЛЬНЕНІЕ.

Въ сентябрѣ 1870 г. Сѣченовъ неожиданно подалъ прошеніе объ увольненіи его изъ академіи. Что побудило его къ такому шагу—объ этомъ онъ самъ даетъ сбивчивыя указанія [1]). Такъ, онъ разсказываетъ, будто академическому міру не понравилось его утвержденіе, что институтъ врачей для усовершенствованія безполезенъ и даже вреденъ, такъ какъ питомцы академіи, стоящіе ниже университетскихъ, заполняютъ однако университеты въ качествѣ преподавателей. Такой взглядъ не могъ вызвать враждебнаго отношенія къ Сѣченову со стороны профессоровъ, а со стороны институтскихъ еще менѣе ужъ въ силу того обстоятельства, что таковые у Сѣченова работали. Затѣмъ Сѣченовъ утверждаетъ, что его не любили профессора, что совершенно не вѣрно. Конференція всегда оказывала ему особое уваженіе и удовлетворяла всѣ его просьбы. Она не отказывала ему въ долгихъ командировкахъ, одна изъ которыхъ длилась болѣе года; отпускала средства на изданіе его сочиненій, покупала нужные ему приборы и т. д. Развѣ все это доказываетъ нерасположеніе? Не довольствуясь только что изложенными причинами, Сѣченовъ приводитъ еще двѣ. Ему «не по вкусу пришлась перемѣна тона въ высшихъ слояхъ академіи съ тѣхъ поръ, какъ не стало истинно-доброжелательнаго къ академіи Дубовицкаго». Опять безосновательный поводъ къ бѣгству. Наконецъ еще одно обстоятельство, которое приводитъ Сѣченовъ, можетъ быть, болѣе всего выясняетъ его уходъ. Онъ тогда прихварывалъ и «къ положенію дѣлъ въ академіи относился болѣе мрачно (можетъ быть, даже не совсѣмъ справедливо), чѣмъ бы слѣдовало». Намъ оставленіе Сѣченовымъ академіи представляется слѣдствіемъ каприза. Про него говорили: сдѣлался физіологомъ по капризу, поступилъ въ академію—по капризу, ушелъ—по капризу и т. д.

ПОВОДЪ КЪ УВОЛЬНЕНІЮ.

Поводомъ къ отставкѣ послужило слѣдующее событіе. На вакантную каѳедру зоологіи Сѣченовъ представилъ Мечникова, а для замѣщенія гистологической каѳедры—А. Е. Голубева. Мечниковъ пожелалъ перейти ординарнымъ профессоромъ. На это условіе конференція не согласилась и избрала Брандта, а Голубеву предпочла

[1]) Автобіографическія записки Ив. Мих. Сѣченова. Москва. 1907. Стр. 140.

Заварыкина. Сѣченовъ усмотрѣлъ въ такомъ постановленіи недовѣріе къ нему и на другой день представилъ прошеніе объ отставкѣ. Если держаться такой логики, то профессора, хлопотавшіе за Брандта и Заварыкина, должны были бы оставить академію, если бы ихъ кандидаты были забаллотированы. Разсказавъ изложенный выше эпизодъ, Сѣченовъ говоритъ: «остаться меня конечно не просили». Это совершенно вѣрно. Конференція, «отдавая справедливость преподавательскимъ заслугамъ профессора И. М. Сѣченова и выражая высокое уваженіе къ личнымъ его усиліямъ поддержать въ академіи современный уровень физіологическихъ знаній, выразила глубокое сожалѣніе о его намѣреніи оставить академію и постановила: «просить его отъ имени конференціи остаться, если можно, при занимаемой имъ кафедрѣ въ академіи и отказаться отъ перехода въ другое учебное заведеніе». Сѣченовъ, выражая благодарность конференціи за лестное вниманіе къ нему, просилъ вторично уволить его изъ академіи. Затѣмъ, въ отвѣтъ на новое предложеніе остаться, онъ въ третій разъ высказалъ окончательное желаніе уйти. Мы не упоминаемъ о неофиціальныхъ предложеніяхъ и настояніяхъ остаться. Чѣмъ болѣе просили, тѣмъ Сѣченовъ настоятельнѣе просился въ отставку, которая въ 1870 г. была ему Высочайше разрѣшена.

Помощники. Помощника Сѣченову не полагалось. Неофиціальными ассистентами состояли послѣдовательно Заварыкинъ, Березинъ, Пашутинъ и Спиро. Кромѣ того помогали при демонстраціяхъ и другіе врачи и студенты, работавшіе въ кабинетѣ.

Химія. Кафедра химіи также имѣла блестящаго представителя въ лицѣ Николая Николаевича Зинина. Это былъ превосходный преподаватель, не только излагавшій блистательно теоретическую часть химіи, но также показывавшій безподобно необходимые опыты. Его демонстраціи приводили слушателей въ восторгъ, а философское изложеніе науки закладывало основу строго научнаго мышленія въ головахъ молодежи. Его ученыя изслѣдованія пріобрѣли ему европейскую извѣстность; химики справедливо считаютъ его иниціаторомъ изученія соединеній каменноугольнаго ряда. Зининъ былъ неутомимый работникъ. Къ сожалѣнію, съ избраніемъ его въ 1852 г. въ ученые секретари, надъ его ученой дѣятельностью поставленъ былъ крестъ. Заваленный канцелярской работой, участвуя въ безчисленныхъ комиссіяхъ,

Зининъ не находилъ уже времени для лабораторныхъ занятій. Въ 1864 г. онъ, по примѣру Грубера, отказался отъ чтенія систематическаго курса и, въ званіи директора химическихъ работъ, руководилъ занятіями въ лабораторіи и излагалъ лишь практическую часть химіи, а въ послѣдніе годы читалъ исторію химіи. Этотъ курсъ, какъ и всѣ другіе, собиралъ очень много слушателей, между которыми встрѣчались воспитанники университета, технологическаго института, артиллерійской академіи и т. д. Въ 1874 г. онъ вышелъ въ отставку.

А. П. Бородинъ.

Зининъ читалъ на первомъ курсѣ двѣ лекціи неорганической, а на второмъ—двѣ лекціи органической и аналитической химіи. Съ 1851 г. къ неорганической химіи относилось преподаваніе кристаллографіи и минералогіи. Въ 1862 г. лекціи неорганической химіи переданы адъюнкту Александру Порфиріевичу Бородину, въ 1864 г. ему же поручено преподаваніе и на второмъ курсѣ. Извѣстный композиторъ Бородинъ содержаніемъ и цѣлью жизни считалъ музыку; на занятіе химіей и профессуру смотрѣлъ лишь какъ на работу, обезпечивавшую ему безбѣдное существованіе. Такое раздвоеніе дѣятельности пагубно отразилось и на музыкальномъ талантѣ и особенно на преподаваніи. Какъ химикъ и какъ профессоръ, Бородинъ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ, несмотря на свои большія дарованія. Необыкновенно привѣтливый и добрый, онъ былъ центромъ притяженія для студентовъ. У него въ лабораторіи или на квартирѣ собирались студенты, любившіе музыку и пѣніе или искавшіе у профессора совѣта и помощи.

Помощники.

Помощниками Зинина состояли послѣдовательно адъюнктъ-лаборанты Ф. Либихъ и Зибертъ. Они вели хозяйство кафедры, приготовляли матеріалъ для лекцій и помогали студентамъ при занятіяхъ.

Зоологія.

Кафедру зоологіи и сравнительной анатоміи, до 1859 г.—минералогіи, а до 1862 г.—и ботаники, занималъ съ 1851 г. академикъ Федоръ Федоровичъ (Іоганнъ Фридрихъ) Брандтъ. Это всемірно извѣстный зоологъ, авторъ множества превосходныхъ сочиненій и устроитель зоологическаго музея въ академіи наукъ. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе незнанія русскаго языка, онъ, какъ и еще болѣе знаменитый Бэръ, не могъ быть особенно полезенъ студентамъ. Лекціи его посѣщались очень плохо. Читалъ онъ сначала по-латыни, позже по-русски, но съ невозможнымъ акцентомъ, не отрываясь отъ литографированныхъ

записокъ. На лекціяхъ показывались препараты или рисунки. Прозекторомъ до 1865 г. былъ Х. А. Нордстремъ, избранный въ 1862 г. адъюнктъ-профессоромъ. Въ 1863 г. учреждена должность прозектора, которую занялъ Э. К. Брандтъ, избранный въ 1865 г. приватъ-доцентомъ, а въ 1868 г. прозекторомъ. Консерваторами состояли Илья Вознесенскій, Иванъ Гурьяновъ и Памфилъ Ивановъ. Они приготовляли чучела для музея при кафедрѣ.

Лишь при ассистентѣ Брандтѣ устроились практическія занятія студентовъ, и значеніе преподаванія зоологіи и сравнительной анатоміи вслѣдствіе этого значительно поднялось

Гистологія. Какъ мы ужъ говорили, па кафедру физіологіи въ 1860 г. былъ избранъ Николай Мартыновичъ Якубовичъ. Но онъ оставилъ себѣ курсы гистологіи и эмбріологіи, физіологія же всецѣло отошла къ Сѣченову и лишь въ отсутствіе послѣдняго физіологію излагалъ Якубовичъ. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ тончайшему строенію тканей и органовъ ужъ придавалось должное значеніе. При изученіи нормальныхъ отправленій и болѣзненныхъ разстройствъ считали необходимымъ прибѣгать къ помощи микроскопа. Оттого полагали медицинское образованіе безъ микроскопіи неполнымъ. Въ академіи о введеніи гистологіи въ число необходимыхъ предметовъ обученія хлопотали еще Бэръ и Пироговъ. Окончательно вопросъ рѣшенъ послѣ ухода въ отставку Бэра. Къ тому времени подыскали опытнаго спеціалиста. Дѣйствительно, Якубовичъ въ теченіе десяти лѣтъ занимался въ Дерптскомъ университетѣ, затѣмъ работалъ за границей у выдающихся профессоровъ. Произведенныя имъ изслѣдованія центральной нервной системы обратили на себя вниманіе парижской академіи наукъ, которая присудила ему Монтіоновскую премію, а Государь Императоръ подарилъ ему 6.000 рублей на изданіе его предполагавшихся сочиненій.

Якубовичъ преподавалъ гистологію и эмбріологію на четвертомъ курсѣ, позже его лекціи перенесены на второй курсъ. Для демонстраціи приготовлялись микроскопическіе препараты и кромѣ того показывалось много рисунковъ и таблицъ.

Къ сожалѣнію, усиленныя занятія отразились на здоровьѣ Якубовича, и этотъ превосходный ученый въ 1869 г. долженъ былъ выйти въ отставку. Конференція всегда относилась къ нему съ дол-

жнымъ вниманіемъ и, во время пребыванія его въ заграничной командировкѣ въ теченіе двухъ лѣтъ, исхлопотала ему прибавку къ жалованью по 3.300 р. въ годъ изъ личныхъ средствъ Государя Императора.

БОТАНИКА.

Ботаника преподавалась вмѣстѣ съ фармакологіей и рецептурой профессоромъ Горяниновымъ. Въ 1851 г. онъ уволился отъ службы за выслугою лѣтъ, и кафедра объявлена вакантной; пока чтеніе лекцій поручено адъюнкту Льву Ивановичу Вейссу, который въ только что упомянутомъ званіи состоялъ съ 1844 г. Въ 1856 г. онъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ. Въ 1860 г. учреждена самостоятельная кафедра ботаники, и тогда же Вейссъ избранъ ординарнымъ профессоромъ на новую кафедру.

Вейссъ состоялъ также ординаторомъ, потомъ помощникомъ главнаго врача во второмъ военно-сухопутномъ госпиталѣ. Никакихъ работъ онъ въ теченіе долговременной службы не напечаталъ и въ общемъ былъ безцвѣтный преподаватель. Читалъ три лекціи первому и одну лекцію второму курсу, показывая при этомъ гербарій, рисунки и микроскопическіе препараты.

ФАМИНЦЫНЪ.

На новой кафедрѣ Вейссъ къ счастью пробылъ недолго и въ 1861 г. уволился, вслѣдствіе выслуги лѣтъ, со званіемъ заслуженнаго профессора. Кандидатами на вакантную должность явились магистры ботаники Фаминцынъ и Мерклинъ. При баллотированіи первый получилъ 12 бѣлыхъ и 8 черныхъ, а второй—по 10 избирательныхъ и неизбирательныхъ. Вслѣдствіе этого утвержденъ въ званіи исправляющаго должность адъюнкта, позже экстраординарнаго профессора, Андрей Сергѣевичъ Фаминцынъ. Выдающійся ботаникъ, онъ преподавалъ также въ Петербургскомъ университетѣ, а затѣмъ избранъ въ академію наукъ. Въ нашемъ учрежденіи онъ съ успѣхомъ читалъ лекціи, но строгость экзаменовъ повела къ столкновенію со студентами. Вслѣдствіе этого Фаминцынъ счелъ за лучшее сосредоточить свою дѣятельность въ университетѣ и ушелъ изъ академіи. На его

МЕРКЛИНЪ.

мѣсто назначенъ ординарнымъ профессоромъ Карлъ Евгеніевичъ фонъ-Мерклинъ, котораго почти выбрали еще въ 1861 г. Онъ долго изучалъ ботанику сначала въ Дерптѣ, потомъ за границей, былъ физіологомъ въ петербургскомъ ботаническомъ саду, преподавалъ въ лѣсномъ корпусѣ и кромѣ того состоялъ экспертомъ при медицинскомъ

департаментѣ. Въ академіи онъ читалъ студентамъ на первыхъ двухъ курсахъ, а прикомандированныхъ врачей обучалъ микроскопической экспертизѣ подозрительныхъ въ судебномъ отношеніи органическихъ веществъ. Хорошій преподаватель, онъ почему то не пользовался сочувствіемъ учащихся, которые посѣщали его лекціи очень плохо.

Физика. При основаніи академіи имѣлась отдѣльная каѳедра физики; представителемъ ея былъ знаменитый Василій Владиміровичъ Петровъ. Съ 1836 г. преподаваніе физики и химіи велось однимъ профессоромъ—сначала Нечаевымъ вмѣстѣ съ адъюнктомъ Измайловымъ, затѣмъ (съ 1848 г.)—Зининымъ съ тѣмъ же адъюнктомъ. Въ виду долговременной службы Измайлова конференція избрала его экстраординарнымъ профессоромъ въ 1856 г. Въ 1860 г. учреждена самостоятельная каѳедра физики и ординарнымъ профессоромъ избранъ Александръ Александровичъ Измайловъ. Собственно говоря, онъ состоялъ настоящимъ преподавателемъ еще съ 1848 г., но оффиціально завѣдующимъ кабинетомъ считался Зининъ. Измайловъ занималъ нѣсколько должностей, между прочимъ состоялъ инспекторомъ академіи и завѣдующимъ академической больницей; понятно, преподаванію въ академіи онъ не могъ удѣлять много времени. Оттого его лекціи не сопровождались многочисленными демонстраціями. Работъ по физикѣ онъ не напечаталъ. Лекціи читались три раза въ недѣлю первому курсу.

Хлѣбниковъ. Еще за шесть лѣтъ до выхода въ отставку Измайлова ему былъ намѣченъ преемникъ въ лицѣ Петра Алексѣевича Хлѣбникова, который окончилъ курсъ въ университетѣ по физико-математическому факультету и лишь послѣ того поступилъ въ студенты академіи. Послѣ защиты диссертаціи его послали за границу для приготовленія къ профессорской дѣятельности и поручили сдѣлать покупки для обновляемаго физическаго кабинета. Въ 1860 г. Хлѣбниковъ избранъ адъюнктомъ, а въ 1864 г., когда уволился Измайловъ, ординарнымъ профессоромъ. При изложеніи физики и физической географіи Хлѣбниковъ показывалъ много опытовъ, отсутствующіе въ кабинетѣ приборы описывались при помощи многочисленныхъ чертежей. При почти ежегодныхъ поѣздкахъ за границу Хлѣбниковъ пріобрѣталъ различные аппараты для кабинета. Практическихъ занятій студентовъ ему не удалось устроить. Изъ печатныхъ трудовъ его слѣдуетъ упо-

мянуть о курсѣ физической географіи. Кромѣ того имъ издано нѣсколько переводовъ. Журналъ «Знаніе» выходилъ подъ его редакціей.

Съ 1844 г. каѳедру фармаціи занималъ Олендзскій. Такъ какъ онъ отвлекался хирургической практикой и госпитальными обязанностями отъ преподаванія, то съ 1849 г. онъ передалъ чтеніе лекцій своему адъюнкту Траппу. Когда Олендзскій умеръ, на его мѣсто избранъ Юлій Карловичъ Траппъ въ 1856 г. Выдающійся спеціалистъ, хорошій лекторъ, Траппъ собиралъ полную аудиторію, хотя излагалъ по существу незанимательные для врача предметы. Лекціи читались второму курсу четыре раза въ недѣлю и сопровождались многочисленными демонстраціями и опытами. Кромѣ общаго курса Траппъ читалъ еще спеціальные: о новыхъ лѣкарствахъ, объ открытіи ядовъ при отравленіи, разборъ европейскихъ фармакопей и т. д. Онъ издалъ нѣсколько руководствъ, составилъ первую военную и гражданскую фармакопеи. Въ качествѣ совѣщательнаго члена медицинскаго совѣта производилъ много судебно-химическихъ анализовъ для опредѣленія яда при отравленіяхъ, опредѣлялъ фальшивыя подписи на документахъ и проч. Подъ его руководствомъ написано нѣсколько хорошихъ диссертацій. Траппъ также читалъ лекціи фармацевтамъ и руководилъ ихъ практическими занятіями. ФАРМАЦІЯ.

Помощниками у него состояли: до 1864 г.—Георгъ Фридрихъ Либирхъ, послѣ его ухода до 1866 г.—Эмилій Эрлихъ Якоби, а послѣ него—Александръ Александровичъ Лешъ, впослѣдствіи профессоръ академіи.

Фармакологію преподавалъ Генрихъ Казиміровичъ Куллаковскій. Лекціи читались на третьемъ курсѣ три раза въ недѣлю и представляли для студентовъ тарабарскую грамоту. Такъ какъ онѣ произносились на латинскомъ языкѣ, котораго слушатели не понимали, то студенты предпочитали хожденію на лекціи зазубриваніе записокъ наизусть. На экзаменѣ приходилось отвѣчать по-латыни. Курсъ фармакологіи представлялъ перечень лѣкарствъ съ указаніемъ ихъ дѣйствія безъ научныхъ доказательствъ. Въ то время на Западѣ сложилась уже экспериментальная фармакологія, выводившая дѣйствіе лѣкарствъ изъ опытовъ надъ людьми и животными. Представителемъ этого направленія у насъ явился избранный профессоромъ въ 1869 г. Осипъ Викентьевичъ Забѣлинъ. Ученикъ Зинина, онъ хорошо из- ФАРМАКОЛОГІЯ.

училъ химію и затѣмъ работалъ въ клиникѣ Боткина, за границей занимался у Петтенкофера и Фойта. Въ 1866 г. былъ избранъ адъюнктомъ. Въ своихъ лекціяхъ Забѣлинъ разрушалъ устарѣвшіе взгляды на дѣйствіе лѣкарствъ и смѣло проводилъ ученіе, которое подтверждалъ опытами. Въ его лабораторіи произведено много изслѣдованій не только имъ, но и его учениками. Онъ былъ соредакторомъ «Журнала нормальной и патологической медицины и фармакологіи» и кромѣ того издавалъ «Современный лѣчебникъ».

Патологическая анатомія.

Преподаваніе патологической анатоміи началось собственно еще въ сороковыхъ годахъ. Производилъ вскрытія и читалъ лекціи Пироговъ. Съ 1852—3 г. онъ передалъ этотъ предметъ исправляющему должность адъюнкта Ивану Ивановичу Кону. Чисто теоретическое изложеніе упомянутой науки предлагалось также на лекціяхъ анатоміи Нарановичемъ. Ужъ въ 1853 г. Конъ скончался отъ чахотки и его мѣсто занялъ адъюнктъ Иванъ Андреевичъ Маркузенъ. Онъ велъ самостоятельно преподаваніе патологической и хирургической анатоміи. Въ 1858 г. по причинѣ болѣзни вышелъ въ отставку. Полнаго курса онъ читать не могъ, такъ какъ ему предоставлялся всего одинъ часъ въ недѣлю для пятаго курса, но этотъ курсъ по случаю войны оканчивалъ занятія рано вслѣдствіе ускоренныхъ выпусковъ. Послѣ ухода Маркузена патологическую анатомію временно поручили Нарановичу, который читалъ на третьемъ курсѣ. Въ 1859 г. учреждена самостоятельная каѳедра, и профессоромъ избранъ Тимоѳей Степановичъ Иллинскій.

Иллинскій.

Иллинскій былъ сынъ несчастія. Безъ всякихъ средствъ онъ добрался до Петербурга и лишь благодаря счастливому случаю поступилъ въ интернатъ и тѣмъ спасся отъ голодной смерти. Слабаго сложенія, низкаго роста, горбатый, онъ постоянно болѣлъ. Однако тѣлесныя разстройства не препятствовали ему много работать, причемъ занятія происходили въ душныхъ комнатахъ среди разлагающихся труповъ. Получивъ каѳедру, онъ удвоилъ свое усердіе и посвящалъ много времени не только преподаванію, но и устройству хозяйства своей должности. Кромѣ того онъ занялъ еще мѣсто прозектора при Александровской больницѣ для чернорабочихъ и оттуда привозилъ препараты для лекцій. Нѣкоторое время состоялъ также ученымъ секретаремъ. Въ 1867 г. онъ скончался.

Иллинскій оставилъ нѣсколько почтенныхъ работъ. Читалъ онъ очень хорошо и отличался блестящей импровизаціей. Сопровождались чтенія рисунками на доскѣ, послѣ чего показывались макроскопическіе и микроскопическіе препараты. На третьемъ курсѣ кромѣ трехъ лекцій по вечерамъ три раза въ недѣлю прозекторъ велъ практическія упражненія въ патологической микроскопіи. Для студентовъ пятаго курса два раза въ недѣлю производились вскрытія.

Помощникомъ Иллинскаго состоялъ студентъ Рудневъ. По окончаніи курса онъ остался при каѳедрѣ, затѣмъ былъ посланъ за границу и по возвращеніи оттуда избранъ въ 1865 г. прозекторомъ. О немъ мы поговоримъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ. *Помощникъ.*

Судебная медицина. Въ 1852 г. Забловскій-Десятовскій оставилъ каѳедру судебной медицины, токсикологіи и гигіены съ медицинской полиціей. На ней появляется любопытный образчикъ ученаго—Евгеній Венцеславовичъ Пеликанъ. Сынъ президента академіи, онъ имѣлъ много преимуществъ въ академическомъ мірѣ передъ остальными смертными. 23 лѣтъ отъ роду онъ получилъ званіе доктора медицины, вскорѣ сдѣлался редакторомъ «военно-медицинскаго журнала» и назначенъ исправляющимъ должность адъюнкта при каѳедрѣ акушерства, а въ 1852 г. избранъ ординарнымъ профессоромъ на 28 году жизни! Будучи представителемъ точной науки, онъ дѣлается въ томъ же 1852 г. помощникомъ гомеопата Мандта просто потому, что этотъ врачъ пользовался огромнымъ вліяніемъ при Дворѣ и работалъ для усиленія нѣмецкой партіи. Для Мандта отбиралось всегда не больше 15 больныхъ въ госпиталѣ, да и открытъ послѣдній бывалъ только три мѣсяца, тѣмъ не менѣе Мандтъ изъ 22.000 рублей ежегоднаго жалованья 3.000 получалъ за службу въ этомъ госпиталѣ, а Пеликанъ 2.000! Во время холеры Пеликанъ ѣздилъ, конечно, на казенный счетъ въ Москву, Динабургъ и Варшаву для распространенія способа лѣченія Мандта. Вообще онъ, пользуясь положеніемъ отца, который тогда былъ директоромъ медицинскаго департамента, получалъ одну командировку за другой со щедрымъ вознагражденіемъ, занималъ различныя должности и наконецъ, желая отдохнуть отъ тяжелыхъ трудовъ, потребовалъ отъ конференціи отправленія его за границу, конечно, съ сохраненіемъ содержанія, всего на шестнадцать мѣсяцевъ! Въ 1857 г. ему дано разрѣшеніе въ желаемомъ направленіи и съ тѣхъ поръ онъ, къ

счастью, ужъ не показывался въ академіи. По возвращеніи изъ за границы его назначили вице-директоромъ, потомъ директоромъ медицинскаго департамента.

Этотъ рѣдкостный ученый долженъ былъ читать студентамъ четвертаго курса три лекціи и производить практическія занятія одинъ разъ въ недѣлю при четвертомъ и пятомъ курсахъ. Также онъ долженъ былъ вскрывать мертвыя тѣла, доставляемыя полиціей и изъ второго военно-сухопутнаго госпиталя. При такомъ обиліи занятій Пеликанъ предпочиталъ ничего не дѣлать. Онъ сумѣлъ найти себѣ дѣльнаго помощника, который вполнѣ замѣнялъ его, въ лицѣ Якова Алексѣевича Чистовича. Оба Пеликана, захватившіе «военно-медицинскій журналъ», сами были неспособны къ упорной работѣ и, по указанію Буяльскаго, выписали изъ провинціи молодого врача, знавшаго иностранные языки и владѣвшаго перомъ. Они и назначили его помощникомъ редактора. Чистовичъ сдѣлался ихъ правой рукой, а они, въ благодарность за услуги, произвели его въ старшіе врачи, прикомандировали къ первому военно-сухопутному госпиталю, а въ 1853 г., со смертью адъюнкта Ярошевскаго, предложили къ избранію на вакантную должность адъюнктъ-профессора при каѳедрѣ судебной медицины. Чистовичу Пеликанъ передалъ преподаваніе гигіены и медицинской полиціи, также судебно-медицинскія вскрытія. Но помимо указанныхъ занятій Чистовичъ во время безпрерывныхъ командировокъ Пеликана читалъ вмѣсто него и судебную медицину. Въ 1857 г. конференція поручила ему исправленіе должности профессора, когда Пеликанъ укатилъ за границу.

Чистовичъ.

Чистовичъ былъ талантливый и неутомимый работникъ. Всѣ обязанности, которыя на него возлагались, онъ выполнялъ добросовѣстно, внося всегда воодушевленіе, инниціативу. Помимо профессорскихъ занятій онъ много времени посвящалъ медицинской публицистикѣ. Отказавшись отъ «Военно-медицинскаго журнала», онъ основалъ свой органъ—«Медицинскій вѣстникъ», въ которомъ лучшія и наиболѣе живыя статьи принадлежали редактору. Здѣсь онъ поднялъ и разработалъ много вопросовъ, имѣющихъ большое значеніе для медицинскаго міра. Въ качествѣ помощника главнаго врача во второмъ военно-сухопутномъ госпиталѣ Чистовичъ провелъ множество улучшеній, которыя совершенно преобразили старое учрежденіе. Ему

же принадлежитъ заслуга расширенія дѣятельности общества для вспомоществованія нуждающимся студентамъ академіи. И объ обезпеченіи всѣхъ врачей онъ много хлопоталъ; благодаря ему возникла медицинская касса, имѣющая цѣлью обезпечить существованіе семьи врача послѣ смерти послѣдняго или при жизни во время несчастія. Вообще не поднимался въ академіи ни одинъ крупный вопросъ, въ рѣшеніи котораго Чистовичъ не принималъ бы участія.

Преподаваніе. Какъ очень начитанный ученый и литераторъ, Чистовичъ сдѣлалъ свои лекціи очень содержательными, при чемъ произносилъ ихъ съ блестящей дикціей. Не удивительно, что онѣ всегда привлекали много студентовъ и врачей. Судебная медицина читалась четвертому курсу два раза въ недѣлю. Судебно-медицинскія вскрытія производились однажды въ недѣлю. Находя теоретическое преподаваніе его предмета неполнымъ, Чистовичъ выхлопоталъ устройство судебно-медицинскаго отдѣленія, въ которомъ студенты пятаго курса одинъ разъ въ недѣлю составляли акты и другіе документы о результатахъ различнаго освидѣтельствованія живыхъ людей и присутствовали въ комиссіяхъ, назначаемыхъ для такихъ освидѣтельствованій.

Чистовичъ написалъ по своей спеціальности и вообще по различнымъ медицинскимъ вопросамъ много мелкихъ и крупныхъ статей. Результатомъ его занятій исторіей медицины явились два капитальныхъ труда: «Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи» и «Медицинскія учрежденія XVIII столѣтія въ Россіи».

Помощники. Помощниками Чистовича состояли: съ 1863 г.—выбранный адъюнктомъ Сорокинъ, преподававшій токсикологію и танаталогическую часть судебной медицины, и ординаторы судебно-медицинскаго отдѣленія съ 1857 по 1858 г.—Василій Григорьевичъ Рябининъ и Константинъ Александровичъ Иностранцевъ, съ 1858 по 1861 г.—Василій Владиміровичъ Латинъ, съ 1861 по 1863 г.—Василій Тимофеевичъ Покровскій и Н. Дюковъ, и съ 1863 г.—Иванъ Александровичъ Веревкинъ, впослѣдствіи ассистентъ, приватъ-доцентъ и помощникъ главнаго врача въ клиническомъ госпиталѣ.

Гигіена. Самостоятельная кафедра гигіены и медицинской полиціи учреждена въ 1865 году. Такъ какъ конференція основаніемъ для ходатайства считала необходимость изученія гигіены военной и морской, то многіе предполагали, что новая кафедра будетъ занята ученымъ,

хорошо знакомымъ съ жизнью солдатъ. Это предположеніе оказалось ошибочнымъ. Конференція намѣтила изъ институтскихъ врачей кандидата—Сорокина и, когда онъ былъ за границей, предложила ему заняться гигіеной вообще и въ частности военной. Какъ только новая кафедра была оффиціально объявлена учрежденной, объявился кандидатъ изъ военныхъ врачей—докторъ Глинскій, который служилъ въ полкахъ 21 годъ, изучалъ гигіену и издавалъ популярный гигіеническій журналъ. Глинскій представилъ самъ себя. Съ другой стороны Чистовичъ горячо рекомендовалъ своего адъюнкта Сорокина. Глинскаго поддерживали, между прочимъ, директоръ медицинскаго департамента Цыцуринъ и генералъ фонъ-Кауфманъ, который въ письмѣ изъ Вильны высказалъ слѣдующее: «. . . на кафедру, по полученнымъ частнымъ свѣдѣніямъ, академики имѣютъ намѣреніе опредѣлить безъ конкурса, большинствомъ лишь голосовъ назначенной по этому случаю коммиссіи, молодого человѣка, выпущеннаго въ 1860 году и не служившаго еще ни при какой части войскъ; между тѣмъ на занятіе этой кафедры объявилъ желаніе бывшій старшій лѣкарь лейбъ-гвардіи уланскаго полка докторъ медицины Глинскій, состоящій на службѣ 22 года, спеціально изучавшій военную гигіену, представившій по этому предмету 20 томовъ изданнаго имъ періодическаго сочиненія, и намѣренъ просить военнаго министра о назначеніи конкурса и допущеніи его на оный. Желая открыть путь дарованію и труду, а не случайному покровительству, такъ какъ дѣло обученія военной гигіены весьма важно въ будущемъ, рѣшаюсь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство (президента академіи) о предоставленіи доктору медицины Глинскому возможности посредствомъ конкурса искать означеннаго мѣста». Въ виду ходатайства важныхъ лицъ конференція въ особой запискѣ представила министру ходъ дѣла и отмѣтила, что конкурсъ объявляется, когда не имѣется кандидатовъ, но въ 1865 г. кандидатомъ былъ выставленъ Сорокинъ, а Глинскій самъ просилъ о назначеніи конкурса. Министръ въ резолюціи объявилъ, что «вмѣняетъ въ обязанность начальству академіи не только не устранять конкуррентовъ, имѣющихъ на своей сторонѣ преимущество въ опытности, пріобрѣтенной службою въ войскахъ въ мирное и военное время; но, напротивъ того, не иначе допускать къ конкурсу, какъ такихъ медиковъ, которые изучили практически и жизнь

солдата не только въ казармѣ и на квартирѣ, но и въ походѣ». Резолюція осталась пустымъ звукомъ для конференціи. Комиссія обсуждавшая условія для замѣщенія кафедры, раздѣлилась во мнѣніяхъ. Чистовичъ попрежнему горой стоялъ за Сорокина, а Заблоцкій-Десятовскій и Киттеръ въ Сорокинѣ не находили требуемыхъ качествъ. Большинство въ комиссіи осталось за Чистовичемъ. Послѣ этог, министръ приказалъ назначить конкурсъ. Къ началу 1867 г. объявился только одинъ кандидатъ—все тотъ же Глинскій. Но такъ какъ у него не было никакихъ ученыхъ работъ, а популярныя его статьи не принимались въ расчетъ, то конференція его забраковала и назначила новый конкурсъ. Въ 1868 г. кандидатами выступили: неугомонный Глинскій, старшій врачъ воронежской губернской земской больницы Тобинъ и младшій врачъ лейбъ-гвардіи гатчинскаго полка Гелтовскій. Пока длился конкурсъ, Сорокина изъ адъюнктовъ повысили въ экстраординарнаго профессора токсикологіи и поручили временно читать гигіену. Затѣмъ конференція забаллотировала всѣхъ кандидатовъ и, въ виду безуспѣшности конкурса, а также въ виду необходимости замѣстить поскорѣе кафедру, ходатайствовала объ утвержденіи Сорокина ординарнымъ профессоромъ не только токсикологіи, но и гигіены. Это ходатайство въ 1869 г. была утверждено и наконецъ кафедра замѣщена, правда, совсѣмъ неподходящимъ лицомъ, но за то угоднымъ конференціи. И приказаніе министра выбрать профессоромъ ученаго, знающаго военный быть, такъ и не было исполнено.

Сорокинъ понималъ хорошо, что для гигіены онъ не годится. Когда въ 1871 г. Чистовича назначили начальникомъ академіи, и занимаемая имъ кафедра оказалась вакантной, Сорокинъ подалъ заявленіе о томъ, что его спеціальностью служила судебная медицина, и просилъ перевести его на вакантную кафедру. Перемѣщеніе состоялось въ томъ же 1871 г., и кафедра гигіены снова оказалась незамѣщенной.

Минералогія.

Съ 1851 г. преподаваніе минералогіи поручено было Зинину, но онъ не могъ посвящать время и трудъ этому предмету и потому желалъ освободиться отъ подобныхъ лекцій. Въ 1859 г. онъ предложилъ поручить чтеніе минералогіи съ геологіей и палеонтологіей «спеціально занимающемуся этими предметами лѣкарю Михаилу Па-

вловичу Кондратьеву». Предложеніе было принято, и Кондратьевъ началъ преподаваніе въ званіи приватъ-доцента. Въ 1869 г., по защитѣ диссертаціи, онъ былъ назначенъ адъюнктомъ на кафедру минералогіи. Въ 1880 г. онъ покинулъ кафедру и оставался до конца жизни библіотекаремъ. Лекціи онъ читалъ три раза въ недѣлю студентамъ перваго курса и два часа еженедѣльно практически упражнялъ студентовъ въ распознаваніи и опредѣленіи минераловъ посредствомъ паяльной трубки и химическихъ реакцій, а также демонстрировалъ характеристическія окаменѣлости фармацій Россіи, рисунки геогностическихъ разрѣзовъ и геогностическія карты.

КОНДРАТЬЕВЪ. Невозможно было подыскать болѣе неподходящаго преподавателя. Кондратьевъ никогда не занимался ни минералогіей, ни какими-либо другими науками сколько-нибудь основательно. Лекцій онъ не читалъ или читалъ очень плохо. Оттого слушатели къ нему почти не приходили. Главное его занятіе состояло въ подрядахъ и зодчествѣ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ большихъ перестройкахъ и постройкахъ, дѣлая заказы, составляя смѣты, нанимая рабочихъ. Такія работы онъ производилъ въ академіи и въ частныхъ предпріятіяхъ. Благодаря такимъ особенностямъ, а также низкопоклонству онъ былъ свой человѣкъ у Зинина, Дубовицкаго, а также у позднѣйшихъ начальниковъ, кромѣ Чистовича. Послѣдній возмущался тѣмъ, что въ средѣ профессоровъ находится подрядчикъ, не имѣющій ничего общаго съ наукой. Когда Чистовичъ сдѣлался начальникомъ, Кондратьевъ, предвидя, что ему придется уйти изъ академіи, взялъ продолжительный отпускъ за границу. Отъ главнаго военно-медицинскаго инспектора Козлова онъ узналъ по секрету, что Чистовича скоро свалятъ съ мѣста, и потому рѣшился ждать у моря погоды. Получивъ извѣстіе, что Чистовичъ уходитъ, Кондратьевъ вернулся въ академію и повелъ преподаваніе попрежнему.

ЗАКОНЪ БОЖІЙ. Съ 1847 г. священникомъ академической церкви, преподавателемъ Закона Божія для студентовъ академіи и учителемъ латинскаго и русскаго языковъ и ариѳметики для ветеринарныхъ студентовъ второго разряда состоялъ магистръ богословія Іоаннъ Петровичъ Черепнинъ. Студенты-медики и студенты-ветеринары перваго разряда слушали вмѣстѣ по одной лекціи въ недѣлю на первомъ и второмъ курсахъ. Программа преподаванія включала, какъ научно-богословскій

предметъ, догматическое богословіе. Черепнинъ читалъ «о Божественномъ происхожденіи христіанской религіи и объ источникахъ ея; о Церкви, какъ хранительницѣ и истолковательницѣ священнаго Писанія и священнаго Преданія; объ изложеніяхъ вѣры, въ которыхъ содержится символическое ученіе православной церкви». Это преподавалось на первомъ курсѣ. На второмъ предлагалось «догматическое ученіе православной Церкви о сотвореніи и управленіи вселенной, о происхожденіи и природѣ человѣка, о его паденіи, объ искупленіи, освященіи, о послѣднихъ событіяхъ міра и о будущей участи людей».

Въ 1859 г. о. Черепнинъ перевелся въ Казанскій соборъ. Преемникомъ его назначенъ магистръ богословія Дмитрій Алексѣевичъ Тихомировъ. Онъ излагалъ такъ называемое основное богословіе или христіанскую апологетику въ смыслѣ научно-богословской защиты вѣры. Обладая ораторскимъ талантомъ, о. Тихомировъ рельефно выставлялъ, съ одной стороны, возраженія противъ христіанства и вообще религіи, съ другой—опроверженіе всѣхъ нападокъ. Но его лекціи собирали многочисленную аудиторію въ Соляномъ Городкѣ. Въ академіи же на его чтеніяхъ, какъ и на лекціяхъ его предшественника, аудиторія представляла пустыню. ТИХОМИРОВЪ.

Передъ нами прошли преподаватели теоретическихъ предметовъ. Обратимся теперь къ клиницистамъ.

Съ 1848 г. преподаваніе общей патологіи, общей терапіи и врачебной діагностики выдѣлилось въ особую каѳедру, которую занималъ Николай Федоровичъ Здекауеръ. Онъ получилъ прекрасное общее и спеціальное образованіе, послѣднее окончилъ въ лучшихъ германскихъ и австрійскихъ клиникахъ. Большая начитанность, громадная клиническая опытность, критическое отношеніе къ медицинскимъ ученіямъ въ соединеніи съ увлекательнымъ изложеніемъ производили большое впечатлѣніе на студентовъ. Особенно много пользы приносили его лекціи діагностики, сопровождавшіяся практическими упражненіями. Въ нихъ Здекауеръ являлся талантливымъ наблюдателемъ, умѣвшимъ посредствомъ объективныхъ данныхъ точно опредѣлять характеръ болѣзни. Онъ обращалъ вниманіе на усвоеніе учащимися ДІАГНОСТИКА.

постукиванія и выслушиванія, къ которымъ присоединялъ термометрію и химическое изслѣдованіе отдѣленій и выдѣленій. Также вполнѣ научно имъ излагалась общая терапія. Что касается общей патологіи, то, какъ практикъ по преимуществу, онъ отводилъ ей въ преподаваніи второстепенное мѣсто.

Лекціи читались пять, позже шесть разъ, въ недѣлю третьему курсу. Клиники при кафедрѣ не полагалось, но для практическаго преподаванія діагностики были отдѣлены двѣ палаты въ клиническомъ госпиталѣ, находившіяся въ завѣдываніи особаго ординатора. Врачебная діагностика преподавалась практически три раза въ недѣлю. На больныхъ показывались всѣ извѣстные объективные опыты изслѣдованія, также всѣ возможные субъективные. Во второмъ полугодіи студенты, познакомившись со способами изслѣдованія, учились распознавать отдѣльныя болѣзни. Съ цѣлью дать возможность учащемуся основательно разобраться въ веденіи распознаванія, Здекауеръ требовалъ отъ каждаго студента представленія не менѣе двухъ исторій болѣзни. Въ 1855 г. къ кафедрѣ присоединено клиническое отдѣленіе Бессера и учащимся былъ предоставленъ большой матеріалъ. Такъ наладилась пропедевтическая клиника, столь важная при изученіи медицины. Въ ней студенты осваивались со способами изслѣдованія и лѣченія больныхъ и въ остальные два года только расширяли свои основныя свѣдѣнія, участвуя въ разборѣ больныхъ.

Здекауеръ былъ добрый, вѣжливый, безхитростный человѣкъ. Къ врачамъ и студентамъ относился, какъ къ товарищамъ, и помогалъ каждому словомъ и дѣломъ. Имѣя большую практику, онъ не гнался за заработкомъ и въ одинаковой степени привѣтливо относился къ богатымъ и бѣднымъ.

Научные его труды немногочисленны, какъ и у всѣхъ остальныхъ клиницистовъ. Главная заслуга подобныхъ ученыхъ состоитъ въ примѣненіи научныхъ данныхъ къ жизни, затѣмъ въ устной передачѣ своего опыта молодежи. Для писанія сочиненій у клиническаго профессора нѣтъ времени.

Помощники.

Первымъ помощникомъ Здекауера явился сверхкомплектный ординаторъ лѣкарь Карлъ Эйхвальдъ. Въ 1849 г. его смѣнилъ Павелъ Константиновичъ Брунъ, назначенный ассистентомъ. Въ 1855 г. согласился дѣлить трудъ преподаванія со Здекауеромъ клиническій про-

фессоръ Бессеръ. Помощникомъ ихъ обоихъ опредѣлился въ 1856 г. Александръ Порфирьевичъ Бородинъ съ обязательствомъ завѣдывать химическими упражненіями студентовъ. Бородинъ въ слѣдующемъ году уѣхалъ за границу и затѣмъ перешелъ къ Зинину. Въ 1858 г. остался при кафедрѣ институтскій врачъ Владиславъ Косинскій, уѣхавшій въ 1862 г. ординаторомъ въ Уяздовскій военный госпиталь въ Варшавѣ. Съ 1859 г. незамѣнимымъ помощникомъ и другомъ дѣлается институтскій врачъ Эдуардъ Эдуардовичъ Эйхвальдъ. Въ 1860 г. онъ назначенъ ассистентомъ. Упражненія со студентами онъ велъ по всѣмъ отдѣламъ діагностики, кромѣ того устроилъ химическую лабораторію и ставилъ опыты на животныхъ во время лекцій общей патологіи. Вообще онъ, по выраженію Здекауера, «не щадилъ ни времени, ни труда» для клиники и этимъ изъ себя выработалъ основательнаго клинициста. Итакъ, Здекауеръ, Бессеръ, Косинскій и Эйхвальдъ общими усиліями сдѣлали пропедевтическую клинику школой для основательнаго изученія внутреннихъ болѣзней.

Въ 1860 г. у Здекауера открылось новое поприще для дѣятельности. По случаю ухода въ отставку Мяновскаго онъ перешелъ на кафедру госпитальной терапевтической клиники. Теперь, не связанный теоретическимъ систематическимъ курсомъ, онъ имѣлъ возможность показывать болѣзненныя формы, знакомя слушателей съ тайнами своей клинической опытности. Студенты старшаго курса лучше могли воспользоваться его практическими указаніями, чѣмъ слушатели третьяго.

Бессеръ.

Помощникъ Здекауера Викторъ Виллибальдовичъ Бессеръ окончилъ курсъ въ кіевскомъ университетѣ по философскому факультету и затѣмъ на медицинскомъ факультетѣ московскаго университета. Имѣя два диплома, онъ удовлетворялъ условіямъ полученія преміи Виллie и дѣйствительно сдѣлался Виллiевскимъ стипендіатомъ. Какъ таковой, онъ три года работалъ въ заграничныхъ клиникахъ; по возвращеніи въ Россію сдалъ экзамены на доктора медицины, защитилъ диссертацію, прочелъ пробныя лекціи и получилъ званіе наставника молодыхъ врачей. По положенію о стипендіи онъ опредѣлился на службу въ военное вѣдомство съ правами университетскихъ профессоровъ, со значительнымъ жалованьемъ, квартирнымъ довольствіемъ и денщичьимъ довольствіемъ, независимо отъ получаемаго содержанія по другимъ должностямъ въ томъ же вѣдомствѣ. Предпи-

сано было отвести ему въ непосредственное завѣдываніе особое отдѣленіе второго военно-сухопутнаго госпиталя, въ которомъ онъ могъ бы руководить студентами выпускного курса при ихъ практическихъ занятіяхъ. Бессеръ получилъ четыре палаты госпиталя, ординаторами прикомандированы два институтскихъ врача. При такихъ благопріятныхъ условіяхъ для занятія медициной Бессеръ однако не зналъ, что дѣлать. Дѣйствительно, занятія студентовъ опредѣлялись росписаніемъ лекцій и практическихъ упражненій, соотвѣтственно кафедрамъ, но у Бессера кафедры не было. Дѣло уладилось прекрасно для Бессера и Здекауера. Послѣдній уступилъ часть лекцій по діагностикѣ, а первый передалъ въ распоряженіе кафедры свою клинику. Бессеръ привезъ всѣ новые способы изслѣдованія и увлеченіе молодости и страстное желаніе работать. Онъ съ жаромъ принялся за преподаваніе. Въ 1860 г., когда Здекауеръ перешелъ на другую кафедру, на его мѣсто избранъ Бессеръ, который съ этого времени получалъ двойное содержаніе—какъ академическій профессоръ и какъ клиническій профессоръ-стипендіатъ Виллие. Благодаря ему, отнынѣ кафедра пріобрѣла пропедевтическую клинику, которой раньше при ней не полагалось, такъ какъ преподаваніе предполагалось теоретическое. Счастливый Бессеръ быстро пріобрѣлъ славу талантливаго діагноста и соотвѣтственно съ этимъ громадную практику. Она доставила ему богатство, но зато отвлекла отъ занятій наукой и въ значительной степени отъ преподаванія. Какъ лекторъ, Бессеръ никогда не выдвигался выше посредственности. Ученыхъ трудовъ не оставилъ. Преподаваніе онъ порядочно запустилъ, и это особенно ощутительно было на его кафедрѣ, которая имѣла цѣлью сообщить современныя теоретическія свѣдѣнія на ряду съ практическими. Чтобы удовлетворять требованіямъ, которыя имѣютъ право предъявлять къ подобному профессору, нужно было много читать, но у Бессера для этого не оставалось времени. Такъ погибъ, можетъ, быть великій клиницистъ. Повредило ему большое и раннее счастье.

Утѣшительно хоть то, что Бессеръ былъ добрый человѣкъ и широко открывалъ двери своей клиники всякому, кто дѣйствительно желалъ работать. Врачи и студенты получали безпрепятственно и больныхъ, и средства. При этомъ ихъ не допрашивали ни о національности, ни о принадлежности къ той или другой партіи.

Помощникъ. До 1866 г. Бессеръ велъ преподаваніе одинъ, довольствуясь помощью временныхъ ординаторовъ. Въ 1866 г. возвратившійся изъ заграничной командировки Эйхвальдъ избранъ адъюнктомъ. Бессеръ уступилъ ему полный курсъ общей терапіи и одну лекцію діагностики. Поэтому изъ пяти лекцій третьему курсу три читались Бессеромъ и двѣ Эйхвальдомъ. Кромѣ того послѣдній врачамъ и студентамъ двухъ высшихъ курсовъ излагалъ демонстративно клинику внутреннихъ болѣзней и діагностику. Талантливый и неутомимый клиницистъ явился счастливой находкой для зарвавшагося и облѣнившагося практика. Эйхвальдъ прекрасно велъ практическія занятія со студентами, отлично излагалъ общую терапію и вообще своею дѣятельностью сильно поднялъ клинику Бессера.

Шипулинскій. Каѳедру академической терапевтической клиники занималъ съ 1848 г. Павелъ Димитріевичъ Шипулинскій. Онъ пользовался славой опытнаго діагноста и имѣлъ большую практику. Въ клиническомъ преподаваніи онъ примѣнялъ современные способы изслѣдованія. При лѣченіи больныхъ онъ вводилъ новые тогда способы—электро-гальванизмъ и гидротерапію. Его печатные труды свидѣтельствуютъ о солидной клинической опытности его, но къ шестидесятымъ годамъ его преподаваніе сильно устарѣло. Лекціи читались четвертому курсу и сопровождались разборомъ больныхъ со студентами въ клиникѣ и позже на амбулаторныхъ пріемахъ.

Помощники. Помощникомъ съ 1851 г. состоялъ адъюнктъ Степанъ Алексѣевичъ Ивановскій, преподававшій кромѣ того исторію медицины. Въ 1857 г. онъ оставилъ академію, и Шипулинскій представилъ въ 1858 г. докторанта Боткина.

Боткинъ. Въ 1861 г. окончился срокъ службы Шипулинскаго, и до этого времени конференція подыскивала ужъ ему подходящаго преемника. Профессора-нѣмцы намѣтили своего кандидата. Съ другой стороны Дубовицкій, Зининъ и Глѣбовъ остановились на русскомъ ученомъ, за котораго особенно хлопоталъ Глѣбовъ. Вслѣдствіе этого въ 1859 г. Сергѣй Петровичъ Боткинъ, находясь за границей, получилъ отъ президента академіи приглашеніе занять каѳедру. Конечно согласіе не заставило себя ждать, но выговорено условіе, что новому профессору дадутъ званіе ординарнаго и, слѣдовательно, полныя права хозяина каѳедры.

АДЪЮНКТЪ.

Боткинъ окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ въ 1855 г., затѣмъ за границей работалъ у Вирхова, Траубе и другихъ патологовъ и клиницистовъ. Въ 1860 г. онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и защитилъ диссертацію. Шипулинскій, какъ мы видѣли, ужъ въ 1858 г. представилъ его въ адъюнкты, но избраніе не могло состояться за отсутствіемъ Боткина. Теперь представленіе было повторено, и молодой ученый избранъ. Въ качествѣ адъюнкта Боткинъ сразу выдвинулся. Онъ устроилъ клиническую лабораторію, въ которой подъ его руководствомъ стали работать студенты и врачи; въ клиникѣ онъ знакомилъ занимающихся съ современными способами изслѣдованія и кромѣ того излагалъ имъ новѣйшія воззрѣнія въ медицинѣ, бывшія новостью для петербургскихъ врачей. Вокругъ него собрался кружокъ молодыхъ врачей и студентовъ, съ увлеченіемъ слѣдовавшихъ за своимъ также молодымъ наставникомъ.

ПРОФЕССОРЪ

Въ 1861 г. въ конференціи былъ поставленъ вопросъ: кому поручить вакантную кафедру? Нѣмецкая партія выдвинула профессора Экка, который однако вмѣстѣ съ русской партіей предложилъ Боткина. Узнавъ о томъ, что въ конференціи предстоитъ борьба партій изъ-за кандидата на кафедру, работавшіе у Боткина передъ началомъ засѣданія конференціи упрашивали поочередно профессоровъ голосовать за ихъ наставника. Эккъ самъ отказался отъ кандидатуры, и конференція постановила баллотировать только одного Боткина, послѣ чего выбрала его въ ординарные профессора. Утвержденъ онъ былъ 19 ноября 1861 г. Съ этого времени начинается самостоятельная дѣятельность нашего выдающагося клинициста. Создается особая Боткинская школа.

ЕГО ВОЗЗРѢНІЯ.

Въ теченіе многихъ лѣтъ Боткинъ былъ самымъ популярнымъ академическимъ клиницистомъ, собиравшимъ всегда большую аудиторію. Говорилъ онъ некрасно: часто повторялся, съ трудомъ подыскивалъ выраженія, мысль иногда облекалъ въ мало понятную форму. Но при подобныхъ недочетахъ слушатели все-таки чувствовали вліяніе таланта, открывавшаго имъ новые горизонты, создававшаго цѣльную и правдивую картину болѣзни. Слушателя поражало строго научное изслѣдованіе больного такимъ же способомъ, какой примѣняется въ естествознаніи при изученіи любого явленія. И Боткинъ такому научному изслѣдованію придавалъ особенное значеніе. «Чтобы избавить

боль ого отъ случайностей,—говорилъ онъ [1]),—а себя отъ лишнихъ угрызеній совѣсти и принести истинную пользу человѣчеству, неизбѣжный для этого путь есть научный, по которому вы пошли съ самаго начала и который не должны оставлять, приступая къ практической медицинѣ. А потому въ клиникѣ вы должны научиться раціональной практической медицинѣ, которая изучаетъ больного человѣка и отыскиваетъ средства къ излѣченію или облегченію его страданій, а потому занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ ряду естествознанія. А если практическая медицина должна быть поставлена въ рядъ естественныхъ наукъ, то понятно, что пріемы, употребляемые въ практикѣ для изслѣдованія, наблюденія и лѣченія больного, должны быть пріемами естествоиспытателя, основывающаго свое заключеніе на возможно большемъ количествѣ строго и научно наблюдаемыхъ фактовъ. Поэтому, вы поймете, что научная практическая медицина, основывая свои дѣйствія на такихъ заключеніяхъ, не можетъ допускать произвола, иногда тутъ и тамъ проглядывающаго подъ красивой мантіей искусства, медицинскаго чутья, такта и т. д. Представляющійся больной есть предметъ вашего научнаго изслѣдованія, обогащеннаго всѣми современными методами. Собравши сумму анатомическихъ, физіологическихъ и патологическихъ фактовъ даннаго субъекта, группируя эти факты на основаніи вашихъ теоретическихъ знаній, вы дѣлаете заключеніе, представляющее уже не діагностику болѣзни, а діагностику больного, ибо, собирая факты, представляющіеся въ изслѣдуемомъ субъектѣ, путемъ естествоиспытателя, вы получите не только патологическія явленія того или другого органа, на основаніи которыхъ дадите названіе болѣзни, но вмѣстѣ съ этимъ вы увидите состояніе всѣхъ остальныхъ органовъ, находящихся въ большей или меньшей связи съ заболѣвшимъ и видоизмѣняющихся у каждаго субъекта. Вотъ эта то индивидуализація каждаго случая, основанная на осязательныхъ научныхъ данныхъ, и составляетъ задачу клинической медицины и вмѣстѣ съ тѣмъ самое твердое основаніе лечения, направленнаго не противъ болѣзни, а противъ страданія больного... Основаніемъ клинической медицины служитъ самое подробное изслѣдованіе даннаго случая, которое если не

[1]) Медицинскій Вѣстникъ, 1862, № 41.

всегда будетъ имѣть приложеніе къ лѣченію въ настоящее время, то послужитъ впослѣдствіи наилучшимъ матеріаломъ для будущей болѣе счастливой терапіи». Приведенныя слова знакомятъ насъ съ направленіемъ, котораго держался Боткинъ всю жизнь. Но справедливость заставляетъ сказать, что оно не составляло новости въ академіи. Представители другихъ кафедръ—Здекауеръ, Эккъ, Бессеръ, Эйхвальдъ—привезли его раньше изъ-за границы и примѣняли не менѣе усердно, чѣмъ Боткинъ. Онъ однако смѣлѣе ихъ проводилъ его и иногда получалъ болѣе блестящіе результаты. Когда заболѣла Государыня, лѣчившіе ее доктора ставили діагнозъ и лѣченіе лишь на основаніи разспроса о припадкахъ, т. е. примѣняли способъ ненадежный, устарѣвшій и въ данномъ случаѣ просто преступный, потому что болѣзнь въ сущности оставалась неопредѣленной. Когда былъ приглашенъ на консультацію Боткинъ, онъ заявилъ, что наука, представителемъ которой онъ является, требуетъ для блага больного изслѣдовать его, примѣнивши объективные способы изслѣдованія: постукиваніе, выслушиваніе и т. п. Только при подобныхъ условіяхъ врачъ можетъ опредѣлить болѣзнь и, слѣдовательно, принести больному разумную помощь. На этомъ основаніи онъ считалъ необходимымъ научное изслѣдованіе здоровья Государыни. Донесли объ этомъ Государю, который конечно далъ согласіе. И вотъ опытные клиницисты—Здекауеръ, Эккъ, Обермиллеръ и проч. — были посрамлены молодымъ человѣкомъ, который сдѣлался теперь лейбъ-медикомъ. И они думали то же, что и Боткинъ, но не имѣли достаточной смѣлости обнаружить вполнѣ свое искусство въ важнѣйшемъ случаѣ ихъ практики. Другой примѣръ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ опредѣлилась въ Западной Европѣ въ Россіи остававшаяся неизвѣстной форма тифа—возвратный тифъ. На основаніи температурныхъ данныхъ клиницисты въ Россіи видѣли, что у насъ появился не брюшной и не сыпной тифъ, но какой—не пытались выяснить или высказывали свои предположенія очень осторожно. Боткинъ имѣлъ смѣлость заявить, что новая форма—возвратный тифъ и такимъ смѣлымъ шагомъ снова опередилъ своихъ соперниковъ. Правда, докторъ Бернштейнъ нѣсколько раньше его въ Одессѣ распозналъ эту болѣзнь. Но во всякомъ случаѣ изъ петербургскихъ клиницистовъ за Боткинымъ остается заслуга не только распознаванія, но и тщательнаго изученія этой болѣзни.

Увлеченіе.

Помимо чисто спеціальныхъ свѣдѣній слушатели Боткина заимствовали у него любовь къ медицинѣ, которая увлекала ихъ, заставляла работать дальше и самостоятельно въ направленіи, данномъ профессоромъ. По этому поводу одинъ изъ его учениковъ[1]) говоритъ: «такова была сила его убѣжденія, такъ ясны и послѣдовательны его мысли, такъ далекъ онъ былъ отъ обычныхъ учебниковъ, такъ незамѣтно и съ такимъ интересомъ вводилъ своихъ слушателей и въ сферу чистой науки, что они выносили изъ его лекцій не только полное знаніе изложенной болѣзни и пониманіе особенностей даннаго случая, важныхъ для терапіи, но имъ сообщалась и частичка той любви къ наукѣ, того священнаго огня, который ярко горѣлъ въ самомъ лекторѣ, дѣлая его не заурядным работникомъ, а истиннымъ творцомъ въ своей области. Намъ приходилось впослѣдствіи слушать многихъ извѣстныхъ европейскихъ клиницистовъ, и безъ преувеличенія можно сказать, что по обстоятельности разбора болѣзни, по глубинѣ анализа всѣхъ симптомовъ, по захватывающему нерѣдко научному интересу лекцій Сергѣя Петровича, — ему безусловно принадлежала пальма первенства».

Гуманность.

Боткинъ возбуждалъ въ слушателяхъ не только интересъ и любовь къ медицинѣ, но и къ человѣку вообще, въ частности къ больному. При изслѣдованіи и лѣченіи онъ невольно подкупалъ больного необыкновенной сердечностью, вниманіемъ къ его мелочнымъ иногда жалобамъ. Страждущій видѣлъ передъ собою не надутую фигуру утомленнаго визитаціей и равнодушнаго ко всему, кромѣ денегъ, занятаго клинициста, а человѣка, дѣйствительно желающаго помочь, чѣмъ только можно. Вотъ этимъ объясняется необыкновенное уваженіе, съ которымъ произносилось имя Боткина не только больными, но и врачами по всей Россіи. Высокія душевныя качества врачу такъ же необходимы, какъ и основательныя спеціальныя свѣдѣнія. Гуманность, участливое отношеніе къ людямъ, безкорыстіе составляли между прочимъ основаніе его славы.

Патріотизмъ.

Врачебному сословію въ Россіи Боткинъ былъ дорогъ, какъ поклонникъ и защитникъ русскаго человѣка. Какъ ни странно, рус-

[1]) Проф. Сиротининъ. Сергѣй Петровичъ Боткинъ. Біографическій очеркъ. Спб. 1899. Стр. 57.

скіе люди тогда не обрѣтались въ авантажѣ, и это сказывалось на положеніи врачей. Лучшія мѣста въ больницахъ, въ военномъ вѣдомствѣ раздавались инородцамъ. Особенное счастье выпадало на долю нѣмцевъ, окончившихъ дерптскій университетъ. Питомцы его выпускались сразу докторами медицины, хотя, по справедливому заявленію Вилліе, были только плохіе фельдшера. Благодаря докторскому диплому, благодаря обаянію нѣмецкой науки они занимали хорошія мѣста, доставали жирные оклады, хотя имѣли нерѣдко совсѣмъ нетяжелый балластъ научныхъ познаній, иногда даже не владѣли русскимъ языкомъ. Случалось довольно часто даже въ военныхъ больницахъ, что исторіи болѣзни писались на нѣмецкомъ языкѣ, и докторъ не умѣлъ разспросить больного, не зная хорошо русскаго языка. Обидно видѣть, что эти залетныя птицы обнаруживали не только полное невѣжество во всемъ, что касается русской жизни, но и проявляли ненависть къ своимъ русскимъ товарищамъ. Оттого помощниками и преемниками себѣ они выбирали нѣмцевъ же или инородцевъ. Такъ, благодаря русской снисходительности и уступчивости, больницы, университеты, административныя учрежденія и т. д. заполонялись нѣмцами, евреями, поляками и проч., но не русскими людьми, которымъ отводилась второстепенная роль, зачастую роль рабочаго скота. Какъ выносили такое безобразное положеніе хозяевъ русской земли? Русская партія въ академіи повела борьбу съ нѣмцемъ очень энергично, но въ сороковыхъ годахъ она оказалась слаба и лишь при Дубовицкомъ выросла. Боткинъ явился однимъ изъ сильнѣйшихъ ея членовъ, а позже и главою. Помимо академіи въ петербургской городской управѣ и вообще вездѣ, гдѣ могъ, онъ проводилъ русскаго въ ущербъ нѣмцу. Въ клинику къ себѣ ординаторами онъ принималъ только лицъ съ русскими фамиліями. О такомъ направленіи Боткина знала вся Россія, и въ этомъ также заключалась причина его громадной популярности. Его цѣнили не только, какъ ученаго, но и какъ патріота.

Либерализмъ.

Еще одна сторона его дѣятельности способствовала успѣху. Справедливо или нѣтъ—трудно сказать, его считали завзятымъ либераломъ. Утверждали, что въ академіи, среди товарищей, среди знакомыхъ, при Дворѣ Боткинъ проводитъ либеральныя идеи, борется за нихъ, страдаетъ, но иногда достигаетъ желаемаго. Утверждали, будто передъ

Государемъ онъ хлопоталъ о помилованіи Чернышевскаго, будто просилъ Его за сосланныхъ студентовъ, будто передавалъ Ему подпольныя изданія. При политическихъ демонстраціяхъ имя Боткина произносилось съ особеннымъ почтеніемъ, зато его соперникамъ-нѣмцамъ сильно доставалось на сходкахъ, такъ какъ ихъ отождествляли съ реакціей, считали врагами отечества. Кто направлялъ такъ симпатіи въ пользу Боткина, какіе достовѣрные факты доказывали либерализмъ Боткина и существовалъ ли таковой—объ этомъ мы не станемъ распространяться. Но несомнѣнно, что среди молодежи Боткинъ слылъ столпомъ либерализма и за это его между прочимъ превозносили до небесъ, а начальство на него дулось, подозрѣвало.

Слава Боткина, также его вліяніе въ медицинскомъ мірѣ собрали около него много учениковъ. Среди оканчивающихъ курсъ въ академіи и въ университетахъ желавшіе изучить внутреннія болѣзни, жаждавшіе успѣха въ практикѣ и наконецъ просто мечтавшіе о томъ, какъ бы получше пристроиться — стремились въ клинику Боткина. Но сюда допускались немногіе. Во-первыхъ, требовалось имѣть русскую фамилію, а во-вторыхъ или заручиться сильными рекомендаціями—или имѣть несомнѣнныя преимущества передъ товарищами. Чаще всего при клиникѣ оставались академическіе врачи. Они занимались практически, писали диссертаціи, затѣмъ или посылались за границу, или получали хорошія мѣста въ Петербургѣ или въ провинціи. Въ виду обилія помощниковъ Боткинъ поручалъ своимъ ученикамъ изученіе и сосѣднихъ отраслей медицины. Такъ, около него собрались спеціалисты по дѣтскимъ, нервнымъ, гортаннымъ и т. д. болѣзнямъ и составлялась маленькая академія. Ученики его занимали каѳедры не только въ академіи, но и въ университетахъ. Такъ, профессорами въ университетахъ поѣхали: Н. Виноградовъ въ Казань, В. Покровскій въ Кіевъ, В. Лашкевичъ въ Харьковъ, Л. Поповъ въ Варшаву, П. Голубевъ, Н. Ворошиловъ и Субботинъ въ Казань, М. Лапчинскій въ Варшаву, С. Левашевъ въ Казань, Я. Стольниковъ въ Варшаву, С. Лукьяновъ въ Варшаву, В. Доброклонскій въ Варшаву, Л. Тутасъ въ Варшаву, Кудревецкій въ Варшаву, Т. Богомоловъ въ Харьковъ и С. Васильевъ въ Дерптъ. Въ академіи сдѣлались профессорами: Д. Кошлаковъ, Г. Забѣлинъ, А. Полотебновъ, А. Успенскій, А. Пруссакъ, Л. В. Поповъ, Чудновскій, В. Манассеинъ,

Школа.

И. Павловъ, Н. Соколовъ, Быстровъ, Н. Симановскій, М. Яновскій, В. Сиротининъ, С. С. Боткинъ, Т. Павловъ, Чистовичъ. Не мало приватъ-доцентовъ и старшихъ врачей обязаны были своимъ окончательнымъ образованіемъ и положеніемъ исключительно Боткину. Множество работъ его учениковъ печатались въ разныхъ медицинскихъ журналахъ, многія помѣщались въ издававшемся имъ «Архивѣ внутреннихъ болѣзней». Этотъ журналъ выходилъ до смерти Боткина и остановился на 13 томѣ. Самъ Боткинъ напечаталъ очень мало. Единственно крупнымъ его сочиненіемъ слѣдуетъ считать «курсъ клиники внутреннихъ болѣзней», котораго вышло три выпуска. Затѣмъ часть помѣщенныхъ здѣсь лекцій вмѣстѣ съ другими была издана вновь.

Занятія.

Боткинъ читалъ студентамъ четвертаго курса четыре лекціи въ недѣлю, изъ нихъ двѣ посвящалъ амбулаторнымъ больнымъ. Приходящихъ больныхъ онъ принималъ дважды въ недѣлю, въ остальные дни пріемъ производился ассистентомъ и ординаторами клиники. Въ дни лекцій Боткинъ обходилъ клинику съ ординаторами и студентами. Въ его клиникѣ Кошлаковъ принималъ по болѣзнямъ гортани и почекъ, Пруссакъ—по ушнымъ, Успенскій—по нервнымъ болѣзнямъ. Постояннаго помощника у Боткина долго не полагалось, и обязанности ассистента несли оставляемые при академіи врачи. Лишь въ 1873 г. учреждена должность ассистента, занята она была Чудновскимъ, впослѣдствіи профессоромъ академіи.

Упадокъ таланта:

Только партійныя соображенія могли натолкнуть господствовавшій въ академіи кружокъ профессоровъ дать важную кафедру 28-лѣтнему доктору, окончившему курсъ всего 6 лѣтъ назадъ, нигдѣ въ клиникѣ не несшему ни ассистентскихъ, ни ординаторскихъ обязанностей. Такой шагъ являлся просто безразсуднымъ рискомъ, плохо оправдывавшимся желаніемъ посадить русскаго вмѣсто нѣмца. Для Боткина такое рѣшеніе конференціи оказалось медвѣжьей услугой. Правда, по окончаніи курса онъ усердно занимался за границей; однако онъ не забывалъ развлеченій, не мало времени посвящалъ поѣздкамъ, свадебному путешествію и т. д. Онъ не прошелъ тяжелой, но зато чрезвычайно полезной школы ординатора и ассистента клиники; на его рукахъ не было сотенъ больныхъ, за которыми приходилось бы слѣдить днемъ и ночью. Понятно, что при подобныхъ условіяхъ ему слѣдовало еще много и много работать, чтобы выработать въ себѣ

опытнаго и хладнокровнаго наблюдателя. Необходимо было познакомиться основательно съ сочиненіями, новыми и старыми, въ которыхъ запечатлѣны результаты опыта великихъ клиницистовъ. Для пользы Боткина его слѣдовало подержать въ черномъ тѣлѣ 10—15 лѣтъ и лишь послѣ того дать ему самостоятельную клинику. Къ счастію, большія дарованія исправили многіе недостатки его образованія, а большое число больныхъ быстро снабдило его основательнымъ опытомъ. Но эта же большая практика мѣшала ему слѣдить за наукой, что особенно отражалось на его теоретическихъ взглядахъ. Съ 1871 г. Боткинъ отвлекается сильно не только отъ ученыхъ, но и клиническихъ занятій. Онъ ежегодно рано весною уѣзжаетъ въ Крымъ и возвращается поздно осенью, лекціи вмѣсто него читаетъ Кошлаковъ. И по пріѣздѣ въ Петербургъ часто запаздываетъ на лекціи, мало времени посвящаетъ амбулаторіи. На лекціяхъ онъ изъ авторитетовъ ссылается все на устарѣвшихъ уже Вирхова, Траубе, Фрерикса, между тѣмъ какъ его слушатели знакомы съ болѣе свѣжими авторитетами и, слѣдовательно, опередили своего учителя. Въ пятидесятыхъ годахъ жизни ученый создаетъ самыя крупныя свои произведенія. Боткину мѣшала сосредоточиться большая практика, а когда онъ началъ отъ нея отмахиваться, болѣзнь преждевременно свела въ могилу нашего клинициста. Такъ Боткину не удалось завершить свою дѣятельность неувядаемымъ памятникомъ. Но то, что имъ сдѣлано, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ вѣчной благодарности потомства.

Въ 1842 г. пріѣхавшій изъ Вильны профессоръ Осипъ Игнатьевичъ Мяновскій получилъ каѳедру госпитальной терапевтической клиники. Кромѣ завѣдыванія госпитальной клиникой ему поручили чтеніе лекцій по психіатріи, но ему этотъ курсъ не нравился, и онъ вмѣсто психіатріи выхлопоталъ преподаваніе акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, хотя акушерствомъ никогда не занимался ранѣе. Дѣтскихъ болѣзней онъ совсѣмъ не читалъ, а въ акушерской клиникѣ настоящимъ хозяиномъ явился адъюнктъ. Слѣдовательно, Мяновскій оставался главнымъ образомъ представителемъ терапевтической клиники. Съ 1848 г. преподаваніе акушерства ужъ офиціально передано профессору Китеру, но Мяновскій все еще считался завѣдующимъ клиникой женскихъ и дѣтскихъ болѣзней. МЯНОВСКІЙ.

Терапевтическую клинику Мяновскій читалъ студентамъ пятаго ПРЕПОДАВАНІЕ.

курса шесть разъ въ недѣлю по 2 часа. Говорилъ онъ по-русски плохо и потому преподаваніе велъ на латинскомъ языкѣ. Настоящихъ лекцій не читалось. Вмѣсто нихъ происходили обходы клиники, при чемъ студенты разбирали больныхъ подъ руководствомъ профессора.

Мяновскій не могъ посвящать много времени наукѣ, такъ какъ имѣлъ большую практику; кромѣ того въ качествѣ лейбъ-медика часто уѣзжалъ за границу, при чемъ преподаваніе прекращалось на долго. Въ молодости онъ написалъ нѣсколько мелкихъ ученыхъ работъ, а затѣмъ—ничего. Ласковый, вкрадчивый, умѣющій держать себя, онъ пользовался симпатіями сослуживцевъ и студентовъ. Какъ преподаватель, однако, онъ не могъ производить особенно глубокое впечатлѣніе.

Помощники. Помощниками у Мяновскаго состояли конечно инородцы: съ 1842 по 1848 г. Кулаковскій, съ 1852 г. Балинскій, съ 1856 г. Бессеръ.

Опять Здекауеръ. Собственно Мяновскій оставилъ академію въ 1858 г. и уѣхалъ за границу сопровождать Великую Княгиню Марію Николаевну. Въ 1860 г. онъ нѣкоторое время читалъ лекціи и затѣмъ вышелъ въ отставку. Его мѣсто занялъ Здекауеръ. Онъ читалъ четыре раза въ недѣлю по $1^1/_2$—2 часа. По вечерамъ ассистентъ и ординаторъ дѣлали обходы больныхъ и упражняли студентовъ практически. Лекціи читались у постели больныхъ. На лекціи профессоръ успѣвалъ разобрать не болѣе одного—двухъ больныхъ. Здекауеръ для госпитальнаго преподаванія обладалъ всѣми необходимыми качествами: обширной эрудиціей, большой опытностью, даромъ слова. Популярный профессоръ всегда собиралъ большую аудиторію, при чемъ кромѣ студентовъ присутствовало много военныхъ и гражданскихъ врачей. Тщательное изслѣдованіе больного всѣми современными способами освѣщалось теоретическими взглядами современныхъ патологовъ, особенно Вирхова, теоріи котораго Здекауеръ излагалъ еще въ пятидесятыхъ годахъ—десятью годами раньше Боткина.

Сотни врачей, прослушавшихъ Здекауера, съ благодарностью вспоминали своего учителя, дѣлавшаго все, чтобы образовать изъ своихъ слушателей знающихъ врачей. Для провинціальныхъ докторовъ, наѣзжавшихъ въ Петербургъ, лекціи Здекауера составляли настоящее откровеніе. Ничего подобнаго въ университетахъ они не слышали.

Казалось, Здекауеру, находившемуся въ цвѣтѣ (45) лѣтъ, суждено было долго украшать академію. Но «иначе боги судили». Черезъ $2^1/_2$ года по занятіи каѳедры онъ неожиданно вышелъ въ отставку. Вотъ какъ произошло это печальное происшествіе. Здекауеръ пользовался большимъ вліяніемъ въ конференціи и при рѣшеніи вопросовъ, относящихся къ области клиники, его голосъ всегда давалъ перевѣсъ. Среди профессоровъ теперь получила господство русская партія, и она недружелюбно смотрѣла на Здекауера, какъ на главу нѣмецкой партіи. Шелъ ли такой титулъ къ нашему клиницисту? Онъ одинаково хорошо относился къ слушателямъ, къ ординаторамъ и къ товарищамъ—профессорамъ. Но по своему происхожденію, по знакомствамъ онъ, дѣйствительно, оказывался невольно въ центрѣ кружка, состоящаго изъ нѣмцевъ. При выборахъ въ конференціи, при другихъ назначеніяхъ въ различныхъ вѣдомствахъ Здекауеръ рекомендовалъ и проводилъ людей, которые, по его глубокому убѣжденію, оказывались достойными искомаго мѣста, но эти люди были нѣмцы. А между тѣмъ слово «нѣмецъ» сдѣлалось въ русской партіи ругательнымъ настолько же, какъ и прозвище «жидъ». Когда русская партія получила въ конференціи силу, она задалась цѣлью проводить на вакантныя каѳедры только русскихъ, но нѣмецкая партія оставалась еще очень сильной, а въ лицѣ «Бомбастуса» (такъ въ шутку называли Здекауера) и его друзей она пользовалась большимъ вліяніемъ при Дворѣ и при случаѣ могла свести на-нѣтъ постановленія конференціи, продиктованныя русской партіей, свергнуть Дубовицкаго и Глѣбова и посадить на ихъ мѣста нѣмцевъ. Трудную задачу для русской партіи составляла борьба со Здекауеромъ, и удаленіе его сразу обезпечило бы навсегда главенство партіи. Но какъ его удалить? Распускались среди студентовъ всякіе слухи про «Бомбастуса», но они повидимому не имѣли никакого успѣха. Однако мало-по-малу по пріѣздѣ Боткина между слушателями Здекауера, но особенно между студентами, еще съ нимъ не познакомившимися, создалась партія, и она иногда давала о себѣ знать, когда на диспутахъ происходили схватки между русскими и нѣмцами; тутъ иногда одни шикали русскому, а другіе нѣмецкому оппоненту. «Бомбастусъ» считалъ себя стоящимъ настолько высоко въ академической средѣ, что выраженіе неудовольствія себѣ со стороны студентовъ считалъ невозможнымъ. ОТСТАВКА.

И однако такой невозможный случай произошелъ. 12 января 1863 г. защищалъ диссертацію любимый ученикъ, помощникъ и другъ Здекауера, Эйхвальдъ. Извѣстно было, что это не простой докторантъ, что онъ по защитѣ диссертаціи займетъ въ академіи кафедру. Въ подобныхъ случаяхъ пренія на диспутѣ ведутся очень страстно, и нерѣдко диспутъ заканчивается скандаломъ. Для примѣра укажемъ на диспутъ Забѣлина. Частнымъ оппонентомъ тогда выступилъ Эйхвальдъ и пытался провалить ученика Зинина и Боткина. Этотъ диспутъ въ 1861 г. составилъ цѣлое событіе и имѣлъ послѣдствіемъ жаркую полемику въ медицинскихъ журналахъ. Теперь въ свою очередь Эйхвальдъ сдѣлался предметомъ ожесточенныхъ нападокъ. Когда его стали особенно тѣснить, Здекауеръ не выдержалъ и съ жаромъ сталъ опровергать возраженія, сыпавшіяся на его ученика и казавшіяся ему несправедливыми. Тутъ шиканье и свистки студентовъ прервали его рѣчь. Несчастный «Бомбастусъ» первое время былъ далекъ отъ мысли, что демонстрація направлена противъ него. Но убѣдившись, что освистываютъ его, не кончилъ говорить и ушелъ съ диспута.

Послѣ этого Здекауеръ рѣшилъ оставить академію. Когда Здекауеръ подалъ въ отставку, конференція выхлопотала ему званіе заслуженнаго профессора и избрала почетнымъ членомъ. Сослуживцы и друзья изъ академіи и другихъ мѣстъ его служенія поднесли ему альбомъ со своими фотографіями и почтили прощальнымъ обѣдомъ. Одинъ изъ профессоровъ, бывшихъ на обѣдѣ, разсказывалъ мнѣ, что принужденъ былъ выслушать отъ Зинина и другихъ товарищей упреки за то, что «превозносилъ нѣмца».

Здекауеръ вышелъ въ отставку на 48 году жизни и затѣмъ принималъ видное участіе въ обществѣ охраненія здоровья, имъ же основанномъ, въ обществѣ нѣмецкихъ врачей, участвовалъ въ разработкѣ различныхъ мѣропріятій для борьбы съ эпидеміями. Въ 1884 г. былъ назначенъ предсѣдателемъ медицинскаго совѣта. Отъ 1874 по 1881 г. еще разъ принималъ близкое участіе въ дѣлахъ академіи, въ качествѣ члена временной коммиссіи, управлявшей дѣлами медико-хирургической академіи. Въ этой роли онъ оказалъ академіи услуги, по словамъ однихъ; принесъ немало зла, по мнѣнію другихъ.

Эккъ. Преемникомъ Здекауера избрали профессора Владиміра Егоровича Экка, перешедшаго съ кафедры частной патологіи и терапіи

Онъ, будучи посланъ за границу вскорѣ по окончаніи курса въ академіи, съ особенной любовью изучалъ діагностику у лучшихъ спеціалистовъ, между прочимъ у знаменитыхъ Шкоды и Піорри, почему въ этой области не имѣлъ соперниковъ. Также много онъ занимался медико-химическими изслѣдованіями, микроскопіей и патологической анатоміей. По пріѣздѣ изъ-за границы нѣкоторое время состоялъ помощникомъ у Пирогова, производя вскрытія и микроскопическія изслѣдованія. Отъ 1846 г. занималъ каѳедру частной патологіи, при чемъ получилъ для клиники нѣсколько палатъ. Онъ былъ популярнѣйшимъ профессоромъ академіи. Слушатели увлекались его краснорѣчивымъ изложеніемъ, горячей убѣдительной рѣчью, умѣньемъ въ немногихъ словахъ набросать живую и полную картину болѣзни. Лекціи госпитальной клиники Эккъ читалъ четыре раза въ недѣлю по $1^1/_2$—2 часа пятому курсу и старался на каждой лекціи разобрать возможно больше больныхъ; при этомъ онъ не подбиралъ ихъ съ цѣлью показать интересные случаи, а руководился исключительно порядкомъ поступленія ихъ. При такой системѣ передъ слушателями проходилъ въ теченіе года длинный рядъ разобранныхъ больныхъ, и по поводу каждаго профессоръ сообщалъ массу свѣдѣній, приводя однородные случаи изъ литературы или своей практики. Его курсъ составлялъ дополненіе лекцій Боткина, который разбиралъ мало больныхъ, но зато подробно излагалъ свои воззрѣнія на болѣзненные процессы. Несмотря на большую практику, Эккъ слѣдилъ за медицинской литературой и для чтенія пользовался каждой свободной минутой. Прекрасными особенностями его служили доброта и вѣжливость. Больнымъ въ клинику онъ присылалъ гостинцы, тѣмъ, кому было можно; въ служащихъ принималъ самое живое участіе и дарилъ имъ подарки къ праздникамъ.

Напечаталъ Эккъ, какъ и другіе клиницисты, немного. Его работы обличаютъ въ немъ опытнаго клинициста и осторожнаго наблюдателя.

КОНЕЦЪ КАРЬЕРЫ.

Въ 1869 г. Эккъ заявилъ въ конференціи, что, прослуживъ уже въ должности преподавателя пять лѣтъ сверхъ положеннаго срока (25 лѣтъ), онъ долженъ уступить мѣсто болѣе молодому ученому. На этотъ разъ даже крайніе нѣмцеѣды присоединились къ просьбѣ начальника не уходить изъ академіи. Эккъ согласился подвергнуться

закрытой баллотировкѣ и былъ выбранъ еще на пять лѣтъ. Онъ былъ крѣпкаго сложенія, не имѣлъ видимой болѣзни. Но доктора умираютъ рано. Ужъ черезъ годъ онъ на 52 году жизни почти прекратилъ преподаваніе по причинѣ тяжелой болѣзни, которая въ 1875 г. свела его въ могилу.

Помощниками у него состояли адъюнктъ Эйхвальдъ и ассистентъ Ф. А. Лешъ.

ШЕСТОВЪ. Какъ мы говорили, съ 1846 г. Эккъ занималъ кафедру частной патологіи и терапіи. Лекціи читались третьему курсу четыре раза въ недѣлю по $1^1/_2$ часа. Первые годы репетиторомъ у него состоялъ Панфиловичъ. Когда Эккъ перешелъ на госпитальную терапевтическую кафедру, преемникомъ ему конференція избрала Николая Александровича Шестова. Его приготовлялъ лейбъ-медикъ Енохинъ собственно для другой цѣли. Онъ хотѣлъ подыскать для Наслѣдника въ качествѣ доктора молодого представительнаго человѣка съ хорошими манерами и достаточно образованнаго. Ему указали на Шестова. По настоянію Енохина красивый врачъ для окончанія медицинскаго образованія былъ сначала оставленъ при академіи, потомъ посланъ за границу для осмотра больницъ. По возвращеніи изъ-за границы Шестовъ назначенъ штатнымъ докторомъ Наслѣдника Цесаревича. Вѣроятно съ цѣлью пользоваться бо́льшимъ вліяніемъ при Дворѣ, онъ выхлопоталъ мѣсто адъюнкта при госпитальной клиникѣ. Дубовицкій желалъ имѣть при Дворѣ человѣка, который могъ при случаѣ оказать ему важныя услуги, и потому дѣлалъ Шестову всякія одолженія. Препятствіемъ къ исправленію профессорскихъ обязанностей служила придворная служба и необходимость сопровождать Наслѣдника въ заграничныхъ поѣздкахъ и по Россіи. Но Дубовицкій объяснилъ въ конференціи, что поѣздки совершаются главнымъ образомъ въ лѣтнее время; но если бы онѣ бывали и въ учебное время, то онѣ «способствовали бы просвѣщенію и усовершенствованію его познаній». При какомъ интересѣ оставались бы учащіеся, президентъ не объяснилъ. Въ 1861 г. Шестовъ назначенъ еще штатнымъ старшимъ ординаторомъ въ первомъ (Николаевскомъ) военно-сухопутномъ госпиталѣ. Итакъ, не имѣя никакихъ ученыхъ заслугъ, Шестовъ, понравившись Енохину, сдѣлался докторомъ Наслѣдника, завѣдующимъ госпитальнымъ отдѣленіемъ въ клиническомъ госпиталѣ,

старшимъ ординаторомъ Николаевскаго госпиталя и адъюнктомъ академіи. Послѣ счастія однако пришло несчастіе. Смерть Наслѣдника поставили въ вину Шестову, и онъ лишился придворной должности. Затѣмъ и въ военномъ вѣдомствѣ на него стали смотрѣть косо. Профессора—представители русской партіи сжалились надъ нимъ и въ 1866 г. выбрали ординарнымъ профессоромъ. Онъ читалъ лекціи въ тѣ же дни, что раньше Эккъ; для клиническихъ занятій студенты ходили къ нему въ Николаевскій госпиталь. Какъ преподаватель, представлялъ ничтожную величину. Скончался внезапно въ 1876 г.

Теоретическая хирургія.

Кафедру хирургической патологіи (теоретической хирургіи) съ 1840 по 1852 г. занималъ профессоръ Петръ Александровичъ Дубовицкій, впослѣдствіи президентъ академіи. Онъ былъ посредственный лекторъ и хирургъ-теоретикъ, болѣе расположенный къ административной дѣятельности. Въ 1839 г. онъ, находясь за границею, сблизился и до конца жизни находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Зининымъ, Глѣбовымъ, Олендскимъ, Вейсомъ и Заблоцкимъ-Десятовскимъ. Послѣдній окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, участвовалъ въ экспедиціи, изучавшей восточные берега Каспійскаго моря, изучилъ хорошо ботанику и энтомологію и написалъ два сочиненія по естественной исторіи. Онъ также собралъ большія коллекціи, насѣкомыхъ и растеній и вообще до конца жизни оставался страстнымъ коллекціонеромъ. Лишь послѣ того онъ поѣхалъ въ Парижъ, гдѣ изучалъ сначала естественныя науки, потомъ медицину и особенно хирургію. По рекомендаціи Дубовицкаго, Павелъ Парфеновичъ Заблоцкій-Десятовскій былъ избранъ адъюнктомъ по кафедрѣ теоретической хирургіи. При этомъ онъ читалъ часть хирургіи и кромѣ того первый въ академіи началъ читать лекціи по сифилису и по болѣзнямъ мочевыхъ и половыхъ органовъ. Кромѣ того въ качествѣ ординатора онъ завѣдывалъ нѣсколькими палатами въ второмъ военно-сухопутномъ госпиталѣ. Съ 1843 г. излагалъ также офталмологію. Въ 1845 г. утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ теоретической хирургіи, а въ слѣдующемъ году—ординарнымъ профессоромъ судебной медицины, медицинской полиціи и гигіены, по прежнему преподавалъ также указанные выше отдѣлы медицины и состоялъ ординаторомъ. Въ 1852 г., послѣ выхода въ отставку Дубовицкаго, занялъ его кафедру теоретической хирургіи, отказавшись

отъ судебной медицины, которая была передана адъюнкту Пеликану. Съ 1858 г. ему поручено завѣдываніе сифилитическимъ и хирургическимъ отдѣленіями госпиталя.

Заблоцкій - Десятовскій.

Лекціи Заблоцкій читалъ третьему курсу четыре раза въ недѣлю по $1^1/_2$ часа, кромѣ того одинъ разъ въ недѣлю назначались практическія занятія въ госпиталѣ. Въ хирургической и сифилитической клиникахъ онъ предоставлялъ врачамъ и студентамъ производство малыхъ и большихъ операцій; перевязка больныхъ производилась студентами въ его присутствіи. Эти занятія были обязательны и, конечно, приносили большую пользу.

Лекціи Заблоцкаго отличались стройностью и систематичностью изложенія. Ихъ слушали съ большимъ вниманіемъ. Въ нихъ сообщалась практическая часть хирургіи, въ изложеніе теоріи и общихъ воззрѣній авторъ не входилъ. Также въ клиникахъ исключительно преслѣдовалась цѣль научить студента распознавать и лѣчить болѣзни.

Заблоцкій написалъ немало статей и книгъ, также издалъ переводы нѣкоторыхъ сочиненій. За сочиненіе о болѣзняхъ яичка и за руководство къ изученію сифилитическихъ болѣзней получилъ Демидовскую премію отъ академіи наукъ. Онъ производилъ различныя самостоятельныя изслѣдованія, имѣвшія предметами лѣченіе эпителіальнаго рака, насильственное расширеніе уретры, обдуваніе язвъ и проч. Онъ первый въ Россіи примѣнилъ хлороформъ для вызыванія анестезіи при операціяхъ и съ этой цѣлью участвовалъ въ особой комиссіи. Вообще это былъ разносторонне образованный врачъ и даровитый хирургъ, но по всему складу ума и характера онъ оставался преимущественно теоретикомъ. Кромѣ того, занятія нѣсколькими отдѣлами медицины не дали ему возможности выработать изъ себя идеальнаго спеціалиста въ одной какой-либо области.

Въ 1867 г. Нарановичъ назначенъ начальникомъ академіи, и каѳедра академической хирургической клиники сдѣлалась вакантной. Конференція «имѣя въ виду, что каѳедра эта требуетъ отъ преподавателя, кромѣ знанія дѣла, и обширной опытности, пришла къ заключенію, что лучше всего было бы какъ для учащихся, такъ и для самаго заведенія, предложить эту должность академику, заслуженному профессору Заблоцкому». Онъ согласился съ тѣмъ, чтобы ему

оставили преподаваніе сифилиса, болѣзней мочевыхъ органовъ и завѣдываніе сифилитической и хирургической госпитальными клиниками. Изложеніе теоретической хирургіи поручено адъюнкту Богдановскому, ему же передана хирургическая анатомія. На новой каѳедрѣ, несмотря на почтенный возрастъ, Заблоцкій проявилъ прежнія свои качества: добросовѣстность, трудолюбіе; какъ хирургъ, онъ и теперь отличался хладнокровіемъ, быстротою выполненія операціи и умѣніемъ найтись въ затруднительныхъ случаяхъ. Въ 1869 г. вышелъ въ отставку.

Помощникомъ Заблоцкаго съ 1862 г. состоялъ Карпинскій, который завѣдывалъ сифилитическимъ и хирургическимъ отдѣленіями, когда Заблоцкій отсутствовалъ.

Акад. хирург. клиника.

Иванъ Васильевичъ Рклицкій съ 1831 г. былъ адъюнктомъ при каѳедрѣ академической хирургической клиники, въ 1840 г. назначенъ экстраординарнымъ, а въ 1847 г. ординарнымъ профессоромъ. Кромѣ того, съ 1850 г. состоялъ старшимъ помощникомъ, а съ 1859 г. главнымъ докторомъ второго военно-сухопутнаго (клиническаго) госпиталя.

Рклицкій.

Рклицкій не отличался даромъ слова, но въ лекціяхъ онъ хорошо знакомилъ съ практической хирургіей, чему способствовала его громадная опытность. Обладая всѣми качествами выдающагося хирурга, онъ не имѣлъ соперниковъ, между прочимъ, въ быстротѣ производства операцій—условіе очень важное въ то время, когда операціи производились безъ хлороформа. Такъ, литотомію у дѣтей онъ производилъ въ 3 минуты, а ампутацію конечности съ перевязкой сосудовъ въ 10 минутъ! При этомъ чистота работы нисколько не страдала. Его любили товарищи и студенты за доброту и откровенный характеръ.

Лекціи хирургической клиники читались студентамъ четвертаго курса ежедневно по одному часу, кромѣ того три раза въ недѣлю по $1^1/_2$ часа преподавалась оперативная хирургія. Операціи дѣлали профессоръ или его помощники, также допускались къ производству ихъ и подготовленные къ этому студенты. Остальные студенты дѣлали перевязки, накладывали повязки и производили малыя операціи. О каждомъ больномъ составлялась исторія болѣзни.

Къ занимающей насъ каѳедрѣ относились разнообразные от-

дѣлы. Они не могли быть изложены однимъ профессоромъ и потому передавались его помощникамъ. Неммертъ съ 1849 г. преподавалъ десмургію и механургію, кромѣ того занимался со студентами на трупахъ хирургической анатоміей. Съ 1853 г. Неммертъ возведенъ въ экстраординарные профессора и ему поручено преподаваніе отдѣльныхъ частей теоретической хирургіи. Съ 1856 г. адъюнктомъ состоялъ Петръ Савичъ Платоновъ. Въ 1860 г. онъ скончался. Въ 1859 г. и 1860 г. помощниковъ не было, и Рклицкій читалъ студентамъ третьяго курса десмургію и механургію, переломы и вывихи, а четвертому курсу—оперативную хирургію и хирургическую клинику.

БЕККЕРСЪ.

Въ 1861 г. Рклицкій скоропостижно скончался на первый день Пасхи. Любопытно, что и отецъ его скончался также скоропостижно и также на первый день Пасхи. Преемникомъ ему былъ избранъ Людвигъ Андреевичъ Беккерсъ. Пироговъ цѣнилъ его, какъ будущаго отличнаго хирурга, и взялъ съ собой въ Севастополь во время Крымской кампаніи. Съ 1857 по 1860 г. онъ учился за границей и по возвращеніи избранъ адъюнктомъ. Онъ подавалъ большія надежды, которыя однако не сбылись. Въ 1862 г. онъ отравился.

НАРАНОВИЧЪ.

Вакантную каѳедру послѣ Беккерса занялъ Нарановичъ. Онъ до сихъ поръ преподавалъ описательную анатомію и состоялъ нѣкоторое время помощникомъ управляющаго и управляющимъ инструментальнымъ заводомъ, съ 1840 г. занималъ должность помощника главнаго доктора перваго военно-сухопутнаго (Николаевскаго) госпиталя. Уже въ 1854 г. онъ былъ оставленъ на второе пятилѣтіе. За удачное бальзамированіе тѣла умершаго Императора Николая Павловича Нарановичъ выхлопоталъ себѣ въ награду оставленіе въ занимаемыхъ должностяхъ до тѣхъ поръ, пока онъ самъ пожелаетъ. Такимъ образомъ, онъ служилъ безъ срока и на 62 году жизни получилъ хирургическую академическую клинику. Хирургіей онъ занимался съ самаго окончанія курса и въ 1830 г. во время польскаго возстанія работалъ въ качествѣ главнаго хирурга въ дѣйствующей арміи. На лекціяхъ онъ давалъ много практическихъ указаній, но отсталость отъ науки сказывалась на каждомъ шагу. Профессоръ разбиралъ предварительно на лекціи больного, которому предстояла операція. Студенты изслѣдовали больныхъ и вели исторіи болѣзни подъ руководствомъ ординаторовъ.

Помощникомъ Нарановича состоялъ адъюнктъ Богдановскій до 1866 г.

Въ 1867 г. Нарановичъ былъ назначенъ начальникомъ академіи и его замѣстилъ Заблоцкій-Десятовскій, о которомъ мы ужъ говорили. Итакъ, по смерти Рклицкаго въ 1861 г. въ короткое время на одной и той же кафедрѣ перебывали три профессора: Беккерсъ, Нарановичъ и Заблоцкій-Десятовскій.

Госпит. хирургич. клиника.

Кафедру госпитальной хирургической клиники съ 1839 по 1856 г. занималъ Николай Ивановичъ Пироговъ. Знаменитый хирургъ, операторъ и анатомъ создалъ школу русскихъ хирурговъ, высоко поднялъ значеніе русскаго врача. Дѣятельность его относится къ прежнему періоду, а потому здѣсь мы о немъ не станемъ говорить. Замѣтимъ только, что въ стараніяхъ поднять производительность клиники онъ велъ продолжительную борьбу съ злоупотребленіями, которыя никогда не переводились во второмъ военно-сухопутномъ госпиталѣ. Поэтому уходу его обрадовались тѣ темныя силы, которыя стремились оставить все попрежнему. Съ другой стороны, рады были и нѣкоторые профессора, не любившіе Пирогова потому, что онъ считался главою нѣмецкой партіи. При всѣхъ выборахъ онъ неизмѣнно проводилъ инородца въ ущербъ русскому кандидату. Русскихъ профессоровъ онъ презрительно называлъ поповичами и высказывалъ о нихъ не очень лестное мнѣніе. Вотъ почему, когда Пироговъ оставилъ академію, нѣкоторые вздохнули съ облегченіемъ.

Неммертъ.

Преемниками Пирогова послѣдовательно явились его ученики. Въ 1856 г. на кафедру госпитальной хирургической клиники избранъ Петръ Юльевичъ Неммертъ. По окончаніи курса академіи онъ сдѣлался дѣятельнымъ помощникомъ Пирогова, который всегда его особенно отличалъ. Въ 1842 г. онъ назначенъ ассистентомъ Пирогова, въ 1848 г. утвержденъ адъюнктомъ при кафедрѣ Рклицкаго, а въ 1853 г. избранъ экстраординарнымъ профессоромъ. Все время Неммертъ находился при Пироговѣ и замѣщалъ его, когда тотъ уѣзжалъ, а съ 1854 г. принялъ въ завѣдываніе госпитальную клинику. До 1857 г. читалъ десмургію и механургію и малыя операціи, кромѣ того практически занимался со студентами оперативной хирургіей.

Неммертъ читалъ одну лекцію ежедневно при обходѣ клиники. При этомъ студенты сообщали ему о теченіи болѣзни у нихъ боль-

ныхъ. Во время обходовъ производились студентами и ординаторами перевязки оперированныхъ больныхъ, а также малыя операціи. Затѣмъ дѣлались операціи, при чемъ менѣе значительныя предоставлялись студентамъ или ординаторамъ, а большія профессору или ассистенту. Передъ операціей профессоръ объяснялъ показанія къ ней и способъ выполненія ея. Неммертъ былъ прекрасный операторъ, отлично знакомый съ анатоміей. Поэтому операціи не представляли для него затрудненій. Будучи очень внимателенъ къ больнымъ, Неммертъ хлопоталъ объ улучшеніи ихъ пищи, а когда не успѣлъ въ этомъ, то сталъ болѣе трудныхъ кормить на свой счетъ. Оперированнымъ онъ покупалъ протезы, даже искусственныя конечности, стоившія тогда очень дорого, изъ своихъ средствъ. Пораженный госпитальными безобразіями, онъ дважды подавалъ въ отставку, но она не была принята.

Помощниками Неммерта были Гирштовтъ и Пильцъ.

Китеръ.

Неммертъ оставался ординарнымъ профессоромъ всего два года. Въ 1858 г. онъ скончался. Вакантную каѳедру занялъ академикъ Александръ Александровичъ Китеръ. Еще въ бытность Пирогова профессоромъ въ Дерптскомъ университетѣ Китеръ состоялъ у него ассистентомъ. Затѣмъ онъ учился за границей и по возвращеніи оттуда приглашенъ въ Казанскій университетъ на каѳедру хирургіи. Въ 1848 г. онъ перешелъ въ академію, но здѣсь ему дали каѳедру акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней. Акушерство однако ему было не по душѣ, и потому, по смерти Неммерта, онъ перешелъ на госпитальную хирургическую клинику. Въ 1867 г. ему поручена оперативная хирургія. Въ 1870 г. вышелъ въ отставку. На уходъ его оказало вліяніе судебное дѣло, возникшее по поводу одной операціи. Ветеринарному врачу Рядману была удалена часть языка, пораженнаго ракомъ. Въ началѣ операціи примѣнена гальванокаустическая петля. Она однако расплавилась и была замѣнена болѣе толстою, но послѣдняя не накаливалась. Что дѣлать? Тогда Китеръ принужденъ былъ окончить операцію экразеромъ. Больной умеръ на девятый день послѣ операціи отъ гнилокровія, осложненія тогда не рѣдкаго и не зависѣвшаго отъ способа оперированія. Въ одной газетѣ однако появилось извѣстіе о томъ, что Китеръ не умѣлъ окончить операцію, чѣмъ и погубилъ больного. Возникла полемика между Ки-

теромъ и газетными репортерами, а затѣмъ вдова Ридмана возбудила уголовное дѣло, обвиняя Китера въ причиненіи ея мужу смерти неумѣло произведенной операціей. Слѣдствіе не дало матеріала для привлеченія профессора къ суду, и потому дѣло было прекращено, но отъ него остался непріятный осадокъ, и лица, незнакомыя съ хирургической дѣятельностью Китера, могли думать, что онъ плохо велъ операцію или вообще былъ плохой хирургъ. Недоумѣвали, кто могъ сочинить пасквиль на почтеннаго профессора, и по всѣмъ признакамъ было ясно, что это былъ человѣкъ, близко стоящій къ клиникѣ. Я могъ бы назвать фамилію этого клеветника, но не сдѣлаю изъ уваженія къ его профессорской дѣятельности. Тогда онъ былъ докторомъ и работалъ въ клиникѣ Боткина, позже получилъ каѳедру въ Харьковѣ.

Китеръ владѣлъ хирургической техникой въ совершенствѣ. Будучи преподавателемъ оперативной хирургіи, онъ продѣлывалъ операціи на трупахъ несмѣтное число разъ и потому на живомъ человѣкѣ производилъ ихъ увѣренно. На лекціяхъ приводилъ патологоанатомическія данныя и показывалъ микроскопическіе препараты. Кромѣ лекцій онъ разбиралъ больныхъ со студентами. Четыре раза въ недѣлю онъ еще принималъ амбулаторныхъ больныхъ, при чемъ студенты учились ставить діагнозъ и практиковались въ производствѣ небольшихъ операцій и накладываніи повязокъ. Онъ постоянно слѣдилъ за наукой и провѣрялъ новые способы лѣченія у себя въ клиникѣ. Также онъ старался рѣшать хирургическіе вопросы путемъ опытовъ надъ животными, но въ этомъ не успѣлъ. Его сочиненія относятся главнымъ образомъ къ области акушерства, хирургическія работы немногочисленны и имѣютъ предметомъ казуистику. Подъ его руководствомъ было написано нѣсколько хорошихъ диссертацій. *Преподаваніе.*

Китеръ не отличался даромъ слова, но его лекціи были содержательны и приспособлены къ аудиторіи. Какъ опытный преподаватель, онъ сообщалъ самое существенное и несомнѣнное.

Съ 1858 по 1861 г. его помощникомъ состоялъ Богдановскій. Его смѣнилъ Водарскій, уѣхавшій въ 1864 г. за границу. Въ 1861 г. остался въ качествѣ институтскаго врача Яновичъ-Чаинскій, командированный за границу въ 1868 г. Съ 1864 по 1867 г. состоялъ сначала ординаторомъ, а съ 1869 г. ассистентомъ. Гепнеръ съ 1859 *Помощники.*

по 1860 г. былъ ординаторомъ и произвелъ много операцій, изъ нихъ пластическія операціи и особенно операціи пузырно-влагалищнаго свища доставили ему извѣстность опытнаго и искуснаго хирурга.

Оперативная хирургія.

Преподаваніе оперативной хирургіи и топографической анатоміи (хирургической анатоміи) существовало съ основанія академіи, но эти предметы не составляли особой каѳедры. Первое время оперативная хирургія относилась къ хирургіи, а хирургическая анатомія—къ описательной анатоміи. Вотъ почему клиническіе профессора—хирурги Бушъ и Саломонъ—одновременно съ преподаваніемъ хирургіи учили производить операціи на трупѣ. Однако Саломонъ уже тяготился оперативной хирургіей и часть занятій передалъ своему помощнику Рклицкому. Въ свою очередь, и послѣдній, сдѣлавшись ординарнымъ профессоромъ, передалъ повторительный курсъ операцій своему помощнику. Въ 1858 г. онъ обязалъ упражнять студентовъ въ операціяхъ на трупѣ своего помощника адъюнкта Максима Андреевича Фаворскаго; ему же поручено чтеніе топографической анатоміи студентамъ четвертаго курса. Такимъ образомъ, впервые соединилось въ одномъ лицѣ преподаваніе двухъ важныхъ предметовъ, имѣющихъ между собою тѣсную связь. По смерти Рклицкаго къ Фаворскому перешло изложеніе всей оперативной хирургіи. Около того же времени онъ былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ. Для изготовленія препаратовъ къ лекціямъ и упражненія студентовъ въ производствѣ операцій на трупахъ былъ назначенъ докторъ Карпинскій. Въ 1863 г. за Фаворскимъ оставлена оперативная хирургія, которая излагалась студентамъ четвертаго курса, хирургическая анатомія поручена Богдановскому.

Въ то время на хирургическую анатомію полагалось двѣ лекціи по $1^1/_2$ ч. на четвертомъ курсѣ, на оперативную хирургію (также на четвертомъ курсѣ) три лекціи и кромѣ того полагались занятія съ пятымъ курсомъ на трупахъ. На лекціяхъ кромѣ рисунковъ показывались свѣжіе препараты, изготовленные Фаворскимъ и его помощникомъ.

Фаворскій.

Фаворскій обладалъ крѣпкимъ здоровьемъ, позволявшимъ ему проводить много времени среди труповъ. Будучи студентомъ въ Московскомъ университетѣ, онъ часть мышечной силы расходовалъ, участвуя въ кулачныхъ бояхъ; тамъ онъ однажды повредилъ себѣ ногу и

остался хромымъ на всю жизнь. Благодаря нѣкоторымъ обстоятельствамъ онъ, постоянно стремясь къ занятію наукой, получилъ званіе адъюнкта лишь на 52 году жизни. Онъ былъ трудолюбивый и добросовѣстный работникъ, но ученыхъ трудовъ не оставилъ, такъ какъ возможность окончательно посвятить все время наукѣ у него явилась незадолго до смерти.

Самостоятельная каѳедра.

Въ 1865 г. была учреждена самостоятельная каѳедра оперативной хирургіи, топографической анатоміи и десмургіи съ механургіей. Соискателями ея явились два кандидата: экстраординарный профессоръ Фаворскій и адъюнктъ Богдановскій. Въ 1867 г. Фаворскій скоропостижно скончался и выбранъ былъ Богдановскій. Но въ томъ же году ему поручено кромѣ того преподаваніе на каѳедрѣ теоретической хирургіи, а въ 1869 г. онъ совсѣмъ перешелъ на эту каѳедру.

Будучи занятъ другой каѳедрой, Богдановскій обращалъ мало вниманія на оперативную хирургію. На этотъ предметъ и на топографическую анатомію положено было для четвертаго курса двѣ лекціи по $1\frac{1}{2}$ часа. Обязательныхъ практическихъ занятій на трупахъ не производилось.

Десмургія.

Десмургія и механургія долгое время преподавались, какъ часть клинической хирургіи. У Саломона для этого съ 1836 г. существовалъ адъюнктъ Рклицкій. Съ 1848 г., когда послѣдній былъ произведенъ въ ординарные профессора, занимающіе насъ предметы переданы адъюнкту Неммерту, который читалъ ихъ почти до самой смерти (1858 г.). Лишь въ 1857 и 1858 гг. вмѣсто него преподавалъ Платоновъ. По смерти Неммерта, за отсутствіемъ подходящихъ преподавателей, временно сталъ читать десмургію снова Рклицкій. Отъ 1860 по 1863 гг. ее преподавали короткое время Фаворскій, Беккерсъ и Водарскій. Съ 1863 г. наконецъ десмургія и механургія пріобрѣли постояннаго преподавателя въ лицѣ Ивана Гавриловича Карпинскаго. Съ 1865 г. ему поручено изложеніе малыхъ хирургическихъ операцій; нѣсколько позже, въ 1870 г., и завѣдываніе хирургическимъ музеемъ, столь необходимымъ при изложеніи названныхъ выше наукъ. Въ 1888 г. онъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ.

Карпинскій.

Карпинскій былъ трудолюбивый преподаватель. За тридцать лѣтъ преподавательской дѣятельности онъ не пропустилъ ни одной лекціи!

явленіе исключительное въ академіи. Онъ много поработалъ надъ устройствомъ хирургическаго музея. Написалъ много отдѣльныхъ сочиненій, относящихся къ его спеціальности. Вообще онъ сдѣлалъ для своего предмета преподаванія все, что можно. Ничтожное вознагражденіе адъюнкта (500 р.) при большой семьѣ заставляло его принимать разностороннія обязанности и посвящать много времени частной практикѣ.

Десмургія съ механургіей читалась два раза въ недѣлю студентамъ третьяго курса. Практически они упражнялись въ наложеніи повязокъ.

Помощникомъ Карпинскаго состоялъ съ 1876 г. приватъ-доцентъ Владиміръ Николаевичъ Поповъ.

Акушерство. Какъ мы упоминали, въ 1848 г. на каѳедру акушерства, вакантную послѣ отставки Хотовицкаго, былъ избранъ профессоромъ Александръ Александровичъ Китеръ. Еще состоя профессоромъ хирургіи въ Казани, онъ былъ вынужденъ заниматься, кромѣ хирургической, и акушерской практикой, за отсутствіемъ подходящихъ спеціалистовъ. Изъ операцій, произведенныхъ имъ здѣсь, особенно заставила о себѣ говорить сдѣланная впервые экстирпація матки, пораженной ракомъ, черезъ влагалище. Въ академіи Китеръ, занимая каѳедру акушерства, продолжалъ считать себя хирургомъ и тосковалъ по хирургической дѣятельности. Но нѣтъ худа безъ добра (по крайней мѣрѣ для талантливаго человѣка). Будучи хирургомъ, онъ совершилъ въ Россіи переворотъ, направивъ акушерство и гинекологію въ сторону хирургіи. Предметы его каѳедры онъ призналъ частями хирургіи, для которыхъ и способы лѣченія и методы изслѣдованія должны быть поэтому хирургическими. Это направленіе вполнѣ соотвѣтствовало стремленіямъ акушерства и гинекологіи и въ западной Европѣ. Соотвѣтственно съ этимъ имъ производилось большое число операцій въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ другіе акушеры признавали свою безпомощность и предоставляли исходъ природѣ. Такъ, между сдѣланными имъ операціями мы встрѣчаемъ: наложеніе щипцовъ, поворотъ на ножки, перфорацію, эмбріотомію, кефалотрипсію, чревосѣченіе при внѣматочной беременности, кесарское сѣченіе и проч. Все операціи, кромѣ первыхъ двухъ, рѣдкія для того времени. Китеръ написалъ руководства акушерства и женскихъ болѣзней и этимъ пополнилъ существенный пробѣлъ въ

медицинской литературѣ. Въ учебникѣ женскихъ болѣзней онъ привелъ результаты своихъ операцій—результаты во многихъ отношеніяхъ поучительные. Кромѣ того, имъ написано немало статей по его спеціальности на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Всѣ эти работы свидѣтельствуютъ о томъ, что Китеръ былъ выдающійся гинекологъ. Расширенію его дѣятельности препятствовало неимѣніе достаточнаго числа кроватей; изъ трехъ клиническихъ отдѣленій кафедры ему было предоставлено одно, собственно акушерское, остальныя удержалъ за собой Мяновскій.

Теоретическія лекціи акушерства и гинекологіи читались четвертому курсу два раза (по $1^1/_2$ часа) въ недѣлю, дѣтскимъ болѣзнямъ и упражненіямъ на фантомѣ также посвящались двѣ лекціи. Клиническія занятія со студентами пятаго курса происходили три раза въ недѣлю по одному часу. При этомъ студенты прочитывали исторіи болѣзни, а профессоръ поправлялъ. Другія занятія студентовъ производились подъ руководствомъ помощниковъ профессора. Китеръ посѣщалъ клинику лишь въ лекціонные дни; вечеромъ онъ пріѣзжалъ, когда предстояла большая операція. *ПРЕПОДАВАНІЕ.*

Направленіе Китера прочно укрѣпилось въ академіи благодаря его ученику и преемнику, профессору Антону-Эдуарду Яковлевичу Красовскому. Вскорѣ по окончаніи курса онъ опредѣлился къ Китеру ассистентомъ, имѣя ничтожный запасъ практическихъ свѣдѣній по акушерству. Однако, уже въ первый годъ онъ пріобрѣлъ значительную опытность и затѣмъ сдѣлался незамѣнимымъ и постояннымъ помощникомъ своего учителя. Въ 1854 г. избранъ адъюнктомъ, ему поручено тогда же чтеніе теоретическихъ лекцій по дѣтскимъ болѣзнямъ и веденіе практическихъ занятій со студентами по акушерству. Съ 1858 г. ему предоставлено веденіе практическихъ занятій по діагностикѣ женскихъ болѣзней съ четвертымъ курсомъ. Около этого времени ему же переданы клиническія отдѣленія, которыми завѣдывалъ Мяновскій. Въ 1858 г. онъ избранъ на мѣсто Китера. Теперь передъ нимъ открылось широкое поле для дѣятельности. Онъ оказался счастливѣе Китера въ отношеніи клиническаго матеріала, такъ какъ въ его рукахъ сосредоточилось наслѣдство и Китера, и Мяновскаго, именно—клиники акушерская, женская и дѣтская и, кромѣ того, женское терапевтическое отдѣленіе госпиталя. *КРАССОВСКІЙ.*

ПОМОЩНИКИ.

Въ 1860 г. Красовскій передалъ теоретическое преподаваніе гинекологіи Флоринскому, дѣтскихъ болѣзней—Радецкому. Въ 1863 г. онъ поручилъ излагать всю теоретическую часть кафедры адъюнкту Флоринскому, а въ 1865 г. предоставилъ ему и дѣтскую клинику. Такимъ образомъ, Красовскій ограничилъ свою дѣятельность въ академіи исключительно клиническимъ преподаваніемъ и не былъ стѣсненъ чтеніемъ систематическаго курса, требовавшаго книжной подготовки.

На пятомъ курсѣ клиническія лекціи читались четыре раза въ недѣлю по $1^1/_2$ часа и притомъ въ теченіе перваго полугодія. Онѣ имѣли практическій характеръ. Внѣ лекцій студенты кураторствовали въ клиникѣ; если производилась неотложная операція, то на нее приглашали всѣхъ студентовъ, коихъ можно было извѣстить. Обходы больныхъ производились профессоромъ и ассистентомъ. Первымъ ассистентомъ былъ Бредовъ; когда была учреждена академическая клиника, тамъ ассистентомъ назначенъ Хризановичъ. Ординаторами состояли врачи, желавшіе усовершенствоваться въ акушерствѣ и гинекологіи. Таковыхъ у Красовскаго постоянно насчитывалось много, такъ что нѣкоторымъ докторамъ, желавшимъ заниматься, приходилось отказывать за недостаткомъ мѣста. При подобныхъ условіяхъ клиника Красовскаго сдѣлалась важнѣйшимъ въ Россіи центромъ образованія для ученыхъ акушеровъ.

ПРЕПОДАВАНІЕ.

Слава Красовскаго, какъ лучшаго въ Россіи гинеколога, привлекала въ его клинику множество больныхъ. Оттого здѣсь можно было встрѣтить самыя разнообразныя заболѣванія. Понятно, какъ выигрывало отъ этого преподаваніе. Діагностика у Красовскаго отличалась замѣчательной точностью. При лѣченіи онъ, идя по стопамъ своего учителя Китера, расширилъ область оперативнаго вмѣшательства. Красовскій сталъ дѣлать операціи, не пользуясь помощью хирурговъ, и этимъ доказалъ, что акушеръ и гинекологъ можетъ самъ производить всѣ операціи въ области его специальности. Раньше въ акушерскую клинику для операціи приглашали хирурга. Красовскій произвелъ много большихъ операцій, изъ нихъ введеніе оваріотоміи въ гинекологическую практику составляетъ важнѣйшую заслугу его. Раньше эту операцію производили исключительно хирурги.

НАПРАВЛЕНІЕ.

Красовскій написалъ много работъ, въ которыхъ изложены результаты произведенныхъ имъ операцій. Самымъ важнымъ его тру-

домъ слѣдуетъ признать «Курсъ практическаго акушерства». Два послѣднихъ выпуска носятъ заглавіе: «Оперативное акушерство» и составляютъ превосходное руководство, нашедшее очень много читателей. Подъ руководствомъ Красовскаго написано также немало работъ, имѣющихъ важное значеніе. Многія изъ нихъ появились въ видѣ диссертацій.

Недостаткомъ школы Красовскаго служило крайнее увлеченіе операціями. И это особенно сказывалось въ дѣятельности его учениковъ, не обладавшихъ опытностью и осторожностью ихъ учителя. Общее состояніе организма оказываетъ несомнѣнное вліяніе на теченіе патологическихъ процессовъ, и оно же даетъ тотъ или иной исходъ при оперативномъ вмѣшательствѣ. Множество другихъ условій вліяютъ на направленіе маточныхъ разстройствъ, и задачей гинеколога должно служить выясненіе этой связи матки со всѣми отправленіями тѣла съ цѣлью точнѣе выяснить время и характеръ необходимаго оперативнаго вмѣшательства. Вообще изученіе физіологической стороны болѣзней матки оставалось у Красовскаго на заднемъ планѣ.

Флоринскій.

Дѣятельнымъ помощникомъ Красовскаго явился Василій Марковичъ Флоринскій. Онъ началъ спеціально заниматься акушерствомъ, еще будучи студентомъ. Съ 1860 г. онъ ведетъ сначала часть теоретическаго преподаванія, а затѣмъ все преподаваніе кромѣ клиники. Въ 1868 г. онъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ, но клиники не получилъ и потому не имѣлъ мѣста для занятій и вообще для приложеній своихъ познаній. Въ 1869 г. русская партія представила его въ ординарные профессора, но нѣмцы воспрепятствовали этому. Когда въ 1873 г. открылась академическая клиника, полагали, что Красовскій, ужъ имѣющій госпитальную клинику, завѣдующій родовспомогательнымъ заведеніемъ и обремененный практикой, уступитъ новую клинику Флоринскому. Но Красовскій удержалъ ее за собой. Тогда Флоринскій оставилъ академію. Послѣ того онъ получилъ каѳедру въ казанскомъ университетѣ. Затѣмъ былъ назначенъ попечителемъ западно-сибирскаго учебнаго округа, принялъ горячее участіе въ основаніи томскаго технологическаго института. Оставилъ много почтенныхъ ученыхъ трудовъ.

По этому поводу считаемъ печальной необходимостью отмѣтить, что въ академіи инородецъ, попавъ на каѳедру, проводилъ, какъ могъ, ино-

родца же. Мяновскій провелъ Китера, Китеръ—Крассовскаго, Крассовскій не далъ хода Флоринскому, хотя высоко цѣнилъ его, зато особенно старался пристроить Карла Бредова и Хрщановича. Особенно въ этомъ направленіи онъ отличался въ родовспомогательномъ заведеніи, гдѣ ему, какъ директору, никто не могъ противодѣйствовать.

Кромѣ Флоринскаго помощниками Крассовскаго состояли И. Ф. Масловскій, П. И. Добрынинъ, Г. Е. Рейнъ и В. В. Сутугинъ.

Глазныя болѣзни.

Уставъ 1835 г. не предусматривалъ существованія отдѣльной кафедры глазныхъ болѣзней. Поэтому преподаваніе офталмологіи раздѣлено между двумя кафедрами: теоретическое изложеніе офталмологіи отнесено къ теоретической хирургіи, а глазная клиника соединена съ госпитальной хирургической клиникой. Въ послѣдней, слѣдовательно, существовало особое глазное отдѣленіе, которымъ долженъ былъ завѣдывать спеціалистъ и знакомить практически студентовъ съ офталмологіей. Въ этомъ отдѣленіи въ 1833 г. назначенъ ординаторомъ, а въ 1840 г. старшимъ врачомъ извѣстный окулистъ Кабатъ. Онъ славился, какъ опытный и счастливый окулистъ-операторъ. Какъ знатока своего дѣла, его командировали много разъ въ разныя мѣста государства при возникновеніи глазныхъ эпидемій въ войскахъ, иногда для ознакомленія врачей съ лѣченіемъ эпидемическихъ заболѣваній глазъ. Занимаясь практикой офталмологіи, Кабатъ не былъ чуждъ научному движенію. Онъ провѣрялъ нѣкоторые предлагавшіеся способы лѣченія и первый въ Россіи сталъ изучать и распространять офталмоскопированіе. Преподавая практическую офталмологію, онъ сознавалъ необходимость особой кафедры глазныхъ болѣзней и вмѣстѣ съ Дубовицкимъ много поработалъ для учрежденія ея. Наконецъ въ 1860 г. она была открыта. Офталмологическая клиника учреждена въ 1861 г. на 24 кровати, въ 1863 г. это число увеличено до 32.

Юнге.

Для занятія кафедры приглашенъ находившійся за границей воспитанникъ московскаго университета Эдуардъ Андреевичъ Юнге. Онъ пробылъ за границей три года, будучи посланъ московскимъ университетомъ для приготовленія къ занятію глазной кафедры. Занимаясь у знаменитаго Грефе, онъ такъ хорошо изучилъ офталмологію, что читалъ въ клиникѣ Грефе частный курсъ анатоміи глаза, а во время болѣзни ассистента руководилъ занятіями по офталмоскопіи. 10 сентября 1860 г. онъ одновременно былъ выбранъ экстраординар-

нымъ профессоромъ въ московскомъ университетѣ и ординарнымъ въ академіи. Предпочелъ Петербургъ. Въ академіи первое время Юнге много поработалъ для надлежащаго устройства клиники. Въ новой клиникѣ перебывало немало врачей, которые изучали офталмологію; нѣкоторые изъ нихъ написали научныя изслѣдованія. Лекціи офталмологіи Юнге читалъ четвертому (2 лекціи) и пятому (также 2) курсамъ. Кромѣ лекцій были организованы практическія упражненія въ офталмоскопированіи. Должность ассистента была учреждена въ 1867 г. Ее занялъ въ 1868 г. Тихомировъ.

Во второй половинѣ своей академической дѣятельности Юнге облѣнился, и его клиника оказалась довольно запущенной.

Въ уставѣ 1835 г. указано преподаваніе душевныхъ болѣзней. *Психіатрія.* За недостаткомъ кафедръ его отнесли къ обязанностямъ профессора клиники внутреннихъ болѣзней. Но такъ какъ профессоръ былъ очень занятъ, то онъ передавалъ эту отрасль медицины адъюнкту. Вотъ почему съ 1836 г. адъюнктъ Шипулинскій сдѣлался преподавателемъ психіатріи. Онъ читалъ ее четвертому курсу. Въ 1842 г. перемѣщенъ изъ Вильны Мяновскій, и ходатайство о немъ основывалось на необходимости отдѣльнаго преподаванія психіатріи одновременно съ клиническимъ наставленіемъ студентовъ въ практикѣ по части внутреннихъ болѣзней. Однако Мяновскій по пріѣздѣ отказался отъ психіатріи и перевелъ изъ Вильны адъюнктомъ для преподаванія этой спеціальности Генриха Казимировича Кулаковскаго. Онъ и читалъ на латинскомъ языкѣ по тетрадкамъ теоретическую часть психіатріи и то лишь съ 1848 г., когда Шипулинскій совершенно отказался отъ этого предмета. Чтобы найти такого преподавателя, какъ Кулаковскій, не надо было ѣхать въ Вильну, но таковъ ужъ обычай въ академіи: пользуясь русскимъ благодушіемъ, инородецъ попадалъ вмѣсто русскаго, а затѣмъ ужъ неизмѣнно проводилъ инородца же, въ ущербъ русскому. Клиники у Кулаковскаго не было, и студенты практически знакомились съ душевными болѣзнями при посѣщеніи клиникъ внутреннихъ болѣзней. Въ 1852 г. Кулаковскій перешелъ на кафедру фармакологіи, и преподаваніе психіатріи прекратилось. Въ 1857 г. конференція постановила ввести преподаваніе психіатріи въ качествѣ самостоятельной науки. Мяновскій для этой цѣли провелъ, конечно, инородца, именно адъюнкта, предназначавшагося для чтенія дѣтскихъ болѣзней,

Ивана Михайловича Балинскаго. Въ 1860 г. Балинскій избранъ ординарнымъ профессоромъ.

БАЛИНСКІЙ.

Хотя Балинскій, начиная преподаваніе, былъ плохо знакомъ съ психіатріей, однако онъ скоро освоился съ нею и быстро пріобрѣлъ славу талантливаго психіатра и краснорѣчиваго лектора. Теорія излагалась третьему курсу, клиническія лекціи читались пятому. Чтенія сопровождались демонстрированіемъ подходящихъ случаевъ. На клиническихъ лекціяхъ студенты предварительно разбирали больныхъ и затѣмъ профессоръ провѣрялъ ихъ діагнозъ. Балинскій читалъ увлекательно. На лекціяхъ у него въ переполненной аудиторіи присутствовало немало врачей, первое время приходилъ также президентъ Дубовицкій. Очень много труда Балинскій посвятилъ устройству клиники. Для этой цѣли онъ ѣздилъ въ 1859 г. за границу и осмотрѣлъ тамъ множество заведеній для душевнобольныхъ. По возвращеніи онъ составилъ проектъ устройства психіатрической клиники и пріюта для неизлѣчимыхъ душевнобольныхъ. Несмотря на то, что Дубовицкій горячо поддерживалъ его и торопилъ дѣло, клиника была открыта лишь въ 1867 г. Директоромъ ея назначенъ Балинскій, старшимъ врачомъ клиники Дюковъ, старшимъ врачомъ пріюта для умалишенныхъ—Щепетовъ. Послѣ этого важнаго событія въ академическомъ мірѣ Балинскій, какъ спеціалистъ по устройству домовъ для умалишенныхъ, часто приглашался для устройства подобныхъ учрежденій въ провинціи.

ШКОЛА.

Балинскій не написалъ ученыхъ изслѣдованій по своей спеціальности. Но подъ его руководствомъ помощниками и врачами, занимавшимися въ клиникѣ, обнародовано немало печатныхъ работъ. Въ теченіе ряда лѣтъ врачи, желавшіе изучить психіатрію, направлялись въ Петербургъ и занимались у Балинскаго. Такъ возникла русская школа психіатріи, основателемъ которой справедливо слѣдуетъ считать Балинскаго. Въ его клиникѣ между прочими работали: Кнохъ, Селинъ, Заварыкинъ, И. П. Лебедевъ, В. Н. Чеховъ, Черемшанскій, П. Н. Никифоровъ, Сикорскій и Фрей.

ИСТОРІЯ МЕДИЦИНЫ.

Необходимость преподаванія исторіи и энциклопедіи медицины сознавалась въ академіи постоянно. Ужъ при самомъ основаніи академіи мы встрѣчаемъ проекты программъ, заключающихъ эти предметы. Однако въ уставъ 1808 г. они не вошли, такъ какъ авторы его полагали возможнымъ обязать всѣхъ профессоровъ читать студен-

тамъ—историческій очеркъ каждой науки при ея систематическомъ изложеніи. При подобныхъ условіяхъ преподаваніе исторіи медицины даже по частямъ не имѣло мѣста, такъ какъ преподаватели обыкновенно не успѣвали изложить всего того, что составляетъ главный предметъ ихъ изложенія, а объ историческомъ очеркѣ, слѣдовательно, не могли и думать. Уставъ 1835 г. исправилъ объясненный пробѣлъ и ввелъ преподаваніе занимающихъ насъ наукъ. Однако тутъ встрѣтилось другое препятствіе. Для крупныхъ даже спеціальностей не находилось преподавателей, а для исторіи медицины еще меньше можно было ихъ ожидать. Оттого конференціи приходилось поручать чтеніе исторіи и энциклопедіи случайнымъ преподавателямъ, которые роняли вполнѣ эту часть преподаванія. Въ 1844 г. въ академію опредѣлился лекторомъ латинскаго языка докторъ Петръ Антоновичъ Стрѣлковскій. Онъ сдѣлался негласнымъ редакторомъ академическаго журнала. Ему и поручили лекціи исторіи и энциклопедіи медицины. Онъ читалъ четвертому курсу исторію, а первому энциклопедію медицины, на обоихъ курсахъ по одной лекціи въ недѣлю. Въ 1852 г. Стрѣлковскій уволился изъ военнаго вѣдомства. Онъ съ Тарасовымъ издалъ полевую фармакопею Вилліе, потомъ «Энциклопедическій медицинскій лексиконъ». Академія наукъ дала лестный отзывъ о послѣднемъ сочиненіи. Вообще Стрѣлковскій былъ разносторонне образованный врачъ, но исторіей медицины спеціально не занимался. Въ 1852 г. оба занимающіе насъ предметы поручены адъюнкту терапевтической клиники Степану Алексѣевичу Ивановскому. Онъ читалъ до 1857 г. и, какъ терапевтъ, считалъ порученное ему преподаваніе обузой для себя. Исторіей медицины онъ не занимался и читалъ ее по французскому сочиненію Реньяра. Послѣ Ивановскаго совсѣмъ не нашлось подходящихъ преподавателей. Въ 1858 г. поручили энциклопедію Загорскому, а исторію Вейсу, но они оба вскорѣ отказались отъ этихъ предметовъ. Въ 1861 г. преподаваніе послѣднихъ надолго прекратилось. Отсутствіе лицъ, знающихъ исторію медицины, въ составѣ конференціи давало себя знать при обсужденіи многихъ вопросовъ, въ которыхъ требовались историческія данныя. Оканчивающіе курсъ въ академіи не имѣли никакихъ свѣдѣній объ исторіи эпидемій и о прошломъ медицины, также были совершенно незнакомы съ философіей медицины.

ЭПИЗООТОЛОГІЯ.

Каѳедру эпизоотологіи и ветеринарной полиціи съ 1847 г. занималъ профессоръ Григорій Михайловичъ Прозоровъ. Онъ выслужилъ срокъ службы въ 1863 г., но за отсутствіемъ подходящаго преподавателя оставался въ должности до 1864 г. Онъ былъ знатокъ своего дѣла и оставилъ нѣсколько сочиненій, имѣвшихъ важное значеніе для ветеринаровъ. Кромѣ того къ пятидесятилѣтію академіи составилъ историческій обзоръ нашей школы «матеріалы для исторіи медико-хирургической академіи». Самые матеріалы разбиралъ Золотовскій. Прозоровъ отличался мягкостью характера и добротой. Онъ сдѣлалъ крупныя пожертвованія въ кассы: медицинскую, студенческую, академическую и въ общество русскихъ врачей Петербурга, а въ Павловскѣ основалъ богадѣльню и пріютъ для бѣдныхъ дѣтей.

ВЕТЕРИНАРНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

На ветеринарномъ отдѣленіи Прозоровъ читалъ зоогигіену, зоофармакологію, зоотерапію и судебную ветеринарію. Послѣ выхода его въ отставку Дубовицкій обратилъ вниманіе на крайне ограниченное число преподавателей на ветеринарномъ отдѣленіи и предложилъ конференціи, для болѣе равномѣрнаго распредѣленія преподаванія, вмѣсто одного ординарнаго и одного экстраординарнаго профессоровъ и двухъ адъюнктовъ имѣть, въ видѣ временной мѣры, трехъ экстраординарныхъ профессоровъ и одного или двухъ доцентовъ. Это предложеніе было принято. Послѣ того предметы раздѣлены между преподавателями довольно раціонально, какъ явствуетъ изъ приводимаго ниже обзора.

РАВИЧЪ.

Эпизоотологія въ 1864 г. поручена профессору Іосифу Ипполитовичу Равичу. Онъ читалъ ее медицинскимъ и ветеринарнымъ студентамъ. Въ 1862 г. на ветеринарномъ отдѣленіи преподавалъ зоогистологію, зоофизіологію, общую патологію и патологическую зоотомію. Онъ умеръ въ 1875 г. Равичъ, крещенный еврей, былъ выдающійся человѣкъ. Энергичный и настойчивый, онъ сумѣлъ привести къ благополучному исходу многіе вопросы, имѣющіе большое общественное значеніе. Такъ онъ разработалъ проектъ устройства ветеринарнаго института при академіи, провелъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію ветеринарной части въ Россіи, выработалъ планъ борьбы со скотскими падежами, въ различныхъ мѣстностяхъ боролся съ падежомъ скота, предложилъ проектъ устройства ветеринарнаго отдѣленія въ медицинскомъ департаментѣ и т. д. Обширна

была его научно-литературная дѣятельность. Онъ написалъ нѣсколько отдѣльныхъ сочиненій по своей специальности и множество статей въ медицинскихъ и ветеринарныхъ журналахъ, также въ журналахъ общаго содержанія и газетахъ. Редактировалъ журналъ «Архивъ ветеринарныхъ наукъ». Лекціи Равича отличались содержательностью и демонстративностью. Онъ показывалъ опыты на животныхъ, приготовлялъ микроскопическіе препараты и въ ветеринарной клиникѣ демонстрировалъ больныхъ животныхъ.

Съ 1869 г. онъ преподавалъ только эпизоотологію и общую зоотомію. Въ 1872 г. былъ назначенъ завѣдующимъ ветеринарнымъ отдѣленіемъ.

Съ 1847 г. завѣдующимъ ветеринарными клиниками и преподавателемъ оперативной зоохирургіи состоялъ адъюнктъ Егоръ Ивановичъ Шиттъ. Онъ поднялъ значеніе ветеринарныхъ клиникъ, слѣдствіемъ чего явилось значительное увеличеніе числа приводимыхъ больныхъ животныхъ. Опытный клиницистъ и искусный операторъ, занятый другими должностями, въ 1856 г. оставилъ академію. *Шиттъ.*

Послѣ выхода въ отставку Шитта чтеніе теоретической и оперативной хирургіи поручено въ 1856 г. Афиногену Лукичу Золотовскому. Онъ однако просилъ командировки за границу и первый изъ ветеринаровъ отправленъ въ чужіе края. Онъ написалъ нѣсколько статей, будучи профессоромъ, и началъ готовить большое руководство для студентовъ, но преждевременно скончался въ 1875 г. *Золотовскій.*

Послѣ Шитта завѣдываніе ветеринарными клиниками въ 1857 г. поручено Никитѣ Венедиктовичу Рожнову, который кромѣ того преподавалъ зоогигіену, зоодіэтетику, скотоводство, частную патологію, терапію и акушерство. Читая теорію очень основательно, онъ практически упражнялъ студентовъ въ клиникахъ, которыя при немъ были постоянно переполнены, также много животныхъ приводилось на амбулаторные пріемы. Рожновъ написалъ рядъ выдающихся работъ, обезпечившихъ ему извѣстность эксперта-спеціалиста. Въ качествѣ таковаго онъ исполнялъ множество порученій, дававшихся ему правительствомъ. Вышелъ въ отставку въ 1883 г. со званіемъ заслуженнаго профессора. *Рожновъ.*

Въ 1855 г. преподаваніе нормальной и патологической анатоміи домашнихъ животныхъ поручено адъюнкту и прозектору Адольфу *Стржедзинскій.*

Осиповичу Стржедзинскому. Онъ значительно улучшилъ преподаваніе только что названныхъ наукъ. Его лекціи были всегда демонстративны, такъ какъ онъ для нихъ пользовался животными, которыя для подобной цѣли пріобрѣтались. До того матеріаломъ служили лишь трупы животныхъ, павшихъ въ ветеринарныхъ клиникахъ. Онъ строго слѣдилъ за практическими занятіями студентовъ на трупахъ. Кромѣ анатоміи Стржедзинскій также преподавалъ общую патологію животныхъ и ветеринарную рецептуру. Изъ его печатныхъ трудовъ заслуживаетъ вниманія руководство къ анатоміи домашнихъ животныхъ. Въ 1874 г. перевелся ординарнымъ профессоромъ въ казанскій ветеринарный институтъ. Его замѣстилъ въ 1875 г. въ качествѣ прозектора Александръ Силычъ Измайловъ, состоявшій съ 1867 г. помощникомъ прозектора. Въ 1885 г. перевелся въ варшавскій ветеринарный институтъ помощникомъ директора и преподавателемъ. Написалъ нѣсколько сравнительно анатомическихъ изслѣдованій.

Измайловъ.

Лангенбахеръ.

Ученымъ кузнецомъ съ 1841 по 1883 г. состоялъ видный спеціалистъ, пріѣхавшій въ 1839 г. изъ Вѣны, Эдуардъ Ивановичъ Лангенбахеръ. Студентамъ третьяго курса онъ преподавалъ теорію ковки лошадей, а студентовъ четвертаго курса упражнялъ въ ковкѣ. Въ кузницѣ учащіеся занимались обрѣзываніемъ копытъ, приготовленіемъ подковъ и прикрѣпленіемъ ихъ къ копытамъ лошадей. Лекціи сопровождались демонстраціями препаратовъ, моделей и инструментовъ, находившихся въ кабинетѣ при кафедрѣ.

Съ цѣлью расширить преподаваніе на ветеринарномъ отдѣленіи и придать ему болѣе научный характеръ съ медицинской части были приглашены нѣкоторые преподаватели. Въ 1866 г. началъ преподаваніе зоофизіологіи адъюнктъ Заварыкинъ, съ 1869 г. читали: профессоръ Рудневъ—патологическую зоотомію и профессоръ Забѣлинъ фармакологію.

Мы исчерпали списокъ преподавателей. Даже при поверхностномъ знакомствѣ съ ихъ дѣятельностью видишь, какъ высоко поднялось преподаваніе при Дубовицкомъ. На кафедрахъ появились знатоки своего дѣла, занимавшіеся самостоятельными изслѣдованіями или руководившіе таковыми. При нѣкоторыхъ кафедрахъ возникли русскія школы

физіологіи, фармакологіи, офталмологіи и т. д. Въ аудиторіи и клиники стекались учиться не только студенты, но и врачи изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Въ университетахъ многія кафедры замѣщались по преимуществу академическими учеными.

Такой подъемъ преподаванія не могъ имѣть мѣста безъ улучшенія учебныхъ пособій. Не вливаютъ вино новое въ мѣха старые. Состояніе учебныхъ пособій до извѣстной степени опредѣляетъ и характеръ преподаванія, и возможность производства оригинальныхъ изслѣдованій. Какія же измѣненія къ лучшему мы встрѣчаемъ въ учебныхъ пособіяхъ за время Дубовицкаго? На этотъ вопросъ мы теперь отвѣтимъ.

ГЛАВА IV.

Учебныя пособія. Постройки.

Въ серединѣ прошлаго столѣтія зданія, принадлежащія академіи, размѣстились на большомъ пространствѣ. Слѣдовало ожидать, что они вслѣдствіе этого просторны и приспособлены для преподаванія или для лѣченія больныхъ. На самомъ дѣлѣ они производили прямо противоположное впечатлѣніе. Всѣ они были тѣсны, неудобны, нездоровы.

Чтобы поближе познакомиться, пройдемся по нимъ. На Пироговской набережной, гдѣ теперь клиническій госпиталь, также стояло большое каменное зданіе. Въ немъ выдѣлялась средняя часть, къ которой по обѣ стороны присоединялись, какъ и теперь, длинныя зданія-крылья. Въ концѣ каждаго крыла и перпендикулярно къ нимъ протягивались два длинныхъ госпитальныхъ зданія. Всѣ перечисленныя постройки составляли, какъ и въ настоящее время, букву П, среднею частью обращенную къ Невѣ. Это было главное мѣсто преподаванія и лѣченія. Другое большое каменное зданіе выходило лицомъ на Нижегородскую улицу и называлось главнымъ. Поодаль отъ него на той же улицѣ стояло ветеринарное отдѣленіе. Кромѣ этихъ трехъ большихъ построекъ было нѣсколько меньшихъ, разставленныхъ въ безпорядкѣ на всемъ пространствѣ между Нижегородской улицей и Сампсоніевскимъ проспектомъ до Ломанскаго переулка. Прежде чѣмъ говорить о нихъ подробно, вернемся на Пироговскую *ПЛАНЪ АКАДЕМІИ.*

набережную, войдемъ въ срединное зданіе и посмотримъ, что тамъ дѣлается.

ПОМѢЩЕНІЯ КЛИНИКЪ.

Средняя часть, оказывается, занята академическими кабинетами и аудиторіями (или, какъ тогда называли, театрами). Они же вмѣстѣ съ клиниками помѣщались въ обоихъ крыльяхъ. Если стать спиной къ Невѣ, то въ лѣвомъ крылѣ на верхнемъ этажѣ мы послѣдовательно встрѣчаемъ кабинеты: ботаническій, фармацевтическій, зоологическій и анатомическій. Анатомическій театръ, физическій и химическій кабинеты, также театры къ намъ, заполняли уже среднюю часть. Правое крыло до 1842 г. было занято терапевтической, позже хирургической клиникой. Въ нижнемъ этажѣ въ средней части мы встрѣчаемъ химическую лабораторію, отдѣленіе для приготовленія труповъ, кладовыя и проч. Въ правомъ крылѣ здѣсь раньше находилась акушерская, потомъ хирургическая клиника, въ лѣвомъ—сначала терапевтическая, потомъ хирургическая клиника. Большой придатокъ къ лѣвому крылу представлялъ первый каменный больничный корпусъ. Въ немъ помѣщалась, какъ и теперь, церковь; верхній этажъ занимала съ одной стороны терапевтическая госпитальная клиника, а противъ нея отдѣленіе сифилитиковъ; въ нижнемъ помѣстились двѣ также терапевтическія клиники. Другой придатокъ, уже къ правому крылу, вмѣщалъ корпусъ для больныхъ арестантовъ, позже женское отдѣленіе.

СЛУЖБЫ.

Непосредственно позади центральной части госпиталя во дворѣ поставили анатомическій институтъ, а около него три флигеля для мацераціи труповъ. Тутъ же рядомъ находились: покойницкая, помойныя ямы и отхожее мѣсто. Въ пріятномъ сосѣдствѣ съ ними была аптека, а нѣсколько позади—кухня и еще дальше назадъ — контора госпиталя и цейхгаузъ.

БАРАКИ.

Изъ двора по срединной аллеѣ, пересѣкающей нынѣшнюю Клиническую улицу, путникъ могъ выйти на Самарскую (нынѣ Боткинскую) улицу. Тамъ противъ себя вправо онъ увидѣлъ бы четыре деревянныхъ домика, стоящихъ и понынѣ и отведенныхъ подъ квартиры чиновниковъ, а влѣво, на углу Сампсоніевскаго проспекта, опять небольшой домъ, назначенный для главнаго доктора. Перейдя улицу, нашъ путникъ вступилъ бы въ обширный четыреугольникъ, расположенный съ одной стороны между Нижегородской улицей и

Самисоніевскимъ проспектомъ, съ другой—между Самарской улицей и Ломанскимъ переулкомъ и Нюстадтской улицей. Здѣсь помѣщались лѣтніе бараки для больныхъ, кромѣ того семь больничныхъ корпусовъ и одинъ офицерскій; въ нихъ содержались больные постоянно. Два изъ нихъ выходили на Ломанскій переулокъ.

Всѣ перечисленныя зданія построены давно и потому пришли въ ветхость. Зданіе для учебныхъ театровъ и кабинетовъ возведено въ 1808 г., крылья его—въ 1804 г., помѣщеніе терапевтическихъ клиникъ въ 1735 г., остальныя госпитальныя строенія—между 1804 и 1809 гг. Неудивительно, что всѣ постройки имѣли множество недостатковъ. Также содержаніе больныхъ было крайне плохое.

Состояніе академическихъ и госпитальныхъ зданій въ сороковыхъ годахъ возмущало Пирогова и заставляло вести непрерывную войну съ главнымъ врачомъ госпиталя. Въ огромныя палаты (на 60—100 больныхъ), также во всѣ кабинеты въ центральномъ корпусѣ, выходящемъ на Неву, воздухъ поступалъ изъ длиннаго коридора, а въ послѣдній—изъ ретирадниковъ. Оттого въ кабинетахъ, театрахъ и клиникахъ воздухъ оказывался пропитаннымъ зловоніями. Палаты, находящіяся въ баракахъ, имѣли нѣсколько лучшій воздухъ, но сырость здѣсь не переводилась, грязь въ нихъ не удалялась. Когда потолки и стѣны въ нихъ окончательно прогнивали, такъ что вода во время дождя текла на больныхъ и самое зданіе грозило паденіемъ, тогда только его обрекали на сломъ. Для операціонныхъ палатъ не находилось ни одного, хотя бы плохого помѣщенія. Тряпки подъ припарки и компрессы переносились фельдшерами отъ одного больного къ другому. Лѣкарства представляли невозможную смѣсь: вмѣсто хинной коры отпускали бычачью желчь, вмѣсто рыбьяго жира — какое то масло. Съѣстные припасы также не отличались доброкачественностью. «Воровство,—говоритъ Пироговъ [1],—было не ночное, а дневное». Госпитальная администрація продавала подержанные и снятые съ ранъ корпію, повязки, компрессы и проч. и для этого складывала вонючія тряпки, снятыя съ ранъ, въ особыя камеры, расположенныя возлѣ палатъ съ больными. *Госпитальные ужасы.*

Президентъ Шлегель боролся съ разбойничьими порядками, уста- *Реформы Шлегеля*

[1]) Пироговъ. Вопросы жизни. Стр. 582.

новившимися въ госпиталѣ, по долгое время всѣ труды его пропадали даромъ. Дѣло въ томъ, что госпитальная администрація смотрѣла на академическое начальство, какъ на гостей и притомъ гостей назойливыхъ, безпокойныхъ. Профессора числились старшими ординаторами госпиталя и находились въ подчиненіи главному врачу, который не состоялъ въ зависимости отъ академіи. Понятно, что онъ считалъ себя въ госпиталѣ стоящимъ выше президента и не желалъ слушать его совѣтовъ и убѣжденій. Вотъ отчего Шлегель хлопоталъ о подчиненіи госпиталя академическому начальству и, наконецъ, добился такого исхода. Въ 1846 г. госпиталь переданъ академіи въ видѣ опыта на три года. Президенту академіи поручалось наблюденіе за порядками въ госпиталѣ; главный докторъ, помощники и ординаторы стали подъ власть президента, имъ назначались и увольнялись. Хозяйственная часть передана правленію академіи. Лишь въ 1849 г. состоялось окончательное присоединеніе госпиталя. Тогда же переданъ академіи и морской госпиталь, зданія котораго примыкали къ клиническимъ, именно были расположены съ одной стороны около бараковъ, а съ другой—составляли продолженіе праваго крыла зданія на набережной. Тогда только порядки стали мѣняться къ лучшему. Явилось даже предположеніе построить совершенно новыя зданія со всѣми необходимыми приспособленіями. Къ сожалѣнію, къ тому времени, когда необходимо было осуществить этотъ проектъ, Шлегеля уже не было въ живыхъ, а смѣнившій его Пеликанъ не интересовался ничѣмъ, кромѣ собственной персоны. Оттого то въ январѣ 1850 г. было рѣшено возвести три каменныхъ строенія на 650 человѣкъ, а въ августѣ того же года получено распоряженіе «не увеличивать госпиталь возведеніемъ новыхъ зданій». Въ сентябрѣ 1850 г. разрѣшена сумма для постройки пяти каменныхъ корпусовъ и для другихъ улучшеній, а въ 1851 г. повелѣно: «работъ по устройству каменныхъ зданій для госпиталя не начинать».

Повтореніе безпорядковъ.

По смерти Шлегеля любители хищеній снова подняли голову и пробовали вернуть госпиталь къ порядкамъ сороковыхъ годовъ. Старшій врачъ госпиталя профессоръ Нелюбинъ, добившійся улучшенія госпиталя, вышелъ въ отставку въ 1853 г. Его смѣнилъ Поповъ, доведшій госпиталь до крайняго упадка. Когда военный министръ посѣтилъ госпиталь, онъ нашелъ его (въ іюлѣ 1856 г.) въ плачевномъ

положенія. Въ палатахъ не проводилось должное раздѣленіе больныхъ, лихорадочные, тифозные и хирургическіе лежали въ одной и той же палатѣ. Поповъ оправдывался тѣмъ, что при такомъ безпорядкѣ уравнивается воздухъ! Пріемная комната для больныхъ и ванныя грязны; ванны занимали комнату, гдѣ прежде были отхожія мѣста; сырость и сквозной вѣтеръ подвергали больныхъ опасности простуды. Лѣтнія помѣщенія больныхъ находились въ жалкомъ состояніи: полы въ нихъ сгнили и мѣстами провалились. Въ баняхъ печи были покрыты трещинами и грозили пожаромъ.

Для болѣе подробнаго осмотра министръ послалъ состоявшаго при немъ доктора Гольмера. Онъ отмѣтилъ еще и другія безобразія. Арестантское отдѣленіе найдено въ очень печальномъ состояніи: палаты грязны; мясо дурного качества, при чемъ, чтобы заглушить запахъ, его вымачивали въ уксусѣ; молоко снятое, квасъ недоброкачественный и проч. Дурно содержались и другія отдѣленія. Больные курили въ палатахъ. Ни въ одной палатѣ не оказалось стѣнного термометра. Ванныя комнаты грязны. Почти всѣ зданія настоятельно требовали ремонта.

Министръ назначилъ послѣ этого для ревизіи главнаго врача Симферопольскаго госпиталя Алышевскаго и д. ст. сов. Гинтера. И они удостовѣрили плохое содержаніе госпиталя. Тогда министръ постановилъ отрѣшить отъ должности смотрителя, сдѣлать строгій выговоръ завѣдующимъ хозяйствомъ и медицинской частью. Врачамъ сдѣлать выговоръ за измѣненіе и неимѣніе надписей на доскахъ у кроватей, главному доктору замѣчаніе за разнородное помѣщеніе больныхъ. Кромѣ того министръ выразилъ неудовольствіе президенту за слабый надзоръ за госпиталемъ и предложилъ военному департаменту принять строгія мѣры къ искорененію безпорядковъ. Тогда же приказано генералу Фельдману осмотрѣть госпиталь съ инженерами для производства необходимаго ремонта. Вскорѣ послѣ этого Пеликанъ вышелъ въ отставку, за нимъ послѣдовалъ его помощникъ Бальбіани. РЕВИЗІЯ.

Сказанное о порядкахъ въ госпиталѣ знакомитъ насъ съ обстановкой, въ которой велось преподаваніе. Поражала крайняя тѣснота въ кабинетахъ. Приборы и другія вещи не могли быть разложены въ порядкѣ. На содержаніе кабинетовъ отпускались гроши. Понятно, производство различныхъ изслѣдованій, особенно сопряженныхъ съ ОБСТАНОВКА ПРЕПОДАВАНІЯ.

расходами, совершенно исключалось. Въ клиникахъ, за неимѣніемъ особыхъ аудиторій, лекціи читались у кровати больныхъ, и въ переполненныхъ студентами и больными палатахъ воздухъ сильно портился. Вечеромъ зажигали масляныя лампы, которыя давали тусклое освѣщеніе и еще больше портили воздухъ. Занятія при подобныхъ условіяхъ представляли крайнія трудности.

Анатомическій институтъ.

Анатомическій институтъ построенъ въ 1846 г. И здѣсь зданіе, несмотря на то, что построено недавно, имѣло много недостатковъ. Какъ мы уже говорили, оно находилось во дворѣ около аптеки и кухни и было деревянное. Зловоніе изъ него заносилось и въ кухню, и въ клиники. Въ препаровочной залѣ кровь и другія жидкости прямо со столовъ стекали на полъ и оттуда въ подполье. Двѣ желѣзныя печи согрѣвали залу, вокругъ нихъ клали мерзлые трупы для оттаиванія. Во время занятій студенты и врачи усиленно курили, а масляныя лампы усиленно коптили, и въ результатѣ получалась невозможная атмосфера. Освѣщеніе было такъ тускло, что профессоръ и прозектора жгли свои сальныя свѣчи. Трупъ нельзя было оставить въ залѣ. Къ утру онъ оказывался объѣденъ крысами. Ихъ развелось очень много, и онѣ выглядывали изъ норъ даже днемъ. Для защиты отъ нихъ препараты складывали въ большой желѣзный сундукъ. Запасные трупы складывались на чердакѣ на доскахъ, а послѣднія привѣшивались веревками къ балкамъ. Въ сосѣднихъ съ препаровочной залахъ занимались профессоръ и его помощники. Около анатомическаго института находилось три одноэтажныхъ деревянныхъ зданія для храненія мелкихъ животныхъ, для мацераціи костей и для храненія покойниковъ до отпѣванія. Мацерація вызывалась гніеніемъ труповъ въ кадкахъ, наполненныхъ водою. Зловоніе при этомъ оказывалось сильное. Вся вонючая жидкость сливалась въ ямы, бывшія подъ поломъ, и, конечно, отравляла почву.

Мѣстность.

Вообще всякаго рода отбросы выбрасывались прямо на землю около госпитальныхъ зданій. Оттого почва до крайности загрязнялась. Гніющіе пруды, ямы и рвы со всякими нечистотами, огороды съ удобреніями отравляли воздухъ. Вообще мѣстность вокругъ госпиталя была болотистая и нездоровая.

Роль Дубовицкаго.

Когда Дубовицкій смѣнилъ Пеликана, онъ получилъ незавидное наслѣдство. Вся обстановка преподаванія оказывалась до крайности

плоха. Требовалось передѣлать все. При подобныхъ условіяхъ у любого реформатора опустились бы руки. Но Дубовицкій не унывалъ. Благодаря его настояніямъ министерство немедленно приступило къ производству необходимыхъ улучшеній.

Естественно-истор. институтъ.

Дубовицкій и Зининъ желали поставить преподаваніе естественныхъ наукъ на надлежащую высоту. Для этого явилась необходимость снабдить старыя и вновь учрежденныя каѳедры надлежащими приборами и препаратами. Во всякомъ случаѣ оставлять кабинеты въ госпиталѣ значило обрекать ихъ на жалкое прозябаніе. Поэтому Дубовицкій остановился на мысли построить особое зданіе для естественно научнаго института. Когда это предположеніе было одобрено министромъ, особая комиссія во главѣ съ Зининымъ разработала подробный планъ зданія. Зининъ кромѣ того ѣздилъ за границу для осмотра лучшихъ учрежденій, гдѣ преподаются естественныя науки, и составилъ подробный проектъ оборудованія предполагавшагося сооруженія. Въ мелочахъ ему помогалъ адъюнктъ Кондратьевъ. Въ 1858 г. исходатайствована сумма для постройки зданія, обошедшагося въ 220.000 рублей. 13 октября 1863 г. торжественно открытъ естественно-историческій институтъ. Помѣщался онъ въ красномъ каменномъ зданіи на набережной Невы, противъ Литейнаго моста. На устройство различныхъ приспособленій исходатайствовано единовременно 45.000 рублей и кромѣ того на содержаніе его опредѣлена ежегодная сумма въ 2.000 рублей.

Размѣщеніе каѳедръ.

Въ новомъ зданіи въ нижнемъ этажѣ помѣщались лабораторіи. Изъ нихъ особенно хорошо устроили химическую. Она разсчитана на большое число работающихъ и была снабжена всѣми необходимыми приспособленіями. Хорошія освѣщеніе, вентиляція и отопленіе рѣзко отличали ее отъ старыхъ лабораторій. Около нея находились кабинеты профессоровъ и адъюнкта. Рядомъ съ химической помѣстились и аналитическая и большая фармацевтическая лабораторіи, а около нихъ вѣсовая комната. Въ студенческой лабораторіи могли работать одновременно 30 человѣкъ. И ее снабдили всѣмъ необходимымъ. Здѣсь между прочимъ обращалъ на себя вниманіе большой паровой котелъ для дистиллированной воды, также аппараты для выпариванія и высушиванія. Сосѣдомъ не особенно пріятнымъ являлся кабинетъ зоологіи и сравни-

тельной анатоміи, также относящійся къ нему образцовый музей естественной исторіи. Этотъ музей приведенъ въ порядокъ знаменитымъ устроителемъ зоологическаго музея академіи наукъ профессоромъ Ф. Ф. Брандтомъ. Онъ же обогатилъ музей множествомъ чучелъ и другихъ предметовъ, переданныхъ изъ академіи наукъ. Кромѣ того имъ куплено или получено въ видѣ пожертвованій немало предметовъ и цѣлыхъ коллекцій. Между прочимъ, онъ пріобрѣлъ чучело и скелетъ слона. Какъ только кафедра устроилась на новомъ мѣстѣ, на нее стали жаловаться сосѣди, обвиняя въ распространеніи зловонія. Пришлось выселить ее изъ зданія въ 1870 г. Оставшееся незанятымъ кабинетами мѣсто отошло подъ квартиры адъюнктовъ химіи и фармаціи, а въ теченіе нѣкотораго времени и консерватора зоологіи. Минералогическій кабинетъ сначала занималъ небольшую комнату по переднему фасаду въ верхнемъ этажѣ. Когда зоологическіе кабинетъ и музей вывели, то минералогическій кабинетъ занялъ большой залъ въ лѣвой половинѣ передняго фасада. Въ залѣ вдоль стѣнъ разставлены въ спеціально заказанныхъ шкафахъ подъ стеклами коллекціи. Въ нижней части вдоль стѣны размѣщены шкапы съ инструментами и препаратами для производства лабораторныхъ изслѣдованій. Большое собраніе ископаемыхъ обогатилась въ 1861 г. коллекціей доктора Базилевича, собранной въ теченіе 12 лѣтъ во время путешествія по Китаю и Японіи, въ 1864 г.—большой коллекціей Сидорова, въ 1865 г.—коллекціей Титовой и въ 1867 г. коллекціей профессора Горянинова. Получилось къ концу шестидесятыхъ годовъ очень богатое собраніе предметовъ изъ области минералогіи, геологіи и палеонтологіи. Наверху же въ зданіи, кромѣ фармацевтическаго и химическаго кабинетовъ, расположился физическій. Конференція признала «необходимость привести физическій кабинетъ въ такое состояніе, чтобы онъ могъ быть дѣйствительно полезнымъ пособіемъ при преподаваніи физики въ настоящемъ ея состояніи и въ томъ объемѣ, въ которомъ знаніе оной необходимо для врача, и положила просить о дозволеніи употребить 5.000 рублей изъ суммъ, собираемыхъ за слушаніе лекцій, на пріобрѣтеніе приборовъ». Ходатайство въ 1858 г. удовлетворено и находившійся за границею Хлѣбниковъ заказалъ немало приборовъ, обогатившихъ кабинетъ. Въ 1862 г. и нѣсколько разъ позже Хлѣбниковъ уѣзжалъ за границу для пріобрѣтенія новыхъ

приборовъ. Между прочимъ онъ собралъ всѣ принадлежности для фотографированія и устроилъ фотографическій павильонъ, въ которомъ занимались студенты и врачи. Также привезены изъ-за границы таблицы, облегчающія преподаваніе, проэкціонные аппараты. Благодаря постояннымъ заботамъ Хлѣбникова объ увеличеніи содержимаго кабинета, пріобрѣтенные приборы давали возможность прекрасно обставить преподаваніе физики. Теперь каждый важный опытъ продѣлывался на глазахъ студентовъ, всѣ необходимые приборы приносились на лекціи. Въ 1865 г. для починки приборовъ и устройства нѣкоторыхъ новыхъ нанятъ физико-механикъ Г. К. Соловьевъ. Во второмъ же этажѣ помѣстились двѣ большія аудиторіи; одна для физики, другая для химіи, фармаціи и минералогіи.

Фармакологическая лабораторія.

Въ пространствѣ между естественно-историческимъ зданіемъ и госпиталемъ помѣстилась фармакологическая лабораторія. Въ подвальномъ этажѣ устроены помѣщенія для животныхъ, предназначенныхъ для опытовъ. И эта лабораторія обогатилась, подобно другимъ, приборами, позволявшими вести демонстративное преподаваніе и производить опытныя изслѣдованія.

Такъ постройка новаго зданія и надлежащее оборудованіе его обезпечили нѣсколькимъ кафедрамъ подъемъ преподаванія и обогащеніе науки опытными изслѣдованіями.

Анатомическій институтъ.

Анатомическій институтъ нѣкоторое время пребывалъ въ прежнемъ ужасномъ положеніи. Зданіе съ каждымъ годомъ приходило въ крайнюю степень ветхости. Дубовицкій не могъ оставить безъ вниманія такой важный институтъ и съ 1859 г. принялся хлопотать о постройкѣ особаго зданія для кафедръ, имѣющихъ матеріаломъ трупы, и для физіологіи. Конференція избрала комиссію, которая мѣстомъ постройки облюбовала ветеринарный лугъ на Нижегородской улицѣ. Военный министръ согласился съ мнѣніемъ конференціи о необходимости возведенія новаго анатомическаго зданія и выразилъ желаніе, чтобы «постройка была начата весною 1860 г. и окончена въ скорѣйшемъ времени». Однако дѣло двигалось не особенно быстро. Объявили конкурсъ для всѣхъ, желающихъ представить архитектурные проекты; затѣмъ долго изучали присланные чертежи зданія и наконецъ въ 1862 г. остановились на одномъ проектѣ. Но министръ предоставилъ постройку академику Соколову, при чемъ освободилъ его отъ необхо-

димости во всемъ слѣдовать одобренному конференціей проекту. Зданіе было готово вчернѣ въ 1867 г., но окончательная отдѣлка его затянулась до 1871 г. Въ него перемѣстили кабинеты анатомическій, физіологическій, судебной медицины, оперативной хирургіи, зоологіи и сравнительной анатоміи; позже—кабинеты экспериментальной патологіи и эпизоотологіи. При перевозкѣ зоологическаго музея явилось затрудненіе: чучело и скелетъ громаднаго слона были собраны и поставлены въ химическомъ зданіи и вынесть ихъ не представлялось возможнымъ. Пришлось разобрать стѣну химическаго зданія, послѣ чего названные предметы помѣстили въ парадномъ входѣ анатомическаго зданія.

Ботаническій кабинетъ.

Для помѣщенія вновь учрежденной кафедры ботаники построено особое каменное зданіе въ академическомъ саду. Въ этомъ зданіи удобно размѣстились: большая аудиторія, кабинетъ, лабораторія и оранжереи. Отнынѣ явилась возможность практически заниматься ботаникой и производить самостоятельныя изслѣдованія. Освященіе новаго зданія состоялось 6 января 1866 г. Для кабинета пріобрѣтены покупкой или пожертвованы (главнымъ образомъ профессоромъ Мерклинымъ) гербаріи, коллекціи растеній, также микроскопическіе препараты.

Физіологическій кабинетъ.

Также прилично обставленъ вновь устроенный физіологическій кабинетъ. На покупку приборовъ и инструментовъ израсходовано около 3.500 рублей. Нѣкоторые приборы Сѣченовъ привезъ съ собою изъ-за границы при опредѣленіи на службу въ академію, но большинство предметовъ пріобрѣтено покупкой въ Петербургѣ или за границей. Имущество кабинета позволяло вести демонстративные курсы гистологіи, эмбріологіи и физіологіи. Кромѣ предметовъ, необходимыхъ при чтеніи лекцій, мы встрѣчаемъ пособія, требуемыя при самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ, напр., микроскопы, калориметръ, кимографъ и проч. Конечно, Сѣченовъ ежегодно пополнялъ кабинетъ и значительно расширилъ бы, если бы не закапризничалъ и не ушелъ изъ академіи.

Фармацевтическій кабинетъ.

Какъ указано выше, химическая и фармацевтическая лабораторіи помѣщались рядомъ въ естественно-историческомъ зданіи. Устройство ихъ въ общемъ оказалось одинаково, но химическая лабораторія отличалась большими размѣрами. По срединѣ фармацевтической стояло три

большихъ стола и два такихъ же у оконъ. Къ столамъ проведены газъ и вода. На столахъ и подъ ними—шкафчики съ реактивами и посудой. Большой паровой аппаратъ изъ красной мѣди, помѣщавшійся у внутренней стѣны, снабжалъ паромъ четыре выпаривательныхъ чашки, перколаторъ, три куба съ холодильниками и вакуумъ аппаратъ. У другой стѣны находился большой шкафъ, въ который тяга воздуха увлекала вредные пары. Въ особой вѣсовой комнатѣ поставлена печь со шкафами для высушиванія и кромѣ того помѣщено пять химическихъ вѣсовъ. Всѣ эти приспособленія обошлись не дешево. Оборудованіе химической и фармацевтической лабораторій стоило нѣсколько тысячъ рублей, изъ нихъ на одну фармацевтическую израсходовано около двухъ тысячъ. Зато въ академіи созданы условія для всесторонняго изученія химіи и фармаціи.

Судебно-медицинскія вскрытія производились въ препаровочномъ залѣ анатомическаго театра. Мы уже видѣли, какова была здѣсь обстановка. Всѣ помѣщенія здѣсь переполнялись трупами, учащимися и врачами. Практическія занятія токсикологіей происходили въ деревянномъ же флигелѣ и въ томъ же залѣ, гдѣ велись занятія гистологіей и патологической анатоміей. Здѣсь атмосфера оказывалась прямо убійственной, благодаря разложенію труповъ. Стѣны и потолки прогнили. Температура внутри помѣщенія была не выше наружной, а когда топили печь, то вонь дѣлалась нестерпимой. Въ такой невозможной обстановкѣ занимающіеся проводили дни, а иногда и ночи. Отдѣленіе для осмотра больныхъ въ госпиталѣ состояло изъ двухъ комнатъ съ кроватями, но безъ мебели. И осматриваемые, и члены комиссіи, осматривавшей раненыхъ и другихъ больныхъ, не могли присѣсть и все время стояли. Имущество кафедры было очень скудное. Пеликанъ прикупилъ нѣсколько предметовъ, необходимыхъ при веденіи курса, но наибольшее число пріобрѣтеній сдѣлано Чистовичемъ. Въ 1868 г. ему отпущено на нужды кабинета 600 рублей, что дало возможность обставить кабинетъ довольно прилично. Для госпитальнаго отдѣленія въ 1859 г. доставлено изъ-за границы нѣсколько инструментовъ для изслѣдованія больныхъ, также ординаторскій и фельдшерскій наборы. Въ общемъ обстановка кабинета заставляла желать лучшаго. *Суд.-медиц. кабинетъ.*

Кафедра общей патологіи, діагностики и общей терапіи до Бес- *Кабинетъ патологіи.*

сера не имѣла собственной клиники; но Здекауеръ пользовался госпитальнымъ матеріаломъ для преподаванія, такъ какъ имѣлъ адъюнктомъ Бессера, завѣдывавшаго терапевтическимъ отдѣленіемъ. Когда Здекауеръ перешелъ на другую кафедру, Бессеръ, занявшій его мѣсто, присоединилъ свое отдѣленіе къ кафедрѣ. Благодаря Здекауеру при кафедрѣ основанъ кабинетъ, въ которомъ производились микроскопическія, химическія и физіологическія изслѣдованія. На пріобрѣтеніе необходимыхъ вещей для клиники и лабораторіи Государь соизволилъ въ 1861 г. отпустить 825 рублей изъ экономическаго капитала военнаго министерства. Послѣ этого кабинетъ обставился довольно хорошо, что обезпечило производство различнаго рода ученыхъ изслѣдованій. Къ сожалѣнію, Бессеръ запустилъ и клинику, и кабинетъ, чѣмъ создалъ препятствія для ученой дѣятельности кафедры.

Клиническія отдѣленія.

Положеніе всѣхъ теоретическихъ кафедръ при Дубовицкомъ значительно улучшилось. Не менѣе плодотворна оказалась дѣятельность Дубовицкаго въ области клиническаго преподаванія. Второй военно-сухопутный госпиталь представлялъ картину полнаго запустѣнія, и Дубовицкому пришлось много поработать съ цѣлью приспособить громадную военную больницу для нуждъ академіи. На первомъ же году своего президентства Дубовицкій, «желая устранить замѣченные въ госпиталѣ безпорядки, поставить на должную высоту врачеваніе больныхъ, поддержать строгую отчетность и на дѣлѣ доказать пользу присоединенія госпиталя къ академіи»,—раздѣлилъ госпиталь по родамъ болѣзни на тринадцать отдѣленій. Завѣдываніе каждымъ отдѣленіемъ поручено профессору или адъюнкту, состоящему на госпитальной службѣ. Ему предоставлены всѣ права и обязанности, какія обыкновенно принадлежатъ клиническому профессору. На обязанности послѣдняго осталась вся собственно врачебная часть ввѣреннаго ему отдѣленія. Съ этой цѣлью ему подчинены тѣ ординаторы, которые назначены въ каждое госпитальное отдѣленіе. Профессора или адъюнкты, завѣдующіе госпитальными отдѣленіями, оставлены безсмѣнно въ своихъ участкахъ; что же касается ординаторовъ, то имъ предоставлено мѣнять отдѣленія по истеченіи извѣстнаго срока, по своему собственному желанію или по указанію профессора. Завѣдующіе отдѣленіями должны были посѣщать послѣднія ежедневно, осматривать

больныхъ, руководить ординаторовъ въ лѣченіи, осматривать скорбные листы, рецепты, порціонныя требованія и скрѣплять своею подписью рецепты и прочіе документы. Отъ всѣхъ остальныхъ обязанностей по госпиталю они были освобождены. Ординаторамъ поручено не только лѣченіе больныхъ, но также надзоръ за содержаніемъ больныхъ и за всей вообще хозяйственной стороной клиники.

Гражданскіе больные.

Итакъ, госпиталь раздѣлили на отдѣльныя клиники, за надлежащее состояніе которыхъ сдѣланы отвѣтственными профессора. Нечего и говорить, что новые порядки оказались очень полезными. Профессора теперь являлись полными хозяевами своихъ отдѣленій, а не случайными гостями, зависящими отъ главнаго доктора. Всего помѣщалось въ госпиталѣ около 1.300 больныхъ, представлявшихъ большой матеріалъ для наблюденій. Однако Дубовицкій желалъ предоставить учащимся еще больше случаевъ изучать болѣзни и въ 1859 г. исходатайствовалъ Высочайшее соизволеніе помѣщать въ госпиталь на свободныя кровати сто человѣкъ гражданскихъ больныхъ, въ томъ числѣ пятнадцать офицерскаго званія съ замѣчательными болѣзнями, «для лучшаго практическаго образованія воспитанниковъ академіи». Издержки отнесены на счетъ комиссаріата. Такъ какъ раньше принималось уже 75 подобныхъ больныхъ, то всего разрѣшено допускать 175 гражданскихъ больныхъ. Выборъ ихъ всецѣло предоставлялся профессорамъ, завѣдующимъ отдѣленіями. Сверхъ того разрѣшенъ пріемъ 400 больныхъ за плату, меньшую, чѣмъ въ остальныхъ больницахъ. Понятно, всѣ эти мѣры обезпечивали снабженіе госпиталя больными, страдающими разнообразнѣйшими болѣзнями.

Пересмотръ лѣкарствъ.

Лѣкарства въ госпиталѣ изготовлялись по старому каталогу, сильно устарѣвшему. Многія средства, наиболѣе употребительныя и не замѣнимыя никакими другими, въ него не вошли. Оттого учащіеся были лишены возможности изучать дѣйствіе множества новыхъ лѣкарствъ, зато знакомились со старыми, которыя забракованы ученой медициной, какъ ненужныя. По предложенію Дубовицкаго конференція назначила комиссію для пересмотра каталога медикаментовъ. Эта работа выполнена въ теченіе двухъ лѣтъ и въ 1860 г. утвержденъ новый, совершенно передѣланный каталогъ, содержавшій всѣ новѣйшія и употребительнѣйшія средства, установлена научная номенклатура и опредѣлены способы учета лѣкарствъ не по среднему

числу больныхъ, но по дѣйствительному расходу. Къ тому же времени преобразована аптека такимъ образомъ, что она сдѣлалась практической школой для фармацевтовъ и поставлена подъ надзоръ профессора фармаціи.

Амбулаторные пріемы.

Изложенныя выше мѣры высоко подняли значеніе клиникъ. Однако оставалась неосуществленной еще одна. Она могла привлечь большое число больныхъ, часть которыхъ оставлялась бы въ клиникѣ болѣе продолжительное время, если бы болѣзнь представляла клиническій интересъ. Мы имѣемъ въ виду амбулаторные пріемы больныхъ. По предложенію Дубовицкаго конференція выработала условія пріема приходящихъ больныхъ, при чемъ было установлено, что больныхъ будетъ разбирать профессоръ съ ординаторами въ присутствіи студентовъ. Военный министръ «одобрилъ съ благодарностью» эту мѣру въ 1859 г., но офиціально пріемы больныхъ начаты съ 1860 г. Ужъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ клиники сдѣлались наиболѣе посѣщаемыми мѣстами, куда стекались страждущіе, живущіе не только въ Петербургѣ, но и внѣ его.

Дежурства студентовъ.

Въ 1857 г. введены дежурства студентовъ 5 курса въ клиникахъ. Постановлено назначать ежедневно четырехъ студентовъ для ознакомленія съ обязанностями врача въ двухъ госпитальныхъ терапевтическихъ отдѣленіяхъ, въ хирургической и акушерской клиникахъ, кромѣ того двухъ студентовъ для терапевтической и хирургической академическихъ клиникъ. Подобныя дежурства выполнялись весьма неохотно студентами и особенной пользы имъ не приносили. Съ теченіемъ времени они постепенно сами собою были упразднены.

Пища больныхъ.

На пищу больныхъ профессора обращали вниманіе, справедливо полагая, что подходящая діэта въ значительной степени способствуетъ выздоровленію. Однако здѣсь они наталкивались на непреодолимыя трудности. Больнымъ выдавалась пища по табели, остававшейся неизмѣнной въ теченіе многихъ лѣтъ. На госпитальныя средства готовилась очень однообразная пища, между тѣмъ какъ состояніе больныхъ требовало большихъ варіацій. Вотъ почему нѣкоторые профессора кормили трудныхъ больныхъ изъ своихъ личныхъ средствъ. Мѣра, которая, конечно, не могла найти многихъ подражателей.

Клиники были открыты лишь въ теченіе учебнаго года. Лѣтомъ, по окончаніи занятій въ клиникахъ, оставшихся больныхъ, какъ и

теперь, выводили въ лѣтнія помѣщенія, именно въ лѣтніе балаганы по Нижегородской улицѣ и во второе отдѣленіе госпиталя по Сампсоніевскому проспекту. Гражданскихъ больныхъ въ это время не принимали. Амбулаторные пріемы также прекращались.

ГЛАВНЫЙ ВРАЧЪ

Мы ужъ упоминали о главномъ врачѣ госпиталя Поповѣ, игравшемъ не очень блестящую роль въ академіи. Въ клиникахъ требовались крупныя перемѣны, необходимо было радикально измѣнить весь строй госпитальной жизни, а между тѣмъ Поповъ не дѣлалъ ничего для улучшенія госпитальныхъ порядковъ, вѣрнѣе говоря, безпорядковъ, и даже во многихъ дѣлахъ являлся помѣхой. Дубовицкій поступилъ круто, но справедливо. Обративъ вниманіе министра на различныя неустройства, онъ добился перемѣны всего штата госпитальнаго управленія. Однако новый главный врачъ былъ навязанъ ему вліятельными лицами и не подходилъ къ тѣмъ требованіямъ, которыя можно было предъявить къ начальнику клиническаго госпиталя. Не безъ удивленія узнали въ академіи, что главнымъ врачемъ назначенъ старшій лѣкарь гвардейскаго гусарскаго полка надворный совѣтникъ Гребскій, вторымъ его помощникомъ надворный совѣтникъ Дубницкій. Оба эти лица не отличались ни административными талантами, ни усердіемъ и кромѣ того были плохо знакомы съ госпитальнымъ дѣломъ. Къ счастію, съ 1857 г. первымъ помощникомъ состоялъ Чистовичъ, человѣкъ знающій, опытный, трудолюбивый, честный. Онъ много работалъ для госпиталя, но состоять въ одной компаніи съ Гребскимъ и Дубницкимъ не пожелалъ и въ 1860 г. попросилъ освободить его отъ дожности помощника главнаго врача. Дубовицкій уговорилъ его остаться и принимать дѣятельное участіе въ преобразованіяхъ, проводившихся въ госпиталѣ. Всѣ крупныя перемѣны въ немъ произведены главнымъ образомъ Чистовичемъ и надо удивляться, какъ успѣвалъ этотъ замѣчательный человѣкъ проводить различныя полезныя мѣры, поддерживать образцовый порядокъ, будучи заваленъ массой другихъ дѣлъ. Обѣ названныя выше бездарности «занимали» должности долго. Гребскаго смѣнилъ въ 1869 г. Тороповъ, а Дубницкій сидѣлъ на своемъ мѣстѣ до восьмидесятыхъ годовъ. Что касается Чистовича, то онъ тяготился своей должностью. Оставшись по просьбѣ Дубовицкаго, онъ въ 1866 г. просилъ дать ему хоть 4-мѣсячный отпускъ въ виду разстройства здоровья отъ усиленныхъ занятій по го-

спиталю. Просьба была уважена министромъ «въ виду особыхъ заслугъ профессора Чистовича». Годъ спустя, Чистовичъ дважды заявилъ объ отказѣ отъ должности, но Дубовицкій его не пускалъ, и увольненіе его состоялось лишь въ 1869 г. Вообще госпиталь никогда не могъ похвалиться своимъ штатомъ. Лѣнь или неспособность къ труду отличали всегда госпитальныхъ администраторовъ, очень рѣдко среди нихъ появлялся дѣльный работникъ на подобіе Чистовича.

Низшіе служащіе. Низшіе служащіе вполнѣ соотвѣтствовали своимъ лѣнивымъ начальникамъ, и Дубовицкому вмѣстѣ съ Чистовичемъ, пришлось много поработать надъ улучшеніемъ состава лицъ, ухаживающихъ за больными. На каждые десять больныхъ въ палатѣ числился служитель, но постоянно при больныхъ находился лишь дежурившій по очереди. Для черной работы предназначались другіе служителя. На всю клинику полагалось два-три фельдшера и въ помощь имъ нѣсколько фельдшерскихъ учениковъ старшихъ классовъ.

Лѣтомъ. Студенты, конечно, дежурили только въ теченіе учебнаго года. Когда занятія весной оканчивались, студенты разъѣзжались. Тогда клиники закрывались и новыхъ больныхъ не принимали; оставшихся переводили въ лѣтніе бараки и во второе отдѣленіе госпиталя. Иногда больные размѣщались кромѣ того въ особыхъ палаткахъ. За отъѣздомъ профессоровъ и ассистентовъ сильнѣе чувствовалось вліяніе главнаго врача и его помощниковъ. Нечего и говорить, что положеніе больныхъ за это время до крайности ухудшалось.

Ремонтъ госпиталя. Печальное положеніе госпиталя постоянно озабочивало Дубовицкаго. Онъ хлопоталъ о перестройкѣ всѣхъ зданій, согласно требованіямъ медицины, но лишь съ 1863 г. въ этомъ отношеніи сдѣланъ рѣшительный шагъ. Поправили ветхія деревянныя палаты, размѣщенныя позади госпиталя. Туда перевели больныхъ изъ лѣваго крыла (если смотрѣть на госпиталь съ набережной, находясь спиною къ Невѣ), такъ называемаго перваго каменнаго корпуса перваго отдѣленія. Другими словами, выведены два терапевтическихъ, хирургическое и сифилитическое отдѣленія съ 450 больными. Стѣны признаны крѣпкими и потому ограничились внутренней передѣлкой. Большія палаты передѣланы на малыя, для труднобольныхъ устроены маленькія комнаты. Явились помѣщенія для чтенія лекцій—аудиторіи, кабинеты для профессоровъ, залы для амбулаторныхъ пріемовъ. Ордина-

торамъ, фельдшерамъ и служителямъ предоставлены особыя комнаты. Устроены вездѣ приспособленія, необходимыя въ каждомъ домѣ, именно введены провѣтриваніе, отопленіе по современной системѣ, водопроводъ. Для отопленія служили герметическіе камины съ вентиляціонными трубами въ стѣнахъ; при этомъ палатный воздухъ вытягивался черезъ отдушины во внутреннихъ стѣнахъ. Вода поступала изъ водоема въ естественно-историческомъ зданіи. Не только устроены краны съ раковинами, но также впервые появились ватеръ-клозеты. Пресловутыя отхожія мѣста съ постояннымъ зловоніемъ отнынѣ отошли въ область преданій.

Въ 1864 г., съ сентября, въ переустроенномъ отдѣленіи размѣщены больные; въ верхнемъ этажѣ открыто первое терапевтическое, а въ нижнемъ—первое хирургическое отдѣленіе.

Корпуса на набережной.

Отъ 1864 по 1869 г. послѣдовательно перестроены и снабжены отмѣченными выше приспособленіями лѣвая половина госпиталя, правая и правое крыло съ арестантскимъ и женскимъ терапевтическимъ отдѣленіемъ. Вообще зданіе со стороны набережной передѣлано капитально: полы подняты надъ уровнемъ почвы, этажи увеличены въ высоту, палаты размѣщены по южной сторонѣ зданія, а длинный коридоръ—по сѣверной.

Недостатки ремонта.

Благодаря перестройкамъ госпиталь превратился въ чистое, здоровое зданіе, удовлетворявшее основнымъ требованіямъ больничной гигіены. Въ немъ устроены между прочимъ двѣ русскія бани съ ваннами. Однако госпиталь все еще имѣлъ немало недостатковъ. Они подробны перечислены въ отчетѣ, который представили военному министру ревизовавшіе по его приказанію госпиталь графъ Сиверсъ и главный военно-медицинскій инспекторъ Козловъ. Весною 1868 г. они нашли рядъ несообразностей. Не лишне напомнить, что Дубовицкій къ тому времени фактически покинулъ академію, которая осталась безъ хозяина. По ихъ словамъ, каменный корпусъ перваго отдѣленія (лѣвое крыло госпиталя) представлялъ капитальное неудобство по расположенію внутренняго коридора, раздѣляющаго рядъ больничныхъ палатъ съ окнами справа на западъ и слѣва на востокъ. При этомъ старинномъ устройствѣ почти невозможно поддерживать постоянно хорошій воздухъ въ палатахъ. Вентиляція мало помогала освѣженію воздуха въ палатахъ. Онѣ найдены переполненными нечистоплотными

больными, испаренія и изверженія которыхъ были зловонныя. Дежурные фельдшерскіе ученики и служителя, не имѣя особой комнаты, ночевали въ палатахъ. Студенты, посѣщающіе клинику, собирались въ извѣстное время дня и дышали тѣмъ же палатнымъ воздухомъ. Внутренній коридоръ представлялъ резервуаръ дурного воздуха. Дѣйствительно, въ немъ собирался не только испорченный палатный воздухъ, но переходили также испаренія изъ казармы служителей и изъ отхожихъ мѣстъ. Отопленіе менѣе всего можно было признать удовлетворительнымъ: въ палатахъ не поддерживалась одинаковая температура; въ кабинетахъ и амбулаторныхъ клиникахъ зимою бывало часто тепла не болѣе 10—12° R. Воздухъ очищали флагами въ 3—4 ладони шириной, смоченными древеснымъ уксусомъ или дегтемъ. Понятно, очищенія этимъ способомъ не достигали. Кушанья больныхъ не удовлетворяли клиническимъ требованіямъ и давались въ малыхъ порціяхъ; молоко и яйца были плохого качества. Прислуга оставляла желать многаго: солдаты уличались постоянно въ пьянствѣ, воровствѣ, были грязны, лѣнивы. Впрочемъ женская прислуга въ акушерской и женской психіатрической клиникахъ оказалась болѣе чистой и исполнительной. На всѣ госпитальныя зданія приходился только одинъ пріемный покой; далекое разстояніе отъ него нѣкоторыхъ клиникъ представляло большое неудобство, особенно зимою.

Указанные недостатки рисуютъ намъ положеніе клиникъ не въ розовомъ свѣтѣ. Мы видимъ, что даже всесильный и энергичный Дубовицкій не одержалъ полной побѣды надъ косностью, страстью къ наживѣ. Впрочемъ, кое-что послѣ ревизіи измѣнилось къ лучшему. Но вообще госпиталь и потомъ пребывалъ въ состояніи запустѣнія.

Клиники Виллие. Итакъ, постройка естественно-историческаго и анатомо-физіологическаго институтовъ, перестройка госпиталя—вотъ большія задачи, которыя разрѣшилъ Дубовицкій со своими сотрудниками. Только осуществивъ эти мѣры, можно было разсчитывать на основательную постановку преподаванія. Однако, какъ мы видѣли, для улучшенія клиникъ оставалось сдѣлать еще много, но денежныхъ средствъ не хватало. Счастливый случай далъ возможность построить образцовое зданіе для клиникъ на частныя средства. Вотъ какъ это произошло.

Лейбъ-медикъ баронетъ Яковъ Васильевичъ Вилліе, бывшій президентъ нашей академіи, желая оставить по себѣ память о своей привязанности къ Россіи, своему второму отечеству, и глубочайшей признательности къ Августѣйшимъ ея Монархамъ, щедротамъ которыхъ онъ обязанъ всѣмъ своимъ состояніемъ, по духовному завѣщанію въ 1852 г. опредѣлилъ: все его движимое и недвижимое имущество продать и вырученныя съ него деньги, а равно капиталъ въ банковыхъ билетахъ, ему принадлежащихъ, раздѣлить на десять равныхъ частей, изъ коихъ $^2/_{10}$ употребить на погребеніе его, на устройство надгробнаго памятника и на дѣла благотворительныя по усмотрѣнію его душеприказчиковъ, а $^8/_{10}$ на устройство богоугоднаго заведенія, которое носило бы его имя. Въ дополненіе къ этому завѣщанію онъ выразилъ желаніе, чтобы это завѣщаніе было гражданской больницей и въ память великаго князя Михаила Павловича именовалось «больницею Св. Архангела Михаила, учрежденною баронетомъ Вилліе». Согласно волѣ завѣщателя, душеприказчики предполагали построить гражданскую больницу. Тутъ вмѣшался Дубовицкій. Озабочиваясь изысканіемъ средствъ къ улучшенію клиникъ, онъ предложилъ душеприказчику Вилліе лейбъ-медику Енохину устроить не простую больницу, а клиническую. Енохинъ, питомецъ академіи, понималъ, какую огромную пользу можетъ принести новая больница его almae matri и вполнѣ согласился съ мнѣніемъ Дубовицкаго. Сообща они порѣшили выстроить клиническую больницу на 150 кроватей, снабдить ее всѣми предметами довольствія по части хозяйственной и учебной, а затѣмъ передать въ управленіе и зависимость начальства Императорской медико-хирургической академіи, съ особымъ капиталомъ на ея содержаніе и поддержку. Предполагалось купить мѣсто для больницы около академіи. Когда Енохинъ далъ свое согласіе, военный министръ Сухозанетъ преподнесъ представленіе по этому дѣлу на Высочайшее воззрѣніе Государя Императора. На докладѣ 6 апрѣля 1857 г. Его Величество написалъ: «совершенно на это согласенъ и признаю дѣломъ весьма полезнымъ». Для точнѣйшаго соображенія и опредѣленія, въ какомъ видѣ должна быть устроена новая больница и какія для нея потребуются принадлежности и надобности, составлена была, по желанію душеприказчиковъ, коммиссія изъ президента, вице-президента и профессоровъ, а также другихъ опыт-

ныхъ лицъ. Эта комиссія разсмотрѣла 16 проектовъ постройки и отдала преимущество составленному академикомъ Соколовымъ съ тѣмъ, чтобы онъ исправилъ проектъ и смѣту согласно ея замѣчаніямъ. Военный министръ постановленіе комиссіи утвердилъ. На постройку собственно больницы, т. е. главнаго зданія, была составлена смѣта, требовавшая расхода 500.000 рублей. Капитала съ наросшими процентами къ 1865 г. насчитывалось 1.225.000 рублей. По обыкновенію дѣйствительные расходы на много превзошли предполагавшіеся.

Главное зданіе.

Дубовицкому, такъ много потрудившемуся для присоединенія клиникъ Виллie, не пришлось дожить до ихъ окончанія. Лишь въ 1872 г. были окончательно готовы зданія и закончено оборудованіе ихъ. Возведено трехъэтажное зданіе. Въ немъ устроена довольно вмѣстительная церковь съ хорами и лѣпной работой по стѣнамъ и куполу. Кромѣ того въ зданіи находились двѣ обширныя аудиторіи на желѣзныхъ аркахъ, химическая лабораторія и дезинфекціонная камера. Въ зданіи устроено отопленіе по системѣ Свіязева, проведены вода и газъ. Объемъ его доходилъ до 6.000 куб. саженей.

Около зданія разведенъ съ одной стороны садъ, а съ другой скверъ. Въ послѣднемъ поставлена бронзовая на гранитномъ пьедесталѣ статуя Гигеи съ фонтаномъ, чугуннымъ бассейномъ и такою же рѣшеткой. Скверъ окруженъ желѣзной рѣшеткой съ воротами и калитками.

Другія зданія.

Недалеко отъ главнаго зданія сооружена каменная одноэтажная часовня съ помѣщеніемъ для приходящихъ родственниковъ умершихъ, для семейнаго сторожа и для обмыванія труповъ. Для стирки бѣлья назначено каменное двухъэтажное зданіе съ паровой прачечной и со всѣми необходимыми приспособленіями. Для квартиръ чиновниковъ и служителей выстроенъ каменный двухъэтажный домъ съ водопроводомъ, газопроводомъ и каменными службами (ледникомъ, сараемъ и т. д.). Собственно для надобностей больницы отведенъ особый ледникъ съ кладовыми подъ сводами.

На пріобрѣтеніе имущества больницы израсходовано 90.888 рублей съ копѣйками. Всего же ушло 854.433 рубля на постройку зданій и ихъ оборудованіе. Торжественное открытіе имѣло мѣсто въ 1873 г. и потому мы поговоримъ еще о немъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

Остановимся теперь на отдѣльныхъ клиникахъ и посмотримъ, въ какой степени онѣ удовлетворяли нуждамъ преподаванія.

ДІАГНОСТИЧЕСКАЯ КЛИНИКА.

Въ лѣвомъ боковомъ флигелѣ госпиталя (гдѣ потомъ находились первое и второе терапевтическія отдѣленія) помѣщалась госпитальная терапевтическая клиника Мяновскаго. Здѣсь двѣ палаты отвели Здекауеру для преподаванія діагностики. Здѣсь же занимался со студентами помощникъ Здекауера Эйхвальдъ. Съ 1850 г. профессору даны еще двѣ палаты. Когда Дубовицкій раздѣлилъ госпиталь на отдѣленія, Здекауеру, какъ представителю теоретической кафедры, палаты не предоставили, но теперь у него явился помощникомъ въ преподаваніи діагностики Бессеръ, который имѣлъ 5 палатъ, что обезпечивало возможность практическихъ занятій. Здекауеру принадлежитъ счастливая мысль устроить при клиникѣ лабораторію. Отнынѣ при преподаваніи общей патологіи показывались опыты на животныхъ и учащіеся имѣли возможность видѣть болѣзненные процессы воспроизведенными искусственно и, слѣдовательно, изучать ихъ всесторонне. Преемникъ Здекауера Бессеръ запустилъ клинику и лабораторію. Въ послѣдней никакихъ опытовъ не производилось и никакихъ приборовъ не выписывалось. Поэтому преподаваніе сдѣлалось почти исключительно теоретическимъ.

ГОСПИТАЛЬНАЯ ТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ.

Большое терапевтическое отдѣленіе занимали сначала палаты госпитальной терапевтической кафедры, представителемъ которой являлся Мяновскій. Съ 1855 г. часть палатъ перешла къ Бессеру, а съ 1857 г. нѣсколько палатъ—къ Глѣбову. Слѣдовательно, все отдѣленіе раздѣлилось на три части. Глѣбовъ завѣдывалъ своими палатами до 1860 г. Послѣ выхода въ отставку Мяновскаго (въ 1860 г.) все терапевтическое отдѣленіе, за исключеніемъ палатъ Бессера, перешло къ Здекауеру, а съ 1863 г.—къ Экку. Кромѣ помѣщенія для больныхъ къ кафедрѣ относились ванная палата съ одной всего ванной, кабинетъ профессора и маленькая лабораторія. Такъ какъ особой аудиторіи не существовало, то лекціи читались у постели больныхъ. На лекціяхъ у Здекауера и Экка собиралась всегда большая толпа, состоявшая не только изъ студентовъ, но и врачей. Практическія занятія вели Эйхвальдъ, позже Лешъ.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ.

Академическая терапевтическая клиника находилась въ нижнемъ этажѣ лѣвой половины госпиталя, фасадомъ на Неву. Ею завѣдывалъ съ 1848 г. по 1860 г. Шипулинскій. Число кроватей колебалось отъ 54 до 34. Профессоръ ежедневно дѣлалъ обходъ палатъ и читалъ

лекціи у постели больныхъ. Съ 1859 г. производились амбулаторные пріемы. Небольшой кабинетъ содержалъ очень мало необходимыхъ для преподаванія принадлежностей. Когда Боткина избрали адъюнктомъ, онъ немедленно занялся устройствомъ лабораторіи съ цѣлью дать самое широкое примѣненіе клиническому изученію медицины. Въ ней предполагались не только практическія занятія студентовъ, но и ученыя изслѣдованія врачей. Сдѣлавшись самостоятельнымъ преподавателемъ, Боткинъ расширилъ пріемы приходящихъ больныхъ. Изслѣдованіе амбулаторныхъ больныхъ производилось профессоромъ, ассистентомъ и ординаторами. Нечего и говорить, что при подобныхъ условіяхъ клиника была обезпечена богатымъ и интереснымъ матеріаломъ. Лабораторія значительно увеличилась, и въ шестидесятыхъ годахъ ее приспособили къ производству ученыхъ изслѣдованій. Полнаго расцвѣта клиника достигла послѣ переведенія въ особое зданіе, о чемъ мы еще будемъ имѣть случай поговорить.

Госпитальная хирург. клиника.

Хирургическія каѳедры въ разсматриваемомъ періодѣ значительно улучшились, хотя состояніе ихъ до начала девятидесятыхъ годовъ оставляло желать лучшаго. Госпитальная хирургическая клиника состояла изъ трехъ частей: въ лѣвой части центральнаго зданія насчитывалось около 55—75 кроватей для больныхъ, подвергавшихся большимъ операціямъ; въ лѣвомъ боковомъ зданіи находились палаты для нижнихъ чиновъ съ легкими болѣзнями, а въ правомъ боковомъ флигелѣ вверху отвели помѣщенія для женщинъ. Въ 1863 г. госпиталь перестроенъ, и клиника размѣстилась лучше. Она перебралась во второй и частью въ нижній этажъ правой половины центральнаго зданія, лишь женское отдѣленіе осталось на прежнемъ мѣстѣ. Въ новомъ помѣщеніи особыя комнаты отведены для операціонной, профессорскаго кабинета, ординаторской, ванной и т. д. Обогатилось въ значительной степени собраніе хирургическихъ инструментовъ, благодаря содѣйствію Дубовицкаго. Однако инструментальный заводъ сильно задерживалъ дѣло обновленія инвентаря; присланные старые инструменты замѣнялись новыми лишь послѣ продолжительной переписки, на которую уходило много времени.

Академическая.

Въ академической хирургической клиникѣ больныхъ было значительно меньше—отъ 36 до 40. Съ 1853 г. число инструментовъ послѣдовательно увеличивалось присылкой наборовъ изъ инструмен-

тальнаго завода, также путемъ покупки у частныхъ мастеровъ. Кромѣ того въ 1859 г. Китеръ за границею пріобрѣлъ коллекцію инструментовъ и снарядовъ, нужныхъ не только для академической клиники, но и для всего клиническаго отдѣленія госпиталя. Покупка оказалась не совсѣмъ удачной; заграничные предметы во многихъ случаяхъ не оправдали ожиданій и портились скорѣе русскихъ. Кабинетъ при кафедрѣ небольшой, не соотвѣтствовалъ своей задачѣ—давать учащимся возможность производить операціи подъ руководствомъ преподавателя. При изложеніи различныхъ частей хирургіи студенту приходилось освоиться съ употребленіемъ всѣхъ предлагавшихся инструментовъ и приборовъ, выяснить ихъ достоинства и недостатки; но при отсутствіи необходимыхъ предметовъ знакомство съ ними оказывалось поверхностнымъ, основаннымъ лишь на знакомствѣ съ рисунками. Кромѣ того будущій военный врачъ не имѣлъ представленія о предметахъ, необходимыхъ на полѣ сраженія при подачѣ первой помощи. Какъ перевозятся раненые, какъ имъ накладываются первыя повязки и. т. п.—о всемъ этомъ учащійся получалъ лишь отрывочныя свѣдѣнія.

Хирургическій музей.

Указанные пробѣлы сознавались преподавателями. Для пополненія ихъ академикъ Заблоцкій-Десятовскій въ 1862 г. предложилъ устроить «десмургическій и акіургическій музеумъ». Конференція приняла это предложеніе. Военный министръ разрѣшилъ учрежденіе музея. При этомъ онъ обратилъ вниманіе на средства для переноски раненыхъ съ поля сраженія, для чего приказалъ снестись съ кавказскимъ начальствомъ и вытребовать употребляемыя тамъ носилки, а также выписать чрезъ военныхъ нашихъ агентовъ въ иностранныхъ государствахъ образцы употребляемыхъ тамъ носилокъ и вьюковъ. Въ 1863 г. конференція поручила Заблоцкому-Десятовскому устройство музея. Съ этой цѣлью онъ въ сопровожденіи профессора Фаворскаго ѣздилъ за границу и тамъ пріобрѣлъ вещей на сумму 4.000 р. Къ этимъ предметамъ присоединены пожертвованія, полученныя отъ медицинскаго департамента, артиллерійскаго вѣдомства, отъ нашихъ агентовъ при иностранныхъ дворахъ, отъ С.-Петербургскаго арсенала, инструментальнаго завода, отъ частныхъ лицъ и т. д. Особенно значительно пожертвованіе, сдѣланное Буяльскимъ въ день его пятидесятилѣтняго юбилея «въ благодарность воспитавшему его заведенію».

Это большая коллекція, которую распредѣлили по разнымъ кабинетамъ. Часть, доставшаяся музею, представляла собраніе хирургическихъ инструментовъ, патологическихъ рисунковъ и препаратовъ. Между прочимъ здѣсь собраны инструменты по преимуществу отечественнаго производства отъ начала введенія его при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ до тридцатыхъ годовъ XIX столѣтія. Это собраніе состояло изъ 130 большихъ и малыхъ ящиковъ и находилось въ полномъ порядкѣ. Цѣнно также собраніе художественно выполненныхъ самимъ Буяльскимъ изображеній патологическихъ процессовъ и уродствъ. Не менѣе замѣчательна коллекція различныхъ камней (мочевыхъ, желчныхъ, слюнныхъ и т. д.), вырѣзанныхъ Буяльскимъ. Заслуживаютъ также упоминанія прекрасно исполненныя изъ папье-маше и воска модели таза и промежности для демонстраціи камнесѣченія и расположенія внутренностей тазовой полости, модель слухового аппарата и пр.

СУДЬБА МУЗЕЯ.

Обогащеніе музея шло непрерывно, и черезъ четыре года послѣ основанія онъ содержалъ ужъ болѣе 6.000 предметовъ. Заблоцкій-Десятовскій, устроившій его, съ гордостью указывалъ, что его дѣтище вполнѣ удовлетворяло своему назначенію. «Съ положительностью можно сказать, что ни въ одной заграничной школѣ, даже въ Лондонѣ и Парижѣ, нѣтъ десятой доли того, что собрано въ хирургическомъ музеѣ». Въ 1865 г. начато печатаніе каталога предметовъ, оконченное въ 1867 г. Въ немъ намѣщены 1.664 номера. Музей помѣщенъ въ первомъ отдѣленіи военно-сухопутнаго госпиталя. Съ основанія до 1869 г. онъ находился въ завѣдываніи Заблоцкаго-Десятовскаго, который вложилъ въ дѣло его развитія всю свою энергію. Оттого при немъ музей процвѣталъ. Къ сожалѣнію, какъ только устроитель его ушелъ, музей сталъ приходить въ упадокъ, особенно обозначившійся послѣ 1895 г.

ОТДѢЛЕНІЕ УМАЛИШЕННЫХЪ.

Мы отмѣтили ужъ, что всѣ клиники находились въ состояніи, которое менѣе всего можно назвать удовлетворительнымъ. Что касается палатъ для умалишенныхъ и нервныхъ больныхъ, то онѣ представляли нѣчто невозможное.

Для только что названныхъ палатъ отвели особый деревянный корпусъ за нынѣшней прачечной по Ломанскому переулку. Отъ послѣдняго онъ отдѣлялся деревянной оградой, а фасадомъ выходилъ въ госпитальный садъ. Зданіе, въ которомъ находилось восемь боль-

шихъ комнатъ, пришло окончательно въ ветхость. Крыши протекали, стѣны промерзали. Въ коридорахъ отхожія мѣста распространяли зловоніе. Стѣны около нихъ настолько сгнили, что легко отламывались руками. Вода приносилась въ бадьяхъ и ставилась въ коридорахъ. Оттого здѣсь постоянно стояли лужи изъ жидкой грязи. Мебели приходилось такъ мало, что больные вынуждены были обѣдать и ужинать стоя, а находившіеся здѣсь днемъ, не имѣя мѣста, гдѣ прилечь, располагались на полу. Для помѣщенія прислуги служили отхожія мѣста.

Въ какомъ состояніи находились больные? Профессоръ Балинскій высказалъ, что отдѣленіе, о которомъ идетъ рѣчь, «было одно изъ тѣхъ заведеній, память о которыхъ дошла до насъ лишь по преданіямъ средневѣковыхъ писателей. Число помѣшанныхъ не было ограничено, больные были стѣснены чрезмѣрно, находились безъ надлежащаго надзора, безъ всякихъ средствъ для занятія и развлеченія. Безпокойные не отдѣлялись отъ спокойныхъ; буйство одного помѣшаннаго приводило въ раздраженіе остальныхъ и укрощалось только угрозами и побоями, наносимыми имъ прислугой». Въ холодныхъ и сырыхъ комнатахъ втискивали 200—250 больныхъ, которыхъ не раздѣляли не только по роду болѣзни, но даже по званію и полу. Сюда заходилъ 2—3 раза въ годъ профессоръ показать студентамъ типичныхъ больныхъ, а въ остальное время учащіеся не заглядывали, даже доктора крайне неохотно заходили въ несчастное отдѣленіе. БОЛЬНИЧНЫЕ УЖАСЫ

Дубовицкій не могъ оставить душевно-больныхъ при старыхъ порядкахъ. По его указаніямъ конференція постановила съ 1 сентября 1857 года ввести преподаваніе психіатріи, какъ самостоятельнаго предмета, и поручила новую каѳедру адъюнкту Балинскому. Мы уже говорили, какъ высоко онъ поднялъ преподаваніе своей спеціальности. Не въ меньшей степени ему слѣдуетъ поставить въ заслугу устройство въ академіи психіатрической клиники, соотвѣтствовавшей своему назначенію. На эту задачу онъ употребилъ массу времени и труда. Едва получивъ каѳедру, Балинскій представилъ подробный проектъ преобразованія госпитальнаго отдѣленія для умалишенныхъ. Конечно, слѣдовало бы злополучное зданіе совершенно снести и построить новое. Но за неимѣніемъ денежныхъ средствъ приходилось оставить его, произведя извѣстныя перестройки. Балинскій предлагалъ соеди- ПРЕОБРАЗОВАНІЕ.

нить корпусъ, въ которомъ помѣщались душевно-больные, съ сосѣднимъ арестантскимъ посредствомъ теплой галлереи и въ обоихъ зданіяхъ размѣстить не больше 120 умалишенныхъ. Предполагалось провести воду по всему отдѣленію, снабдить его надлежащей мебелью и платьемъ, устроить для больныхъ соотвѣтствующія занятія и развлеченія, нанять хорошо подготовленную прислугу, для врачей устроить кабинетъ съ надлежащими научными пособіями. Предполагалось въ отдѣленіи шесть помѣщеній: для офицеровъ, нижнихъ чиновъ, женщинъ, неизлѣчимыхъ, падучныхъ и неопрятныхъ, безпокойныхъ. Имѣлся въ виду садъ для прогулокъ каждой отдѣльной группы душевныхъ заболѣваній. Отмѣтимъ также, какъ весьма полезныя нововведенія, учрежденіе должностей надзирателей, надзирательницъ, сидѣлокъ и кромѣ того учителей для обученія больныхъ ремесламъ. Дубовицкій передалъ проектъ Балинскаго на разсмотрѣніе военнаго министра Сухозанета, который 12 декабря 1858 г. поставилъ резолюцію: «чрезвычайно благодаренъ за дѣльное, заботливое, попечительное стараніе дѣйств. ст. сов. Дубовицкаго къ устройству отдѣленія умалишенныхъ; согласенъ всѣ издержки единовременныя обратить на госпитальную сумму, о ежегодной же прибавкѣ внести въ военный совѣтъ. Прошу товарища моего подробно вникнуть въ сей важный и повидимому необходимый удовлетворенію предметъ и мнѣ о семъ лично доложить». Участливое отношеніе министра значительно подвинуло дѣло, и 27 марта 1859 г. утверждены штаты новаго отдѣленія, а 13 іюля того же года послѣдовало торжественное открытіе его. Завѣдующимъ назначенъ профессоръ Балинскій, при которомъ опредѣлены для пользованія больныхъ три врача. Въ томъ же году открыты амбулаторные пріемы, какъ и въ другихъ отдѣленіяхъ госпиталя. Тогда же утверждено конференціей «положеніе о клиническомъ отдѣленіи душевныхъ болѣзней», установившее порядокъ и дѣятельность занимающаго насъ отдѣленія. При послѣднемъ учрежденъ, правда вначалѣ довольно жалкій, кабинетъ и положено основаніе библіотекѣ.

Пріютъ и клиника. Такъ возникла въ академіи первая психіатрическая клиника. Организаторъ ея Балинскій заслуживаетъ вѣчной благодарности со стороны всѣхъ, кому дороги интересы одной изъ важнѣйшихъ спеціальностей.

Какъ и слѣдовало ожидать, положеніе душевно-больныхъ въ клиническомъ отдѣленіи оставалось далеко отъ удовлетворительнаго. По поводу побѣга трехъ сумасшедшихъ подполковникъ Борщовъ въ 1860 г. осматривалъ зданіе и нашелъ, что оно находится въ самомъ жалкомъ состояніи: полы разсохлись, ватеръ-клозеты издаютъ сильный запахъ, распространяющійся по палатамъ; водопроводныя трубы не дѣйствуютъ уже почти цѣлый годъ; въ ванной комнатѣ женской части котелъ для нагрѣванія воды треснулъ, отчего произошла течь, размывающая печку; пища больныхъ крайне однообразна; одежда и обувь плохи. Указывалось еще нѣсколько недостатковъ, но особенно отмѣчено переполненіе клиники. Балинскій имѣлъ поэтому основаніе хлопотать о расширеніи и улучшеніи своей клиники. По его побужденію Дубовицкій въ 1860 г. возбудилъ ходатайство о присоединеніи къ клиникѣ офицерскаго корпуса, больныхъ изъ котораго слѣдовало перевести въ новый корпусъ госпиталя. Также Дубовицкій просилъ разрѣшенія сдѣлать надстройку въ видѣ мезонина для помѣщенія часовни, кабинета профессора, комнаты для ординатора и лабораторіи. Для каждаго изъ отдѣленій умалишенныхъ предполагался садъ, всего четыре сада. При подобныхъ условіяхъ клиника могла бы расшириться и вмѣщать 170 больныхъ вмѣсто 120. Требуемыя улучшенія выполнены въ 1863 году, но штатъ больныхъ опредѣленъ въ 150 человѣкъ. Клиника попрежнему оставалась переполненной, такъ какъ изъ разныхъ мѣстъ военное вѣдомство присылало больныхъ, которыхъ приходилось принимать сверхъ комплекта. Кромѣ того многіе изъ принятыхъ оставались очень долго, такъ какъ болѣзнь у нихъ была затяжная и неизлѣчимая. Они занимали мѣста, которыя слѣдовало бы отвести для другихъ, болѣе интересныхъ въ клиническомъ отношеніи больныхъ. Ясно, что надлежало устроить особый пріютъ для неизлѣчимыхъ душевно-больныхъ. Балинскій въ этомъ направленіи и сталъ хлопотать. Онъ послѣдовательно указывалъ на различныя зданія въ окрестностяхъ Петербурга, какъ на возможныя помѣщенія пріюта, но ему отвѣчали отказомъ. Тѣмъ временемъ зданіе клиники приходило въ полный упадокъ и грозило паденіемъ. Дубовицкій доказывалъ, что необходимо построить для клиники особое большое зданіе, но военное вѣдомство отказывалось и разсматривать такое предложеніе въ виду недостатка денегъ. Тогда Дубовицкій указалъ другой исходъ.

Вслѣдствіе перевода казенныхъ стипендіатовъ на частныя квартиры въ 1862 г. освобождалась правая половина главнаго академическаго зданія (гдѣ помѣщается церковь). Вотъ эту то часть Балинскій и предложилъ передѣлать подъ клинику, а существующее клиническое отдѣленіе умопомѣшанныхъ оставить для пріюта.

Эта перестройка въ 1863 г. разрѣшена, и Балинскій занялся приготовленіемъ соотвѣтствующихъ проектовъ. Съ этой цѣлью онъ, какъ и раньше при устройствѣ клиническаго отдѣленія (деревяннаго), осмотрѣлъ за границею лучшія учрежденія этого рода. Онъ тщательно обдумывалъ всѣ подробности будущей клиники; при этомъ онъ исходилъ изъ желанія создать учрежденіе, которое оказалось бы лучшимъ въ Европѣ. Къ сожалѣнію, выполненію такого широкаго плана препятствовалъ прежде всего недостатокъ денежныхъ средствъ. Военный совѣтъ урѣзывалъ до крайности всѣ смѣты и находилъ многое лишнимъ. Съ другой стороны и въ медицинскомъ мірѣ довольно холодно относились къ стремленіямъ нашего психіатра и не оказывали ему надлежащей поддержки. Вотъ отчего дѣйствительность оказалась далеко позади мечтаній Балинскаго. Какъ бы то ни было, правая часть главнаго академическаго зданія была передѣлана, и въ воскресенье 19 ноября 1867 г. клиника душевныхъ болѣзней торжественно открыта. Она включала 25 палатъ для 70 мужчинъ и 17—для 30 женщинъ или 42 палаты для 100 больныхъ. Кромѣ того имѣлись 3 комнаты для дневного пребыванія больныхъ, 4 столовыя, пріемная, билліардная, мастерская, гимнастическая комната, зимній садъ, кухня, прачечная, 4 ванныя, 8 ватеръ-клозетовъ. Къ клиникѣ также относились два кабинета—лабораторіи, 6 квартиръ для служащихъ и 3 для прислуги.

НЕДОСТАТКИ.

Новая клиника осуществляла многія желанія психіатровъ и во многихъ отношеніяхъ составляла образецъ для русскихъ учрежденій подобнаго рода. Здѣсь обращено вниманіе на надлежащую вентиляцію, на одежду, пищу, занятія и развлеченія больныхъ. Обстановка приближалась къ семейной, пріобрѣтены различныя украшенія, цвѣты. Однако на каждомъ шагу давало чувствовать себя то обстоятельство, что клиника случайно очутилась въ старомъ, неподходящемъ для нея зданіи. Потолки были низки, окна малы и большею частью выходили на улицу; палаты скучены безъ промежуточныхъ помѣщеній, ком-

латы малы, коридоры темные. Большое неудобство также представляло отсутствіе большого сада. Но при всѣхъ своихъ недостаткахъ клиника давала возможность и лѣчить больныхъ и пользоваться ими для клиническаго преподаванія.

СУДЬБА ПРІЮТА.

Въ ветхомъ госпитальномъ отдѣленіи для умопомѣшанныхъ помѣстили пріютъ для неизлѣчимыхъ. Къ счастію, онъ находился здѣсь недолго. Съ 1 января 1869 г. въ первомъ (Николаевскомъ) военномъ госпиталѣ открыто отдѣленіе для душевно-больныхъ. Сюда и перевели больныхъ обитателей пріюта, а въ клинику рѣшено принимать больныхъ не иначе, какъ на вакантныя штатныя кровати.

СПЕЦІАЛЬНЫЙ КАПИТАЛЪ.

Для усиленія средствъ клиники военный совѣтъ разрѣшилъ въ 1867 г. принимать пансіонеровъ изъ гражданскихъ лицъ со взиманіемъ особой платы за содержаніе и пользованіе ихъ, также установилъ правила поступленія этой платы въ спеціальный капиталъ клиники. Расходованіе послѣдняго предоставлено особому клиническому комитету. Существованіе спеціальнаго капитала много способствовало послѣдующему процвѣтанію клиники. Она получила возможность улучшать положеніе больныхъ, обогащаться разными научными пособіями, дѣлать расходы на библіотеку и т. д. и все это безъ обремененія общаго бюджета академіи.

ПОЛОЖЕНІЕ.

Въ 1870 г. утверждено положеніе о душевной клиникѣ. Въ немъ узаконено существованіе особаго хозяйства, опредѣлены штатъ, права и обязанности служащихъ, отношеніе къ общему госпитальному управленію, характеръ шнуровыхъ книгъ и т. д. Этимъ заключалась въ главныхъ чертахъ организаціонная дѣятельность Балинскаго. Онъ добился всего, что только казалось осуществимо при тогдашнихъ порядкахъ.

АКУШЕРСКАЯ КЛИНИКА.

Акушерско-гинекологическая и дѣтская клиники открыты въ 1842 году. Каждая устроена на 10 мѣстъ, но акушерская имѣла еще четыре запасныхъ. Помѣстили ихъ въ лѣвой половинѣ нижняго этажа въ госпиталѣ, гдѣ теперь находится офталмологическая клиника. Палаты были расположены въ одну линію и окнами выходили на Неву, а дверями въ длинный коридоръ съ отхожими мѣстами на концахъ. Кромѣ 6 палатъ къ клиникѣ относились по той же линіи: квартира акушерки, комната для женской прислуги, ванная, комната для дежурнаго врача и аудиторія. Вслѣдствіе крайней тѣсноты жен-

щины съ болѣзнями половой области переводились въ женское отдѣленіе госпиталя, туда же направляли и больныхъ дѣтей. Отдѣленія заразительныхъ рожениць достигнуть не было возможности, поэтому родильной горячкой нерѣдко заражались многія рожавшія, и вспыхивали настоящія эпидеміи. Отапливались и освѣщались клиники по обыкновенію очень плохо. Пища доставлялась по особой табели, отличавшейся отъ госпитальной. Родовъ принималось ежегодно отъ 40 до 50; этого небольшого матеріала оказывалось достаточно для небольшого числа имѣвшихся тогда учащихся. Гинекологическихъ больныхъ набиралось мало, и студенты не имѣли возможности надлежащимъ образомъ познакомиться съ женскими болѣзнями.

Улучшенія. Въ 1852 г. всѣ три названныя выше клиники переведены въ нижній этажъ праваго бокового корпуса госпиталя, гдѣ теперь находится женское отдѣленіе. Новое помѣщеніе оказалось нисколько не лучше прежняго. Для акушерской клиники отвели всего три комнаты на 14 кроватей. Неподалеку находились квартиры смотрительницы женскаго отдѣленія, акушерки, ординатора, фельдшеровъ и сидѣлокъ, кабинетъ профессора. Вентиляціи не существовало, отхожія мѣста распространяли зловоніе. Комнаты были низкія, сырыя, все зданіе крайне ветхое. Крассовскій, принявши клинику въ свое завѣдываніе, много поработалъ для улучшенія ея, въ чемъ встрѣчалъ горячую поддержку со стороны Дубовицкаго. Въ 1859 г. устроена ванная съ душами, вентиляція, построены ватеръ-клозеты, отведено помѣщеніе для открытой затѣмъ амбулаторіи, устроенъ новый родильный покой, главнымъ образомъ для оперативныхъ родовъ. Въ 1860 г. аудиторія перенесена въ верхній этажъ, гдѣ помѣщалось арестантское отдѣленіе и часть женскаго; на мѣстѣ старой аудиторіи устроено три палаты. Въ 1868 г. акушерская клиника помѣщалась въ нижнемъ и верхнемъ этажахъ, около нея—дѣтская клиника. Въ томъ же корпусѣ находились: въ нижнемъ этажѣ женское хирургическое отдѣленіе, въ верхнемъ—госпитальное женское и арестантское отдѣленія. Кабинетъ при клиникѣ былъ довольно богатъ, и это давало возможность сопровождать лекціи многочисленными демонстраціями. Поэтому слушатели знакомились съ различными инструментами и могли сами опредѣлить достоинства и недостатки ихъ. Операціи показывались на трупахъ. Также демонстрировались различные патологическіе препараты, ри-

сунки и таблицы. Число родовъ ежегодно возростало и въ 1873 г. дошло до 259. Понятно, что клиника при подобныхъ условіяхъ, руководимая притомъ такимъ спеціалистомъ, какъ Крассовскій, сдѣлалась прекрасной школой для акушеровъ. Одновременно значительно увеличилось и число гинекологическихъ больныхъ, съ 10—30 поднявшееся до 300—400 въ годъ. Матеріалъ сдѣлался крайне разнообразнымъ, по богатству и важности пріемовъ лѣченія клиника Крассовскаго по справедливости могла быть поставлена на ряду съ лучшими подобными же учрежденіями въ Западной Европѣ.

Для преподаванія дѣтскихъ болѣзней долгое время не было особой клиники. Правда, еще въ 1806 г. возникла терапевтическая клиника Петра Франка съ отдѣленіемъ для женщинъ и дѣтей. Она помѣщалась въ академическомъ зданіи, гдѣ теперь находится академическая церковь. Виллie исхлопоталъ въ 1809 г. устройство на ея мѣстѣ церкви, а клинику перевелъ въ госпиталь, но отдѣленія для женщинъ и дѣтей упразднилъ. Лишь въ 1842 г. въ учреждаемой акушерской клиникѣ полагается пріемъ небольшого числа дѣтей, которыхъ рѣшено помѣщать въ палатахъ госпиталя на свободныя мѣста. Теоретическія лекціи съ успѣхомъ читалъ Хотовицкій съ 1836 г. до 1847 г. Съ выходомъ его въ отставку преподаваніе дѣтскихъ болѣзней прекратилось. Оно возобновилось лишь въ 1861 г., благодаря заботамъ Дубовицкаго. Клиника составилась изъ одной палаты, отдѣленной отъ женскаго госпитальнаго терапевтическаго отдѣленія. Помѣщалось въ этой маленькой клиникѣ всего 6 дѣтей въ возрастѣ до 3—4 лѣтъ, обоего пола. Въ ней началъ читать лекціи приватъ-доцентъ Радецкій. Вскорѣ клиника нѣсколько увеличилась и состояла изъ 2 палатъ съ 20 кроватями, въ одной палатѣ помѣщались только грудныя дѣти, въ другой—дѣти старшаго возраста. Въ томъ же 1861 г. Радецкій прекратилъ чтеніе лекцій, и оно окончательно наладилось лишь въ 1865 г., когда Флоринскій началъ читать теоретическій и практическій курсы. Теперь клиника размѣщалась въ двухъ комнатахъ. Въ нихъ съ трудомъ уставили по 5 кроватей. Помѣщеніе составляло часть женскаго госпитальнаго отдѣленія и отличалось извѣстными уже намъ госпитальными особенностями: сыростью, отсутствіемъ вентиляціи, низкой температурой воздуха зимой и т. д. Особой ванной комнаты не существовало, даже доставка воды вызывала затрудненія. Комната для

Дѣтскія болѣзни.

профессора и вмѣстѣ съ тѣмъ для пріема больныхъ была такъ темна, что изслѣдовать больныхъ оказывалось невозможно. Оттого въ часы пріема дѣти изъ одной палаты переводились въ другую. Бѣлье и посуда доставлялись удовлетворительныя, но пища не подходила къ дѣтямъ и была крайне однообразна. Заразительныхъ больныхъ не принимали. Въ 1870 г. положеніе клиники еще болѣе ухудшилось: ее перевели въ комнату бывшаго арестантскаго отдѣленія. Клиническій матеріалъ доставляли амбулаторные пріемы, которые тогда значительно расширились. Необходимыя для клиники пособія: микроскопъ, химическіе вѣсы и т. п. пріобрѣталъ на собственныя средства завѣдывавшій ею Быстровъ. Въ 1874 г. дѣтская клиника переведена въ Михайловскую клиническую больницу Вилліе и съ того времени для нея началась новая, лучшая жизнь.

Глазная клиника.

Мочеполовыя болѣзни и сифилисъ лѣчились въ хирургическихъ клиникахъ. Также не существовало особой клиники для горловыхъ, ушныхъ и носовыхъ болѣзней. Иначе поставлено было дѣло преподаванія глазныхъ болѣзней. Съ 1835 г. отдѣльной кафедры офталмологіи не полагалось, и глазная клиника отнесена къ госпитальной хирургической. Больныхъ принималось довольно много, но болѣзни не отличались разнообразіемъ. Съ 1840 г. глазнымъ отдѣленіемъ завѣдывалъ Кабатъ—хорошій окулистъ, пользовавшійся извѣстностью не только въ Россіи, но и за границей. Подъ его руководствомъ студенты 5 курса практически изучали болѣзни глаза. Палаты находились въ старыхъ деревянныхъ помѣщеніяхъ, расположенныхъ далеко отъ главнаго госпитальнаго зданія. Въ 1859 г. учреждены амбулаторные пріемы по глазнымъ болѣзнямъ, значительно увеличившіе клиническій матеріалъ. Въ 1861 г. открыта особая офталмалогическая клиника въ каменномъ корпусѣ перваго отдѣленія, а въ 1863 г. переведена въ то отдѣленіе, въ которомъ находится въ настоящее время. Кроватей съ 1862 г. положено 32. На оборудованіе ея необходимыми пособіями отпущено въ 1861 г. 1.029 р., а затѣмъ ежегодно назначалась извѣстная сумма. Въ новой клиникѣ закипѣла работа, которой руководилъ Юнге. Студенты знакомились съ болѣзнями, имѣя большой матеріалъ; и профессоръ, и его ученики дѣлали много операцій; научныя изслѣдованія въ видѣ диссертацій и ученыхъ статей касались различныхъ отдѣловъ анатоміи, физіологіи и патологіи органа

зрѣнія. Офталмоскопія составляла существенную часть преподаванія, и съ 1861 г. студенты при окончаніи курса, какъ освоившіеся практически съ офталмологіей, получали офталмоскопы съ цѣлью постоянно примѣнять ихъ при распознаваніи глазныхъ болѣзней въ своей врачебной дѣятельности.

Библіотека.

Въ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія академическая библіотека пришла въ упадокъ. Выписывалось мало книгъ, но и тѣ, которыя пріобрѣтались, не записывались точно въ каталоги, почему много сочиненій нельзя было отыскать, хотя знали, что они доставлены. Помѣщеніе библіотеки было неудобное; она занимала комнаты надъ нынѣшней конференцъ-залой, но за недостаткомъ мѣста книги приходилось помѣщать на хорахъ примыкающаго актоваго зала и въ коридорахъ. Особой читальни для посѣтителей не существовало. Конечно, въ случаѣ пожара въ какой-либо части главнаго академическаго зданія богатое собраніе книгъ могло сдѣлаться жертвою огня.

Дубовицкій явился добрымъ геніемъ и для библіотеки. Согласно его распоряженіямъ всѣ книги были подробно описаны на особыхъ карточкахъ, которыя затѣмъ расположены въ алфавитномъ порядкѣ авторовъ. Эта новая тогда система давала возможность быстро находить любое сочиненіе, если извѣстенъ его авторъ; также легко вводились новыя сочиненія въ такой подвижный каталогъ: стоило только для новой карточки раздвинуть находящіяся въ коробкахъ старыя. Систематическій каталогъ (по предметамъ) подготовлялся къ печати и состоялъ изъ дублетовъ только что упомянутыхъ карточекъ. При разборѣ книгъ отложены въ особый ящикъ карточки съ показаніемъ неполныхъ сочиненій, которыя съ теченіемъ времени слѣдовало пополнить. Одновременно обращено вниманіе на пополненіе библіотеки необходимыми сочиненіями. Въ 1862 г. отпущено 6.000 рублей на единовременное обогащеніе главнымъ образомъ журнальнаго отдѣла. Съ того же года опредѣлено отпускать ежегодно на умноженіе библіотеки и пріобрѣтеніе другихъ учебныхъ пособій по 6.000 рублей серебромъ вмѣсто прежнихъ 5.000 р. ассигнаціями. Для лучшаго пользованія библіотекой въ ней устроена читальня и утверждены правила полученія книгъ. Наконецъ приняты мѣры къ устройству особаго отдѣленія для студентовъ. Конечно, при подобныхъ условіяхъ

пополненіе библіотеки пошло быстрыми шагами. Въ 1851 г. пріобрѣтено 173 тома, въ 1855—1856 гг.—226, въ 1856—1857 гг.—224, въ 1857—1858 гг.—240, а въ слѣдующія 7 лѣтъ соотвѣтствующія числа оказываются: 3.616, 293, 265, 3.172, 2.142, 1.039 и 2.114. Оттого общее число томовъ съ 45.260 въ 1850 г. возросло до 66.720 въ 1866 г.

Штатъ библіотеки.

Библіотекаремъ съ 1839 по 1857 гг. состоялъ Лобачевскій. Онъ сильно запустилъ библіотеку и кромѣ того не совсѣмъ аккуратно составлялъ отчеты по расходованію денежныхъ суммъ, отпускавшихся ему на пріобрѣтеніе книгъ и другіе расходы. Дубовицкій въ 1857 г. уволилъ его и опредѣлилъ на его мѣсто младшаго библіотекаря публичной библіотеки Михайлова. При послѣднемъ и проведены тѣ улучшенія, которыя мы только что перечислили. Хотя Михайловъ не былъ врачемъ, однако онъ, вопреки академическому уставу, получилъ должность по ходатайству Дубовицкаго, которому требовался человѣкъ, знакомый съ новыми системами веденія библіотечнаго дѣла. По смерти Михайлова въ 1863 г. библіотекарскую должность занялъ старшій помощникъ библіотекаря лѣкарь Иванъ Андреевичъ Никитинъ. Онъ женился на крестницѣ Дубовицкаго, который при опредѣленіи Никитина руководился уже не интересами академіи, а чисто семейными расчетами. Онъ продолжалъ лишь дѣло, начатое его предшественникомъ, не внося ничего новаго. Въ 1872 г. былъ арестованъ по обвиненію въ участіи въ шайкѣ, занимавшейся поддѣлкой и сбытомъ акцій желѣзнодорожныхъ обществъ. При обыскѣ найдены фальшивыя бумаги въ самой библіотекѣ. Вскорѣ послѣ ареста Никитинъ отравился. Помощниками библіотекаря состояли въ разсматриваемый періодъ: старшимъ—штабъ-лѣкарь Святенко, младшимъ—докторъ Донадъ Данефельдъ. По смерти Святенко старшимъ назначенъ Данефельдъ, а младшимъ—докторъ Иванъ Морозовъ. Въ 1857 г. Данефельдъ, не получа должности библіотекаря, уволился, и его мѣсто занялъ лѣкарь Никитинъ, въ 1863 г. на его мѣсто назначенъ Ф. Б. Фельдъ, перешедшій изъ публичной библіотеки. Морозовъ перешелъ на должность дѣлопроизводителя конференціи и на его мѣстѣ въ теченіе короткаго промежутка времени перебывали доктора Воронинъ и Ершовъ; въ 1868 г. послѣдняго смѣнилъ В. Е. Брашъ также, какъ и Фельдъ, изъ публичной библіотеки.

Трудно перечислить множество мелкихъ нововведеній и улучшеній, которыя имѣли мѣсто при Дубовицкомъ. Знавшіе академію раньше поражались ея видомъ, измѣнившимся во всѣхъ отношеніяхъ къ лучшему, благодаря безпрерывнымъ трудамъ незабвеннаго президента. Заботы его обращались даже на оздоровленіе мѣстности. Вездѣ, гдѣ позволяла почва, были разбиты сады, заложены водосточныя трубы, проложены городскія трубы по улицамъ, примыкавшимъ къ академіи. Благодаря этимъ мѣрамъ прежняя болотистая и нездоровая мѣстность превратилась въ безвредную въ санитарномъ отношеніи. Для снабженія госпитальныхъ зданій водою построена особая башня съ бассейномъ, находившимся на чердакѣ естественно-историческаго зданія. Отсюда вода по трубамъ разносилась по всѣмъ госпитальнымъ зданіямъ. Не забыто и освѣщеніе. Вмѣстѣ съ артиллерійской академіей и наша устроила особый газовый заводъ. Хозяйственная часть вначалѣ находилась въ рукахъ артиллерійской академіи; она и опредѣляла ежегодную сумму, которую приходилось уплатить медико-хирургической академіи за потребленіе газа. Позже заводъ перешелъ во владѣніе нашей школы. Газъ проведенъ во всѣ академическія зданія, но освѣщеніе имъ прекращалось ежегодно съ 15 мая по 15 августа. Въ теченіе учебнаго года оно то ухудшалось, то улучшалось и вообще вызывало много жалобъ. Контрактъ съ газовымъ обществомъ составленъ такъ, что интересы академіи не приняты въ расчетъ, зато кое-кто изъ хозяйственнаго правленія получилъ благодарность, вѣроятно весьма ощутительную...

Оздоровленіе мѣстности.

Водопроводъ.

Доходы академіи оставались невелики, и ежегодно отпускаемой суммы не хватало на удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ нуждъ. Дубовицкому удалось выхлопотать увеличеніе бюджета. Въ 1862 г. утвержденъ временный штатъ академіи, и отпускаемая сумма увеличена съ 131.461 р. 18 коп. (по штату 1854 г.) до 153.952 р. 23 к. Вмѣстѣ съ тѣмъ военный совѣтъ предписалъ академіи при окончательномъ пересмотрѣ штата и устава обратить особое вниманіе на соблюденіе возможной экономіи, дабы правительство не вынуждалось расходовать на ея содержаніе новыя суммы, сверхъ нынѣ ассигнуемыхъ. Для примѣра военный совѣтъ указалъ на канцелярію президента и на три церкви въ близкомъ разстояніи одна отъ другой. Названную канцелярію и одну изъ церквей рекомендовалось упразднить.

Бюджетъ.

Въ 1864 г. Дубовицкій исходатайствовалъ новое увеличеніе отпускаемыхъ средствъ на 45.532 р. 38½ коп. Кромѣ штатныхъ суммъ Дубовицкій получалъ немало сверхштатныхъ ассигнованій на различныя постройки: на естественно-историческій институтъ, ботаническій кабинетъ, на анатомическій и ветеринарный институты, на перестройку госпитальныхъ зданій и проч.

Канцелярія.

Канцелярская часть при Дубовицкомъ нѣсколько измѣнилась. Съ 1857 г. академія подчинена непосредственно военному министру, и къ президенту ея отошли дѣла, рѣшавшіяся до того въ канцеляріи попечителя. Вотъ почему съ 1857 г. при президентѣ находилась особая канцелярія; а въ составъ ея входили секретарь и три писаря. Съ 1854 г. секретаремъ президента состоялъ Гаусманъ, въ 1858 г. его смѣнилъ Галузевскій, которому поручены вообще дѣла по управленію академіей и по медицинской части второго военно-сухопутнаго госпиталя. По штату 1862 г. секретарь переименованъ въ правителя канцеляріи президента, при чемъ должность его отнесена къ 6 классу и содержаніе съ 770 р. 55 коп. повышено до 1.401 р. Для ускоренія дѣлопроизводства учреждена должность помощника правителя канцеляріи. Съ введеніемъ устава 1869 года канцелярія президента упразднена, и чиновники, служившіе въ ней, переведены въ правленіе академіи. Галузевскій наименованъ правителемъ канцеляріи академіи.

Правленіе.

Въ правленіи академіи въ разсматриваемое время перемѣнъ не произошло. Хозяйственной частью въ званіи совѣтника завѣдывалъ С. А. Ивановъ. Въ 1868 г. его смѣнилъ М. М. Саврасовъ. Онъ служилъ только одинъ годъ и назывался, какъ и всѣ его преемники, завѣдующимъ хозяйствомъ. Въ 1869 г. на его мѣсто на многіе годы опредѣленъ Д. И. Дубницкій.

ГЛАВА V.

Учащіеся.

Стремленія молодежи.

Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія академія превратилась въ самую большую и самую блестящую медицинскую школу въ Россіи. Увлеченіе общества естествознаніемъ приводило логически къ изученію медицины, которую разсматривали, какъ естественную науку.

Рядъ блестящихъ именъ, украшавшихъ нашу школу, заставлялъ предпочитать ее медицинскимъ факультетамъ. Наконецъ немало провинціаловъ желали окунуться въ бурную столичную студенческую жизнь, которая отражала стремленія передовой части общества. Вотъ отчего въ академической аудиторіи встрѣчались люди самыхъ разнообразныхъ стремленій: на ряду съ зеленой молодежью сидѣли лица среднихъ лѣтъ и даже зрѣлаго возраста; смуглый кавказецъ, бѣлый сибирякъ, флегматическій нѣмецъ, полякъ, еврей и. т. д. всѣ соединялись однимъ желаніемъ поработать въ академіи.

Ежегодно къ началу августа болѣе 500 человѣкъ заявляли о желаніи поступить въ академію. Въ срединѣ названнаго мѣсяца начинались провѣрочные экзамены. Хотя они не отличались строгостью, однако далеко не всѣ выдерживали ихъ. Окончившіе гимназію представляли лишь гимназическій аттестатъ; оттого провѣрка знаній производилась лишь семинаристамъ или лицамъ, не имѣвшимъ никакихъ аттестатовъ. Впрочемъ, отъ семинаристовъ были уменьшенныя требованія въ виду плохого знакомства ихъ съ математикой и физикой. На ветеринарное отдѣленіе принимались прошедшіе шесть классовъ гимназіи. Въ число студентовъ фармацевтическаго отдѣленія заносились аптекарскіе помощники. По окончаніи двухлѣтняго курса они допускались къ экзамену на провизора, если представляли свидѣтельство о трехгодичныхъ занятіяхъ въ аптекѣ въ качествѣ аптекарскаго ученика. Ценза для вольнослушателей не существовало. *Пріемъ.*

Общее число студентовъ ежегодно наростало въ теченіе разсматриваемаго періода. На первомъ курсѣ оно доходило до 300, а на послѣднемъ падало до 100 съ лишнимъ. Всѣ учащіеся раздѣлялись на нѣсколько разрядовъ. Казенные или казеннокоштные жили въ академическомъ зданіи въ номерахъ, по четыре въ каждой комнатѣ. Они получали столъ, одежду и книги отъ казны; такихъ счастливцевъ насчитывалось всего 300, изъ нихъ 20 ветеринарныхъ студентовъ. Нѣкоторые молодые люди имѣли возможность платить за свое содержаніе; они тоже жили въ казенномъ зданіи и назывались пансіонерами. Нѣсколько человѣкъ получали стипендіи различныхъ учрежденій или частныхъ лицъ; они относились къ предыдущей категоріи, но оффиціально носили названіе стипендіатовъ. Самый многочисленный разрядъ составляли вольнослушатели. Они заявляли о жела- *Составъ слушателей.*

ніи прослушать полный курсъ наукъ, но чаще всего ихъ интересовали лишь нѣкоторыя лекціи. Такъ какъ у приходящихъ въ аудиторіи билеты не просматривались, то на лекціяхъ находилось немало постороннихъ лицъ и при томъ не только мужчинъ, но и женщинъ. Чрезвычайно много собиралось разношерстной публики на курсахъ Сѣченова и Зинина. Оба профессора увлекали простотой изложенія самыхъ запутанныхъ вопросовъ; ихъ рѣчь изобиловала шутками, вызывавшими хохотъ аудиторіи и поддерживавшими до конца $1^1/_2$ часовой лекціи бодрое настроеніе слушателей.

Общежитіе. Съ 1 сентября 1861 г. общежитіе было закрыто, и находившіеся тамъ студенты перешли въ частныя квартиры; имъ отдали бывшія у нихъ казенныя вещи: одежду, книги и т. д. Съ того времени казеннокоштные получали въ годъ 200, съ 1863 г.—триста рублей. Число этихъ студентовъ, получившихъ названіе стипендіатовъ, понижено до 50. Какъ подобные, такъ и всѣ остальные учащіеся освободились отъ всякаго надзора въ своихъ квартирахъ. На нихъ смотрѣли, какъ на взрослыхъ гражданъ, отвѣтственныхъ за свои поступки передъ закономъ.

Бѣдность. Большинство студентовъ сильно бѣдствовало. Нерѣдко съ большими затрудненіями они добирались до Петербурга въ надеждѣ попасть «на казну», т. е. получить казенную стипендію. Если это не удавалось, то несчастный юноша голодалъ, когда ему не удавалось найти урокъ или какое-нибудь другое занятіе. По свѣдѣніямъ инспекціи «$^3/_7$ студентовъ весьма скуднаго состоянія, $^3/_7$ безъ всякаго опредѣленнаго состоянія, которые, разсчитывая на постороннія занятія или стипендіи, весьма часто ошибаются въ своихъ расчетахъ и чрезъ то несутъ положительно во всемъ нужду, которая доходитъ даже до крайности. Остальная же $^1/_7$ можетъ безъ нужды себя содержать». Селились студенты на окружающихъ академію улицахъ, по нѣсколько человѣкъ въ одной комнатѣ; обѣдали въ сосѣднихъ кухмистерскихъ, гдѣ плата взималась, правда, малая, но кушанья оставляли желать много лучшаго... Немало лишеній выносилъ студентъ, прежде чѣмъ оканчивалъ академію, оттого многіе болѣли и вынуждены были оставить занятія, другіе уходили по различнымъ причинамъ. Вотъ почему до конца ученія добиралась едва $^1/_3$ поступившихъ на первый курсъ.

Занятія.

Занятія въ академіи шли весь день. Лекціи продолжались отъ 8 до 3 час. дня. Съ 4 или съ 5 часовъ происходили практическія занятія въ лабораторіяхъ, кабинетахъ и клиникахъ. Однако не всѣ лекціи посѣщались исправно; немало аудиторій совсѣмъ пустовало; также и на практическихъ занятіяхъ появлялась далеко не бо́льшая часть студентовъ. Кромѣ того работа совсѣмъ останавливалась два раза изъ-за ледохода, во время котораго на Выборгскую сторону было трудно попасть. Помимо этого учебный годъ вообще не отличался продолжительностью, такъ какъ рождественскія и пасхальныя вакаціи длились очень долго. Дубовицкій старался подтянуть и профессоровъ, и студентовъ. Мы уже упомянули, что преподаватели обязались дочитывать до конца свой курсъ по строго опредѣленнымъ программамъ. Конференція постановила въ 1858 г. требовать отъ студентовъ присутствовать на лекціяхъ, записывать ихъ. Въ 1861 г. Дубовицкій опять обратилъ вниманіе конференціи на то, что въ клиникахъ на практическихъ занятіяхъ бываетъ мало студентовъ. Согласились выставлять удовлетворительныя отмѣтки только тѣмъ студентамъ старшихъ курсовъ, которые исправно посѣщаютъ клиники. Рѣшено также построже экзаменовать, давать передержку только тѣмъ, которые получатъ не болѣе одной неудовлетворительной отмѣтки; тѣхъ же, кто имѣетъ таковыхъ двѣ или болѣе, оставлять на томъ же курсѣ на второй годъ; пробывшихъ два года и не оказавшихъ успѣховъ увольнять.

Экзамены.

Всѣ эти мѣры имѣли мало успѣха. Во второмъ полугодіи аудиторіи пустѣли, такъ какъ студенты готовились къ экзаменамъ. Учащіеся жаловались, что испытанія отнимаютъ безполезно много времени. Конференція пошла въ этомъ отношеніи навстрѣчу студенческимъ желаніямъ, и въ 1861 г. оставила только два испытанія: полулѣкарское при переходѣ съ второго на третій курсъ и лѣкарское при окончаніи академіи. Подобная мѣра раньше была принята на медицинскихъ факультетахъ. Тогда же постановлено требовать отъ стипендіатовъ сдачи полулѣкарскаго экзамена послѣ 3 лѣтъ пребыванія въ академіи, лѣкарскаго—послѣ не болѣе 7; для остальныхъ студентовъ соотвѣтствующія числа приняты 4 и 10 лѣтъ. Для оцѣнки отвѣтовъ установлены вмѣсто пятибалльной системы три термина: неудовлетворительно, удовлетворительно и весьма удовлетворительно. Лѣкарскіе экзамены происходили въ концѣ пятаго курса и затѣмъ на шестомъ

году съ 15 сентября по 15 декабря. Теоретическія испытанія производились въ конференцъ-залѣ въ присутствіи представителей военно-медицинскаго управленія и посторонней публики. Удостоенные званія лѣкаря, если они получали казенную стипендію, обязывались прослужить въ военномъ или морскомъ вѣдомствѣ по $1^{1}/_{2}$ года за одинъ годъ стипендіи; тѣ, которые только были освобождены отъ платы за слушаніе лекцій, отслуживали одинъ годъ за два учебныхъ года. Фамилія перваго по отмѣткамъ среди выпускныхъ заносилась на мраморную доску. Остальнымъ, отлично окончившимъ курсъ, выдавались золотыя и серебряныя медали и похвальные листы. Кромѣ того лучшимъ по отмѣткамъ выдавались преміи Буша и Иванова. Нечего и говорить, что число отличныхъ отмѣтокъ зависитъ отъ многихъ случайныхъ обстоятельствъ (отъ знакомства или родства съ профессорами, отъ выпрашиванія отмѣтокъ, отъ умѣнія отчетливо излагать и т. д.), оттого на экзаменахъ не всегда выдвигаются самые знающіе или самые развитые.

Читальня. Учащіеся, какъ люди образованные, чувствовали потребность въ чтеніи. Для удовлетворенія ея они въ складчину выписывали книги и журналы, которые помѣщались въ частныхъ квартирахъ. Съ цѣлью дать возможность всѣмъ товарищамъ пользоваться книгами и періодическими изданіями учащіеся основали читальню. Она сначала находилась въ квартирѣ одного студента, а позже неоффиціально водворилась въ нижнемъ этажѣ лѣваго флигеля главнаго академическаго зданія. Книги помѣщались въ шкапахъ и выдавались на домъ, за это взималась небольшая плата; газеты и журналы раскладывались на столахъ и подоконникахъ. Посѣтителей набиралось всегда очень много и въ читальнѣ бывало тѣсно. Вся обстановка производила впечатлѣніе крайней бѣдности: грязная прихожая, простые длинные столы и табуреты къ нимъ, коптящія 2—3 лампы. Рѣзко выдѣлялись красивые шкапы съ книгами преимущественно медицинскаго содержанія. Это библіотека Дубовицкаго, подаренная студентамъ. Надъ шкапами висѣлъ его портретъ въ красивой рамѣ. Читальней завѣдывало правленіе, состоявшее изъ 10 студентовъ. Для облегченія пріобрѣтенія книгъ въ собственность существовалъ продажный отдѣлъ; здѣсь покупались студентами книги какъ новыя, такъ и старыя, въ разсрочку.

Форма. Въ 1855 г. студентамъ дана новая форма съ высеребренными

пуговицами, на которыхъ нанесенъ гвардейскій орелъ. Полукафтанъ полагался изъ темно-зеленаго сукна, погоны съ красивой выпушкой у стипендіатовъ и безъ выпушки у вольнослушателей, шаровары темнозеленые съ красной выпушкой, шпага безъ темляка, портупея подъ полукафтаномъ. Поверхъ одѣвались шинель или плащъ сѣраго сукна. Фуражка темнозеленаго сукна съ такимъ же околышемъ съ одной (для вольнослушателей) или двумя (для стипендіатовъ) красными выпушками по краямъ. Форма носилась неаккуратно, студенты отличались неряшливостью, по поводу чего Дубовицкій получалъ указанія. Онъ ссылался на бѣдность, препятствовавшую носить приличную одежду. Позже форма сдѣлана необязательной.

Волненія. Господствующее стремленіе общества отражалось на студентахъ. Среди нихъ распространялись запрещенныя сочиненія Искандера (Герцена), Бакунина, Зайцева и др. Изъ незапрещенныхъ авторовъ молодежь особенно зачитывалась Писаревымъ, Добролюбовымъ, Чернышевскимъ и. т. п. Политическія движенія находили отголосокъ въ студенчествѣ, среди котораго образовывались кружки. Нерѣдко возникали волненія, позже принявшія громадные размѣры. Къ счастію Дубовицкій съ профессорами умѣлъ воздѣйствовать на студентовъ и, не прибѣгая къ суровымъ мѣрамъ наказанія, останавливать броженіе. Однако онъ вынужденъ былъ удалить нѣкоторыхъ наиболѣе безпокойныхъ студентовъ. Первыя же волненія въ академіи вызвали въ 1862 г. постановленіе военнаго совѣта: «всѣхъ тѣхъ студентовъ, которые дозволятъ себѣ отступленіе отъ установленныхъ начальствомъ академіи правилъ и, послѣ сдѣланныхъ имъ внушеній и выговоровъ, не исправятся, считать нежелающими подчиняться этимъ правиламъ и потому увольнять». Въ общемъ во время Дубовицкаго академическая жизнь бурлила, но съ полицейской точки зрѣнія не внушала особеннаго безпокойства.

Инспекція. Такое направленіе студенчества въ значительной степени зависѣло отъ инспекціи, которая относилась дружелюбно и тепло къ учащимся, заботилась болѣе о томъ, чтобы помочь молодому человѣку, вывести его изъ опаснаго положенія, отговорить отъ скороспѣлаго и опаснаго рѣшенія. Оттого студенты обращались къ инспектору, какъ къ хорошему товарищу, и очень часто получали помощь—совѣтъ, защиту, денежное пособіе. До 1858 г. инспекторомъ состоялъ полков-

никъ Федоръ Федоровичъ Шенрокъ. По увольненіи его въ отставку за выслугой лѣтъ назначенъ капитанъ Іосифъ Станиславовичъ Мерхелевичъ, служившій до 1868 г. Обоихъ студенты уважали и любили. Помощниковъ инспектора до 1858 г. полагалось четыре, съ этого года прибавленъ пятый. Дубовицкій распредѣлилъ этихъ чиновниковъ по курсамъ такъ, чтобы одинъ и тотъ же помощникъ инспектора велъ свой курсъ, начиная отъ поступленія студентовъ до окончанія ими академіи. Эта мѣра введена съ тою цѣлью, чтобы помощникъ инспектора могъ хорошо познакомиться со студентами одного курса и слѣдить за ними. Составленная конференціей инструкція обязывала только что названныхъ чиновниковъ присутствовать на лекціяхъ и практическихъ занятіяхъ, отмѣчать отсутствующихъ, присутствовать на экзаменахъ съ цѣлью предупредить возможность сдавать экзамены одному студенту за другого, отмѣчать профессоровъ, пропустившихъ лекцію или опоздавшихъ на нее и. т. д.

Отдѣлъ II.

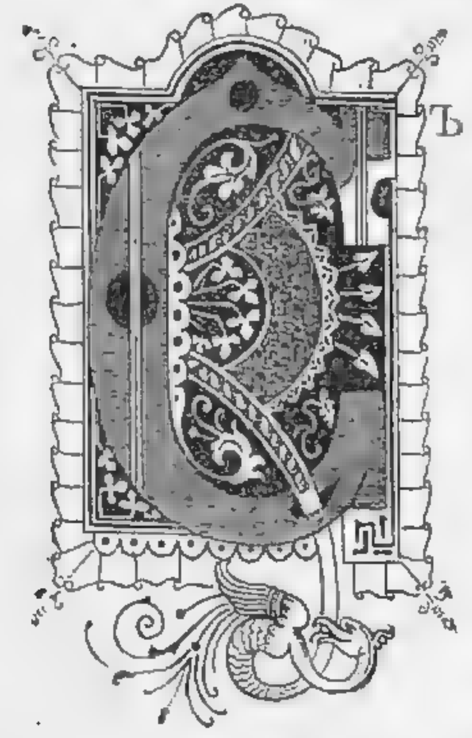
УПАДОКЪ АКАДЕМИИ.

Н. Самокишъ

ГЛАВА VI.

Академическая жизнь.—Преподаватели.

ПОСЛѢ ДУБОВИЦКАГО

Ъ Дубовицкимъ родилась и умерла эпоха великихъ реформъ, смѣлыхъ начинаній, радостныхъ надеждъ. То, что было сдѣлано за короткій десятилѣтній періодъ, давало основаніе надѣяться, что академія не только сравняется съ лучшими медицинскими факультетами, но и станетъ выше нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Тѣ школы, которыя появились въ ней, ставили цѣлью сообщить своимъ питомцамъ современные способы изслѣдованій, принятые на Западѣ; но онѣ внушали увѣренность въ томъ, что придутъ новые люди, которые скажутъ свое новое слово, выработаютъ оригинальное направленіе, неизвѣстное Европѣ. Увы! Всѣ эти гордыя надежды, всѣ подобныя оптимистическія предсказанія оказались неосновательными. Ушелъ Дубовицкій, отлетѣлъ твор-

ческій духъ—и академія быстро стала клониться къ упадку; одно время даже поставили вопросъ о полномъ упраздненіи ея. Правда, нѣкоторыя улучшенія проводились и теперь; но почти всѣ они задуманы и налажены Дубовицкимъ, и его преемникамъ оставалось только привести начатыя дѣла къ благополучному концу.

Упадокъ.

Русскимъ людямъ свойственна наклонность разрушать безъ всякой причины даже то хорошее, что съ большими затрудненіями сдѣлано ихъ собственными руками. Эту черту мы встрѣчаемъ и у Дубовицкаго. Затративъ такъ много труда и здоровья на улучшеніе академіи, онъ затѣмъ охладѣлъ къ ней и къ своимъ сотрудникамъ. Неожиданно онъ занимаетъ въ 1867 г. должность главнаго военно-медицинскаго инспектора. Оставивъ академію, онъ намѣренно создалъ для нея худшія условія существованія, именно подчинилъ ее главному медицинскому инспектору. Послѣдствія этой мѣры скоро дали знать себя. Среди профессоровъ появилось такое же стремленіе къ разрушенію и славы и достоинства родного учрежденія. Вмѣсто того, чтобы продолжать дѣло преобразованія и улучшенія, они погрязли въ партійной злобѣ, увлеклись подсиживаніемъ другъ друга, сплетнями и клеветой. Чтобы лучше справиться со своими врагами или соперниками, они призывали на помощь студентовъ и науськивали ихъ на тѣхъ или другихъ преподавателей. При подобныхъ условіяхъ нормальная жизнь сдѣлалась невозможной. Вотъ главный источникъ тѣхъ печальныхъ событій, о которыхъ мы будемъ далѣе говорить.

Главные в.-м. инспекторы.

Итакъ, съ 1867 г. академія подчинялась главному военно-медицинскому инспектору. Таковымъ оказался съ того же года Дубовицкій. Понятно, сдѣлавши такъ много для нашей школы, онъ сохранялъ къ ней расположеніе и обнаруживалъ готовность приносить ей пользу и впредь. Къ сожалѣнію, въ 1868 г. онъ скончался, и его преемники держались иного направленія. Е. Н. Смѣльскій за три года своего пребыванія въ должности (1868—1871 гг.) обнаруживалъ полнѣйшее равнодушіе къ академіи. Его преемникъ Н. И. Козловъ явился настоящимъ злымъ геніемъ для нашей школы. Будучи врагомъ Дубовицкаго, онъ мстилъ ему тѣмъ, что начатыя раньше преобразованія останавливалъ или направлялъ въ другую сторону, но особенно рѣзко онъ проявлялъ свое нерасположеніе къ оставшейся въ академіи партіи Дубовицкаго. Онъ раздувалъ вражду между профессорами, не спра-

вляясь съ уставомъ, назначалъ профессоровъ, которые не могли попасть въ академію путемъ избранія, велъ интриги противъ начальника академіи съ цѣлью лишить его вліяпія. Онъ же главнымъ образомъ подготовилъ положеніе 1881 года, такъ ухудшившее состояніе академіи. Не добромъ поминаютъ десятилѣтнее (1871—1881 гг.) хозяйничанье Козлова въ нашей школѣ.

Начальники.

Съ уходомъ Дубовицкаго президентъ академіи переименованъ въ начальника. Преемникомъ энергичнаго Дубовицкаго явился семидесятилѣтній старецъ, бывшій профессоръ Павелъ Андреевичъ Нарановичъ. Понятно, въ такомъ преклонномъ возрастѣ онъ не могъ приносить пользу академіи. Въ 1869 г. его смѣнилъ непремѣнный членъ военно-медицинскаго ученаго комитета Николай Илларіоновичъ Козловъ (еврей по рожденію). Въ 1871 г. онъ перемѣщенъ на должность главнаго военно-медицинскаго инспектора. Уходя изъ академіи, онъ желалъ на свое мѣсто посадить одного изъ своихъ друзей, но назначенъ былъ неожиданно ученый секретарь Яковъ Алексѣевичъ Чистовичъ, другъ и сотрудникъ Дубовицкаго. Между Козловымъ и Чистовичемъ завязалась глухая ожесточенная борьба, принесшая такъ много вреда академіи. Козловъ со своими друзьями пользовался всѣми доступными ему средствами съ цѣлью очернить Чистовича, обрисовать его передъ министромъ, какъ неспособнаго администратора. Въ то время безпорядки въ академіи особенно усилились, и Чистовичу, лишенному довѣрія министра, пришлось плохо. Неизданныя записки его, которыми я пользовался, благодаря любезности его сына, проф. Н. Я. Чистовича, показываютъ, что положеніе начальника было крайне непривлекательное. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, служившій въ то время профессоромъ, разсказывалъ, что Козловъ по секрету указалъ ему время, когда Чистовичъ выйдетъ въ отставку. Ясно, что послѣдняя подготовлялась имъ. Въ 1875 г. Чистовичъ оставилъ академію. Преемникомъ ему назначенъ помощникъ главнаго военно-медицинскаго инспектора (Козлова) Александръ Михайловичъ Быковъ. Онъ нѣкоторое время служилъ въ качествѣ посольскаго врача въ Константинополѣ и, вѣроятно, тамъ усвоилъ византійскіе пріемы обхожденія съ людьми, такъ пригодившіеся ему въ академіи. Принявъ ее въ самый критическій моментъ, когда царствовалъ полный хаосъ, Быковъ примѣнилъ особую тактику: онъ всѣхъ успокаивалъ, всѣмъ обѣщалъ, что

только возможно и что невозможно. Никто не могъ вывѣдать отъ него его личное мнѣніе о какомъ-либо вопросѣ, особенно такомъ, который волновалъ академію. Всякій, говорившій съ Быковымъ, выносилъ убѣжденіе, что его собесѣдникъ согласенъ именно съ нимъ. Пишущему эти строки приходилось нерѣдко изумляться, слыша, что въ теченіе одного часа Быковъ соглашается съ воззрѣніями, взаимно исключающими одно другое. При такомъ характерѣ Быковъ не имѣлъ враговъ, но все-таки проводилъ извѣстные взгляды, производилъ давленіе при выборахъ, принималъ мѣры противъ студентовъ, подчасъ очень строгія; но при этомъ личность Быкова какъ то всегда стушевывалась. Въ дѣлопроизводствѣ и хозяйствѣ при немъ царили сухой формализмъ и рутина. Въ 1890 г., достигши 70-лѣтняго возраста, онъ по собственному побужденію оставилъ академію.

Конференція. Съ уходомъ Дубовицкаго снова вспыхнула въ конференціи борьба между партіями, обозначившимися еще въ сороковыхъ годахъ. Теперь, какъ и тогда, война велась на почвѣ націонализма, и потому партіи назывались: русская и нѣмецкая. Строгаго различія по народности между ними не было. Такъ, къ русской партіи принадлежалъ нѣмецъ Груберъ, а къ нѣмецкой такіе «нѣмцы», какъ Балинскій и Манассеинъ. Несогласія обострялись особенно при выборахъ, когда каждая партія хотѣла провести своего кандидата. Нельзя безъ смѣха читать отзывы каждой партіи о своемъ любимцѣ. Если представляетъ свой докладъ нѣмецкая партія, то она доказываетъ, что г. А.—величайшій геній и произвелъ замѣчательныя изслѣдованія. Враждебная партія полагаетъ, что А. не сдѣлалъ ничего, полнѣйшій тупица и не заслуживаетъ каѳедры, а вотъ Б. (ихъ кандидатъ)—дѣйствительно, человѣкъ геніальный. Понятно, такія взаимно исключающія одно другое мнѣнія вызывали безконечные споры и ссоры, доводившіе до неприличныхъ выходокъ. Слабая партія старалась сорвать баллотировку, а когда послѣдняя состоялась, признать ее недѣйствительной. Если избранный утверждался въ должности, то противная ему партія распространяла противъ него всевозможныя сплетни и вооружала студентовъ. Министръ иногда вынужденъ бывалъ вмѣшиваться въ дѣла конференціи и предписывать ей правила поведенія. Такъ, въ 1873 г. онъ выработалъ инструкцію для предотвращенія безпорядковъ при выборахъ, затѣмъ составилъ другую, но ничто не помогало. Безпо-

рядки продолжались и, кромѣ того, совпадали со студенческими волненіями. Наконецъ министръ прибѣгнулъ къ крайней мѣрѣ: 26 ноября 1874 г. конференція была временно упразднена, а для завѣдыванія академіей учреждена временная комиссія. Въ составъ ея вошли: генералъ-адъютантъ Непокойчицкій (предсѣдатель), начальникъ академіи Чистовичъ, Здекауеръ, Карель, Быковъ, Юнге, Боткинъ и инженеръ-генералъ Паукеръ; въ качествѣ членовъ и дѣлопроизводителей назначены: по административной части—Кириллинъ и по учебной—ученый секретарь Ландцертъ. Въ 1876 г. Непокойчицкаго въ качествѣ предсѣдателя замѣнилъ генералъ-отъ-артиллеріи Рѣзвой, а въ 1878 г. послѣдняго—генералъ-адъютантъ Исаковъ. Въ 1876 г. на мѣсто Ландцерта назначенъ ученый секретарь Доброславинъ. Комиссія присуждала ученыя степени, избирала профессоровъ и т. д. и, слѣдовательно, замѣняла конференцію даже въ области чисто учено-учебной. Козловъ въ комиссіи не состоялъ, но онъ ею все таки руководилъ; всѣ важные вопросы онъ рѣшалъ предварительно со своими друзьями—Юнге и Ландцертомъ; затѣмъ предсѣдателя настраивали въ извѣстномъ направленіи и послѣ того уже начинали засѣданіе. При обсужденіи дѣлъ Здекауеръ, Карель и Быковъ были всегда одного мнѣнія съ Ландцертомъ, Боткинъ обыкновенно отсутствовалъ; понятно, что Чистовичъ при подобныхъ условіяхъ оставался въ одиночествѣ и игралъ ничтожную роль. Итакъ, комиссія являлась послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Козлова. 5 февраля 1876 г. возобновились засѣданія конференціи, и дѣятельность комиссіи сильно сократилась, а далѣе и совсѣмъ прекратилась. Къ 1880 г. всѣ дѣла ея были закончены, а затѣмъ она упразднена.

СУДЬБА АКАДЕМІИ

Хаотическое состояніе академіи естественно выдвигало вопросъ: что дѣлать съ этимъ учебнымъ заведеніемъ? Собственно говоря, положеніе академіи оставалось неопредѣленнымъ съ самаго ея учрежденія. Она предназначалась для образованія врачей арміи и флота и съ этой точки зрѣнія являлась военной школой.

Съ другой стороны, отсутствіе медицинскаго факультета въ Петербургѣ обязывало военное вѣдомство принимать въ студенты молодыхъ людей, готовившихся къ карьерѣ гражданскаго врача. И такъ какъ послѣднихъ оказывалось очень много по сравненію съ 50 (позже 200) казенными стипендіатами, то академія, будучи военной

школой по названію, на самомъ дѣлѣ имѣла характеръ гражданскаго медицинскаго факультета. Такое противорѣчіе невольно бросалось въ глаза, и во время происходившихъ въ академіи безпорядковъ военнаго министра упрекали въ томъ, что онъ терпитъ явленія, невозможныя ни въ какомъ военномъ училищѣ. Военное вѣдомство хорошо видѣло ненормальность положенія своей школы, но не знало, что предпринять. Мы видѣли (см. т. I), что въ Западной Европѣ подобныя затрудненія устранены: въ столицахъ большихъ государствъ въ XVIII столѣтіи на ряду съ гражданскими медицинскими факультетами возникли военно-медицинскія школы. У насъ возникновенію въ Петербургѣ двухъ школъ препятствовали отсутствіе денежныхъ средствъ, недостатокъ преподавателей и т. п., и потому разнородныя функціи возлагались на одну школу, но зато окончательный характеръ ея оставался невыясненнымъ, и потому чуть не каждыя десять лѣтъ возникалъ вопросъ: къ какому вѣдомству отнести академію? Этотъ же вопросъ рѣшала особая комиссія, назначенная въ 1874 г. для выясненія причинъ волненій, происходившихъ тогда во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ составъ ея въ качествѣ предсѣдателя входилъ статсъ-секретарь П. А. Валуевъ, въ качествѣ членовъ—семь министровъ, шефъ жандармовъ, государственный контролеръ и главноуправляющій II отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи. Комиссія признала необходимымъ пересмотрѣть уставы высшихъ учебныхъ заведеній съ цѣлью ограничить автономію коллегій и усилить правительственный надзоръ. По поводу академіи возникли пререканія между министромъ народнаго просвѣщенія и военнымъ, обострившіяся вслѣдствіе личныхъ враждебныхъ отношеній обоихъ сановниковъ. Первый изъ министровъ доказывалъ, что академія—гражданская школа, имѣетъ немного казенныхъ стипендіатовъ и потому должна перейти къ министерству народнаго просвѣщенія. Д. А. Милютинъ возражалъ на это, что военному вѣдомству необходима особая медицинская школа, что оно затратило на академію большія средства и потому обязано удержать ее въ своемъ вѣдѣніи. Такъ какъ военный министръ заявлялъ, хотя и неоффиціально, что онъ подастъ въ отставку, если отъ него возьмутъ академію, то комиссія постановила оставить нашу школу попрежнему въ военномъ министерствѣ. Однако Д. А. Милютинъ вынужденъ былъ дать обѣщаніе, что онъ придастъ

академіи военный характеръ и уменьшить число студентовъ. Послѣднему обстоятельству комиссія придавала большое значеніе, такъ какъ она объясняла студенческія волненія скопленіемъ большого числа учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Дальнѣйшая разработка академическаго устава въ указанномъ направленіи была поручена упомянутой выше комиссіи Непокойчицкаго вмѣстѣ съ конференціей. Предварительно затребовали отъ профессоровъ свѣдѣнія о томъ, насколько соотвѣтствуютъ числу учащихся учебныя средства, и на основаніи этихъ данныхъ опредѣлено предѣльное число студентовъ. Затѣмъ, на основаніи указаній министра, выработано временное положеніе 1881 года.

ПОЛОЖЕНІЕ 1869 Г.

Въ теченіе короткаго промежутка времени конференціи пришлось составить два устава съ разными направленіями. Первымъ по времени явилось положеніе 1869 года. Въ него внесены всѣ нововведенія, которыя признаны необходимыми во время Дубовицкаго. Согласно этому положенію, академія подчинена главному военно-медицинскому инспектору; управленіе ею принадлежитъ начальнику. При замѣщеніи каѳедръ, также другихъ должностей по учебной части строго проведено выборное начало. Введены институты приватъ-доцентовъ и врачей, оставляемыхъ для усовершенствованія. Число предметовъ преподаванія значительно увеличено. Число учащихся не ограничено, плата съ нихъ положена по 50 р. въ годъ; студентамъ перваго и второго курса не присвоена какая-либо форма. Этотъ уставъ съ нѣкоторыми ограниченіями дѣйствовалъ до 1881 года.

ПРИКОМАНДИРОВАНІЕ ВРАЧЕЙ.

Съ 1869 г. дѣятельность академіи расширилась, такъ какъ началось ежегодное прикомандировываніе 25 военныхъ врачей для изученія военно-полевой хирургіи. Въ 1870 г. конференція выработала съ этою цѣлью программы преподаванія, а въ 1880 г. подробно выяснена клиническая сторона курсовъ для врачей.

ЖЕНСКІЕ КУРСЫ.

И въ другомъ отношеніи послѣдовало расширеніе круга дѣятельности академіи. Въ 1872 г. при ней учрежденъ «особый женскій курсъ для образованія ученыхъ акушерокъ»—зерно будущаго женскаго медицинскаго института. Курсы въ видѣ опыта устроены на четыре года. Завѣдываніе ими передано начальнику академіи, а ближайшій надзоръ за занятіями—инспектрисѣ. Преподаваніе поручено профессорамъ и приватъ-доцентамъ, которые составляли особое совѣщаніе или конференцію.

Въ виду различныхъ неудобствъ при совмѣстныхъ занятіяхъ курсистокъ со студентами, курсы въ 1876 г. были переведены въ Николаевскій военный госпиталь. Существованіе въ военномъ вѣдомствѣ особыхъ курсовъ для приготовленія женщинъ-врачей съ затратой суммъ военнаго министерства составляло явную несообразность, которая однако объясняется нѣкоторыми обстоятельствами того времени...

Много другихъ нововведеній ожидалось еще въ академіи. Къ сожалѣнію, несчастное стеченіе обстоятельствъ повернуло развитіе ея въ другую сторону.

УЧЕНЫЕ СЕКРЕТАРИ.

Въ теченіе разсматриваемаго періода перемѣнилось нѣсколько ученыхъ секретарей. Балинскаго въ 1868 г. замѣнилъ Рудневъ, который пріобрѣлъ большое вліяніе на ходъ академической жизни. Ужъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ отказался отъ этой должности послѣ столкновенія со студентами. Избранный на его мѣсто въ 1869 г. Чистовичъ былъ образцовымъ ученымъ секретаремъ. Послѣ назначенія начальникомъ его замѣнилъ въ 1871 г. Сорокинъ, но послѣ нѣкоторыхъ недоразумѣній, имѣвшихъ мѣсто въ конференціи, онъ отказался отъ должности въ 1872 г. При выборахъ новаго ученаго секретаря особенно разгорѣлись партійныя страсти. Лишь въ 1873 г. нѣмецкой партіи удалось съ большими затрудненіями провести Ландцерта, который затѣмъ и работалъ въ духѣ своей партіи. Въ 1876 г., послѣ устроенной ему студентами враждебной демонстраціи на диспутѣ, онъ отказался отъ должности. Его смѣнилъ Доброславинъ, бывшій ученымъ секретаремъ три трехлѣтія. Онъ умѣлъ поддерживать ровныя отношенія съ товарищами и начальствомъ. Борьба партій въ его время затихла, а потому его дѣятельность протекла безъ особенныхъ происшествій.

Разсмотримъ перемѣны въ составѣ преподавателей, происшедшія въ теченіе разсматриваемаго періода.

ФИЗІОЛОГІЯ.

Послѣ выхода въ отставку Сѣченова кандидатами на каѳедру физіологіи были представлены: профессоръ С.-Петербургскаго университета Ціонъ (іудейскаго вѣроисповѣданія), проф. физики Кіевскаго университета Шкляревскій, проф. А. Голубевъ и докторъ Устимовичъ. До выбора профессора чтеніе лекцій поручено проф. Зівары-

кипу. Голубевъ и Устимовичъ отказались отъ конкурса и потому слѣдовало дать предпочтеніе одному изъ двухъ кандидатовъ. Надо замѣтить, что Ціонъ предложенъ нѣмецкой партіей, къ которой случайно присоединился Боткинъ, Шкляревскій—русской. Можно было отгадать напередъ, что разборъ трудовъ обоихъ кандидатовъ вызоветъ ожесточенные споры. Такъ и вышло. Комиссія, избранная для опредѣленія достоинствъ конкуррентовъ, состояла изъ представителей русской партіи, отъ нѣмцевъ оказался одинъ Балинскій. Заварыкинъ отъ имени комиссіи представилъ обширный докладъ, въ которомъ «раздѣлалъ» еврея такъ, какъ прилично семинаристу. По его словамъ, Ціонъ круглый невѣжда и глупецъ, не знаетъ четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій, всѣ его научныя работы—сплошное воровство и. т. д. Зато Шкляревскій, кстати сказать, не имѣвшій ни одной работы по физіологіи, выставленъ замѣчательнымъ физіологомъ, обладателемъ проницательнаго ума и т. п. Балинскій представилъ отдѣльное мнѣніе, въ которомъ ставилъ Ціона наряду съ самыми выдающимися физіологами, а работамъ Шкляревскаго не придавалъ никакого значенія. Послѣ безконечныхъ затягиваній состоялось наконецъ баллотированіе, при чемъ избраннымъ оказался Шкляревскій. Начальникъ академіи Козловъ собралъ мнѣнія выдающихся физіологовъ (Клодъ-Бернара, Людвига, Пфлюгера, Гельмгольца и др.) объ обоихъ кандидатахъ. Всѣ отзывы клонились въ пользу Ціона и противъ Шкляревскаго. Тогда военный министръ утвердилъ Ціона въ 1870 г.

Ціонъ.

Илья Федоровичъ Ціонъ былъ прекрасный преподаватель. На лекціяхъ онъ ввелъ многочисленныя демонстраціи, послѣ лекцій занимался практически со студентами. Для желающихъ читалъ особые спеціальные курсы. Но его преслѣдовала партійная ненависть. Его враги толковали о томъ, что въ академіи необходима «христіанская» физіологія. Многочисленныя сплетни сдѣлали свое дѣло: въ 1874 г. студенты устроили Ціону враждебную демонстрацію, заставившую его прекратить чтеніе лекцій, а въ 1875 г.—совсѣмъ выйти въ отставку. Съ 1874 по 1876 г. лекціи читались послѣдовательно Овсянниковымъ, Ворошиловымъ и Тархановымъ. Наконецъ, въ 1876 г. избранъ князь

Тархановъ.

Иванъ Романовичъ Тарханъ-Моуравовъ (Тархановъ). Это былъ превосходный преподаватель, много сдѣлавшій для физіологіи. Подъ его руководствомъ произведено не мало ученыхъ изслѣдованій. Положенію

его въ академіи много мѣшали враждебныя отношенія къ Манассеину, имѣвшему съ нимъ семейные счеты. Однажды я засталъ Манассеина въ большомъ волненіи, приготовляющимся къ американской дуэли съ Тархановымъ; она, впрочемъ, не состоялось благодаря вмѣшательству товарищей. Вслѣдствіе столкновенія съ начальникомъ академіи, Тархановъ оставилъ службу, едва дослуживъ 25-лѣтній срокъ, въ 1895 г.

Гистологія.

Профессоръ Якубовичъ въ 1869 г. по болѣзни оставилъ академію. На вакантную кафедру гистологіи явились два кандидата: профессоръ ветеринарнаго отдѣленія Заварыкинъ и приватъ-доцентъ Голубевъ. Послѣдняго особенно поддерживалъ Сѣченовъ. Выбраннымъ оказался Федоръ Николаевичъ Заварыкинъ. Хвалили его три работы, произведенныя совмѣстно съ Людвигомъ въ Вѣнѣ, но именно то обстоятельство, что одинъ изъ сотрудниковъ—выдающійся ученый, а другой—молодой неопытный врачъ, невольно заставляло спросить: кому собственно принадлежатъ работы? Сѣченовъ въ своей автобіографіи приводитъ письмо Людвига; изъ этого письма явствуетъ, что роль Заварыкина въ производствѣ упомянутыхъ выше работъ была ничтожна. Избраніе Заварыкина и послужило одной изъ причинъ оставленія Сѣченовымъ академіи. Предположенія его о неблагопріятныхъ послѣдствіяхъ избранія вполнѣ подтвердились. Заварыкинъ никогда не находился на уровнѣ современной науки. Его лекціи давали только основныя свѣдѣнія, безъ отношенія къ исторіи предмета или къ медицинѣ. Научная дѣятельность его кафедры все время оставалась ничтожной. Вскорѣ послѣ избранія онъ облѣнился и почти не занимался учеными изслѣдованіями. Единственное нововведеніе, которое онъ заимствовалъ изъ Западной Европы—это повторительные курсы, читавшіеся наканунѣ экзамена. Такъ какъ студенты вносили за такіе курсы довольно значительную сумму, а затѣмъ экзаменовались у того же лектора, то такая плата за труды ничѣмъ не отличалась отъ взятки. Медицинская печать обличила Заварыкина въ незаконномъ сборѣ, и онъ свои «Bitz—kurse» прекратилъ. Несмотря на запущенное состояніе кафедры, конференція избирала его на два пятилѣтія послѣ выслуги имъ 25-лѣтняго срока. Изъ нѣкоторыхъ странностей его отмѣтимъ слѣдующую: онъ купался зимою въ Невѣ, несмотря на сильные морозы.

ХИМІЯ.

Послѣ ухода въ отставку въ 1874 г. Зинина полнымъ замѣстителемъ его сдѣлался извѣстный намъ профессоръ Александръ Порфирьевичъ Бородинъ. Физіологическую химію читалъ адъюнктъ Н. В. Соколовъ. Помощниками состояли: сначала—Зибертъ, съ 1875 г.—П. Г. Голубевъ, нѣсколько позже—А. П. Діанинъ. Даже политическія петербургскія газеты отмѣчали печальный фактъ запустѣнія кафедры послѣ ухода Зинина. Бородинъ мало времени посвящалъ химіи, тѣмъ не менѣе конференція избирала его на новыя пятилѣтія, очевидно, не руководясь интересами науки. Умеръ Бородинъ скоропостижно, во время танцевъ на костюмированномъ балу. По смерти Зинина поставленъ мраморный бюстъ его на лѣстницѣ естественно-историческаго зданія.

ПАТОЛОГИЧЕСКАЯ АНАТОМІЯ.

Послѣ смерти въ 1867 г. Иллинскаго избранъ въ томъ же году профессоромъ Михаилъ Матвѣевичъ Рудневъ, высоко поднявшій значеніе своей кафедры. Необыкновенно дѣятельный, постоянно занятый улучшеніемъ преподаванія, всегда стоявшій на уровнѣ современной науки, онъ привлекалъ на лекціи многочисленныхъ слушателей; нѣкоторые изъ нихъ дѣлались его ближайшими учениками и сотрудниками. Благодаря Рудневу, создалась въ академіи русская школа патолого-анатомовъ, представители которой заняли кафедры въ русскихъ университетахъ. Лекціи студентамъ 3 курса Рудневъ читалъ 3 раза въ недѣлю, вскрытія 1 разъ въ недѣлю производились въ присутствіи третьяго и 2 раза для пятаго курса; кромѣ того, 3 раза въ недѣлю студенты занимались практически патологической гистологіей. Отсюда видно, какъ много труда затрачивалъ профессоръ на преподаваніе. Съ 1872 г. Рудневъ читалъ лекціи слушательницамъ женскихъ курсовъ, основавшихся въ академіи. Въ 1877 г. у него обнаружилась душевная болѣзнь, отъ которой онъ скончался въ слѣдующемъ году. Въ 1881 г. въ аудиторіи, гдѣ онъ читалъ лекціи, поставленъ его бронзовый бюстъ. Сумма, необходимая на соотвѣтствующія издержки, собрана его бывшими учениками и товарищами, при чемъ взносъ принимался не выше одного рубля. Рудневъ женился на извѣстной въ свое время женщинѣ-врачѣ Кашеваровой-Рудневой. Избранный въ 1881 г. на мѣсто Руднева, профессоръ Николай Петровичъ Ивановскій совсѣмъ не походилъ на своего учителя. Излагалъ предметъ вяло, безжизненно, часто пропускалъ лекціи, на практическія занятія не показывался.

Въ 1892 г., неизвѣстно по какимъ соображеніямъ онъ перешелъ на кафедру судебной медицины. Прозекторами при кафедрѣ состояли: съ 1865 до 1869 г.—Рудневъ, до 1871 г.—Оболенскій, съ 1872 г.—Ивановскій. Въ 1876 г. учреждена прозектура въ клиникѣ Вилліе, туда перешелъ Ивановскій, а на его мѣсто при кафедрѣ опредѣлился Бурцевъ. Послѣ избранія Ивановскаго на кафедру прозекторомъ на его мѣсто опредѣлился Виноградовъ.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПАТОЛОГІЯ.

Общую патологію, діагностику и общую терапію долженъ былъ излагать проф. Бессеръ; но занятый практикой, онъ передалъ въ 1868 г. чтеніе діагностики и общей терапіи адъюнкту Эйхвальду, котораго замѣнилъ въ 1875 г. адъюнктъ Манассеинъ, а послѣдняго въ 1876 г.—также адъюнктъ, Чудновскій. Въ 1878 г., послѣ выхода въ отставку Бессера, учреждена особая кафедра общей и экспериментальной патологіи. Профессоромъ въ томъ же году избранъ Викторъ Васильевичъ Пашутинъ. Подъ его руководствомъ произведено немало важныхъ изслѣдованій, поднявшихъ высоко значеніе кафедры. Пашутинъ собственныхъ работъ не производилъ, такъ какъ занимался составленіемъ перваго русскаго учебника общей патологіи. Послѣдній представлялъ родъ энциклопедіи общей патологіи и давалъ подробный критическій обзоръ литературы. Искусствомъ изложенія Пашутинъ не отличался, почему лекціи его плохо посѣщались. Прозекторами при немъ состояли: съ основанія кафедры—Виноградовъ, съ 1881 г.—Костюринъ, съ 1886 г.—Альбицкій.

СУД. МЕДИЦИНА.

Послѣ назначенія Чистовича въ 1871 г. начальникомъ академіи, на кафедру судебной медицины и токсикологіи былъ избранъ профессоромъ Иванъ Максимовичъ Сорокинъ. Онъ организовалъ впервые преподаваніе токсикологіи, но въ общемъ представлялъ изъ себя ничѣмъ не отличавшагося преподавателя, аудиторія котораго всегда пустовала. Ассистентомъ у Чистовича и у него состоялъ Веревкинъ.

ГИГІЕНА.

Съ переходомъ Сорокина на судебную медицину освободилась кафедра гигіены. Ее въ 1871 г. занялъ профессоръ Алексѣй Петровичъ Доброславинъ. Онъ прекрасно излагалъ предметъ, и лекціи его отражали основательное знакомство со всѣми вопросами гигіены. Лабораторія была переполнена докторами, производившими ученыя изслѣдованія. Несмотря на многочисленныя занятія, связанныя съ исправленіемъ должности ученаго секретаря, Доброславинъ посвящалъ много

времени общественной дѣятельности. Онъ составлялъ или разбиралъ проекты санитарныхъ улучшеній, присылавшіеся ему земствами или городскими думами, для выясненія нѣкоторыхъ вопросовъ совершалъ поѣздки въ разныя мѣстности, на съѣздахъ медицинскихъ и земскихъ онъ былъ виднымъ членомъ. Для всесторонняго изученія общественнаго здоровья онъ вмѣстѣ съ Здекауеромъ основалъ общество охраненія народнаго здравія. Съ цѣлью распространенія въ обществѣ основательныхъ свѣдѣній о гигіенѣ имъ основанъ журналъ «Здоровье». Къ сожалѣнію, въ устроенной по его указаніямъ казенной квартирѣ имъ не были замѣчены нѣкоторыя санитарныя упущенія. Когда онъ перебрался въ нее, стали болѣть его домашніе, а затѣмъ и онъ самъ заболѣлъ брюшнымъ тифомъ, отъ котораго скончался въ 1889 г. Для увѣковѣченія памяти Доброславина въ его бывшей аудиторіи поставленъ въ 1892 г. его портретъ. Помощникъ ему назначенъ лишь въ 1882 г. въ лицѣ асистента Ковальковскаго, съ 1887 г. послѣдняго замѣнилъ Мальчевскій.

ФАРМАКОЛОГІЯ.

Вслѣдствіе выхода въ отставку за выслугой лѣтъ Кулаковскаго, на каѳедру фармакологіи въ 1868 г. избранъ профессоромъ Осипъ Викентьевичъ Забѣлинъ. При немъ преподаваніе фармакологіи рѣзко измѣнилось. Въ основу ученія о дѣйствіи лѣкарствъ положенъ химико-біологическій экспериментальный способъ изслѣдованія, тогда еще совсѣмъ новый въ медицинѣ. Множество средствъ, раньше считавшихся очень полезными, теперь послѣ научной провѣрки изгонялось изъ фармакопеи. Многочисленныя изслѣдованія самого Забѣлина и его учениковъ способствовали расцвѣту новой научной фармакологіи. Вмѣстѣ съ Рудневымъ и Богдановскимъ Забѣлинъ издавалъ «Журналъ нормальной и патологической медицины и фармакологіи», а въ 1874 г. основалъ журналъ «Современный лѣчебникъ». Смерть въ 1875 г. положила преждевременный предѣлъ его дѣятельности. Въ академіи очень часто происходило такъ, что послѣ выдающагося профессора появляется замѣстителемъ уступающій ему во всѣхъ отношеніяхъ. То же повторилось и теперь. Въ 1876 г. занялъ каѳедру Петръ Петровичъ Сущинскій. Онъ, правда, держался того же направленія, что и Забѣлинъ, но лабораторіи посвящалъ мало времени. Лекцій часто не читалъ. Дѣла, поступавшія къ нему на разсмотрѣніе изъ конференціи, медицинскаго совѣта и. т. п.,

до крайности затягивалъ. Были случаи, что диссертаціи, переданныя ему для отзыва, не были напечатаны, такъ какъ Сущинскій забросилъ ихъ съ другими бумагами, и затѣмъ не могъ розыскать! Увлекшись завѣдываніемъ Кавказскими минеральными водами, онъ въ 1889 г. оставилъ академію. Штатный помощникъ при кафедрѣ назначенъ съ 1882 г. въ лицѣ ассистента С. А. Попова.

ФАРМАЦІЯ. Занимавшій съ такимъ успѣхомъ кафедру фармаціи, Траппъ оставилъ академію въ 1877 г., и назначенъ непремѣннымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета. Эту должность онъ занималъ почти до самой смерти, послѣдовавшей въ 1907 г. на 93-емъ году жизни. Любопытно, что на одной квартирѣ онъ прожилъ 70 лѣтъ. Смѣнившій его на кафедрѣ профессоръ Александръ Александровичъ Лешъ подтвердилъ своей дѣятельностью указанное выше явленіе: послѣ выдающагося преподавателя избирается ему противоположный по способностямъ и характеру. Лешъ умеръ въ 1889 г. Нѣкоторое время до смерти онъ не могъ говорить и, тѣмъ не менѣе, удерживалъ должность. Ассистентомъ у него до 1888 г. числился Діанинъ, а потомъ Пржибытекъ.

ФИЗИКА. Въ 1873 г. профессоръ Хлѣбниковъ уволился по болѣзни. Ее врачи признали неизлѣчимой и предписали Хлѣбникову полный покой и перемѣну климата. Можетъ быть, благодаря тому, что послушался совѣта, онъ здравствуетъ, когда пишутся эти строки, и пережилъ всѣхъ своихъ врачей. Преемниками ему избраны: кандидатъ естественныхъ наукъ Сергѣй Ивановичъ Ламанскій, для чтенія нѣкоторыхъ отдѣловъ физики, и полковникъ Степанъ Александровичъ Усовъ, для лекцій общей физики. Но Ламанскій въ 1874 г. отказался отъ преподаванія, и единственнымъ представителемъ кафедры остался Усовъ. Онъ излагалъ самые трудные вопросы съ замѣчательнымъ искусствомъ; такъ же хорошо онъ показывалъ опыты, на приготовленіе которыхъ не жалѣлъ времени. Уволенъ въ 1880 г. при закрытіи первыхъ двухъ курсовъ. Помощникомъ у него состоялъ физико-механикъ Соловьевъ.

БОТАНИКА. Профессора Мерклина студенты не любили за его варварскій слогъ и чтеніе лекцій по тетрадкѣ. Въ 1877 г. онъ, не выслуживъ полнаго 30-лѣтняго срока, оставилъ академію. Въ 1878 г. на его мѣсто избранъ Иванъ Парфеновичъ Бородинъ. Вскорѣ онъ вышелъ въ отставку вслѣдствіе закрытія первыхъ двухъ курсовъ.

По уходѣ въ 1869 г. академика Ф. Ф. Брандта на его мѣсто назначенъ читать лекціи профессоръ ветеринарнаго отдѣленія Эдуардъ Карловичъ Брандтъ, въ 1874 г. назначенъ профессоромъ и медицинскаго отдѣленія. Онъ былъ блестящій лекторъ, сопровождавшій свои лекціи многочисленными демонстраціями. Онъ написалъ также много изслѣдованій, за которыя получилъ отъ Парижской академіи наукъ премію Тора, а позже избранъ членомъ-корреспондентомъ этого учрежденія. Его перу принадлежатъ нѣсколько учебниковъ зоологіи и сравнительной анатоміи. Консерваторами при Ф. Ф. Брандтѣ были послѣдовательно Вознесенскій, Гурьяновъ и Памфилъ Ивановъ; послѣдній оставался и при Э. К. Брандтѣ. Ассистентомъ съ 1863 г. состоялъ Э. К. Брандтъ, съ 1884 г.—Біанки и съ 1885 г.—Холодковскій. *Зоологія.*

Согласно положенію 1869 г., курсъ Закона Божія переименованъ въ курсъ богословія, преподаватель попрежнему назывался законоучителемъ. Лекціи читались первому курсу 2 раза въ недѣлю. Съ закрытіемъ первыхъ двухъ курсовъ о. Тихомировъ былъ уволенъ отъ званія преподавателя. *Богословіе.*

Мы отмѣтили перемѣны, имѣвшія мѣсто на теоретическихъ каѳедрахъ. Перейдемъ теперь къ представителямъ практической медицины.

Профессоръ Шестовъ скончался въ 1876 г. Его замѣстителемъ на каѳедрѣ частной патологіи и терапіи избранъ проф. Вячеславъ Авксентьевичъ Манассеинъ. Вскорѣ послѣ полученія каѳедры онъ исхлопоталъ присоединеніе къ ней большой клиники и преподаваніе діагностики и общей терапіи. Впрочемъ, онъ добровольно уступилъ только-что названные предметы, а также часть клиники проф. Чудновскому. Манассеинъ принадлежалъ съ числу самыхъ блестящихъ, энергичныхъ и любимыхъ преподавателей. Говорилъ онъ съ необыкновеннымъ увлеченіемъ и, отличаясь громадной начитанностью, знакомилъ слушателей какъ съ современнымъ состояніемъ извѣстныхъ вопросовъ, такъ и съ исторіей ихъ. При этомъ затрагивалъ предметы гигіены, общей медицины, указывалъ постоянно на высшіе идеалы, къ которымъ долженъ стремиться врачъ, какъ гражданинъ и представитель науки. Любовь къ больному онъ проявлялъ тѣмъ, что почти еже- *Частн. патологія*

дневно обходилъ клинику два раза, утромъ и вечеромъ, между тѣмъ какъ его товарищи-профессора по отношенію къ клиникѣ напоминали рѣдкую птицу, которая кое-когда появится и немедленно скроется. Какъ получившій хорошее воспитаніе и представитель аристократической семьи, Манассеинъ былъ отмѣнно вѣжливъ не только съ докторами и студентами, но и съ больными солдатами; съ послѣдними онъ обращался на «вы». Больнымъ онъ присылалъ лакомства и кушанья отъ своего стола. Всѣ новые способы лѣченія или распознаванія, которые обѣщали успѣхъ, провѣрялись у него въ клиникѣ. Студенты занимались ежедневно по вечерамъ практически подъ руководствомъ ординаторовъ клиники. Много докторовъ и студентовъ производили научныя изслѣдованія; очень многіе, работавшіе въ другихъ академических лабораторіяхъ или клиникахъ, а также въ провинціи, получали отъ него темы для научныхъ трудовъ. Для всѣхъ, желавшихъ посовѣтоваться о какомъ-нибудь научномъ вопросѣ или о своемъ личномъ дѣлѣ, квартира Манассеина была открыта ежедневно. О всѣхъ занимавшихся подъ его руководствомъ онъ заботился буквально, какъ родной отецъ: ободрялъ, исправлялъ сочиненія, старался гдѣ-нибудь пристроить, иногда помогалъ деньгами. Неудивительно, что Манассеинъ сдѣлался центральной фигурой въ академіи. Ни въ одномъ изъ академическихъ учрежденій не производилось столько ученыхъ работъ, ни въ одномъ не скоплялось такъ много занимающихся, ни въ одномъ не встрѣчалось такого заботливаго отношенія къ нуждамъ больного. Не меньшимъ вліяніемъ пользовался Манассеинъ, какъ редакторъ самаго распространеннаго и основаннаго имъ же журнала «Врачъ». Въ немъ онъ смѣло обличалъ злоупотребленія и непорядки и фамиліи виновныхъ всегда называлъ, хотя бы это были его близкіе товарищи. При этомъ онъ всегда ссылался на основанія этики, обязательныя для всѣхъ. Своей литературной дѣятельностью онъ нажилъ себѣ много враговъ. Его упрекали въ пристрастіи, партійности и. т. д., но пишущій эти строки состоялъ 15 лѣтъ постояннымъ сотрудникомъ «Врача», хорошо зналъ его редактора и всегда убѣждался, что нападки Манассеина на разныхъ лицъ имѣли подкладкой исключительно идейныя соображенія. На профессуру Манассеинъ смотрѣлъ, какъ на служеніе правдѣ и наукѣ, и потому утверждалъ, что по окончаніи 25 лѣтъ профессоръ долженъ добровольно покинуть каѳедру, а не

выпрашивать оставленіе на пятилѣтія. Печатая некрологи профессоровъ, онъ безъ стѣсненія указывалъ, что данный профессоръ, удалившись во-время, оставилъ бы по себѣ хорошую память; но, удержавъ должность на пятилѣтки, онъ отсталъ, уронилъ значеніе своей кафедры и загородилъ дорогу молодымъ, свѣжимъ силамъ. Исходя изъ этихъ соображеній, Манассеинъ по окончаніи 25 лѣтъ учебной службы, ушелъ изъ академіи въ 1891 г. Къ сожалѣнію, его примѣръ почти не находилъ послѣдователей. Лица, запустившія кафедру и ничего не дѣлавшія, хлопотали объ оставленіи ихъ на службѣ, и конференція не находила смѣлости отказать въ подобной просьбѣ. Передъ смертью Манассеинъ сдѣлалъ завѣщаніе, въ силу котораго весь капиталъ его по истеченіи извѣстнаго срока долженъ быть переданъ обществу для вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ. Жена Манассеина, Марія Михайловна, была очень ученая женщина, переведшая много сочиненій съ иностранныхъ языковъ, а также написавшая нѣсколько оригинальныхъ книгъ. Она съ успѣхомъ читала публичныя лекціи. Въ «военно-медицинскомъ журналѣ» она много лѣтъ вела отдѣлъ рефератовъ и рецензій. За свою полезную литературную дѣятельность она при жизни мужа (съ которымъ разошлась въ 1879 г.) удостоилась Высочайшихъ наградъ: при Императорѣ Александрѣ III ей назначена пенсія, а послѣ вступленія на престолъ нынѣ благополучно Царствующаго Государя Императора ей выдано 10.000 рублей. Одно время ея вліяніе въ академіи давало себя знать. Помощниками Манассеина при кафедрѣ состояли асистенты: съ 1878 по 1884 г.—Чеснокова, по 1886 г.—Засѣцкій и по 1890 г.—Могилянскій.

Послѣ ухода Бессера преподаваніе діагностики и общей терапіи поручено адъюнкту Юрію Трофимовичу Чудновскому. Самостоятельная кафедра для этихъ предметовъ учреждена въ 1881 г., и лишь съ этого года Чудновскій сдѣлался полнымъ хозяиномъ кафедры. Онъ находился подъ вліяніемъ Манассеина и старался подражать ему, но стоялъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже его. Лекціи его оставляли желать многаго. Онѣ не сопровождались надлежащими демонстраціями, не были такъ хорошо обоснованы данными физики и механики, какъ у Эйхвальда. Многочисленныя ученыя работы клиники касались различныхъ вопросовъ медицины, обходя однако предметы, ради которыхъ существовала кафедра. Клиникѣ Чудновскій посвящалъ немного ДІАГНОСТИКА.

времени, можетъ быть потому, что часто болѣлъ, а, вѣроятнѣе, оттого, что имѣлъ большую практику. Всѣмъ, желавшимъ работать въ его клиникѣ, онъ оказывалъ всякаго рода содѣйствіе. За свой мягкій и привѣтливый нравъ онъ былъ любимъ слушателями и учениками. Въ конференціи однако имѣлъ враговъ, которые не разъ устраивали ему большія непріятности. Умеръ въ 1896 г. Какъ и Манассеинъ, онъ завѣщалъ свой капиталъ обществу для пособія нуждающимся студентамъ академіи. Ассистентомъ у Чудновскаго состоялъ съ 1882 г. Пастернацкій, съ 1891 г.—Явейнъ.

Госпит. терапевтич. клиника.

Преемникомъ Экка на кафедрѣ госпитальной терапевтической клиники явился Эдуардъ Эдуардовичъ Эйхвальдъ. Сынъ академическаго профессора, онъ получилъ прекрасное воспитаніе, имѣлъ хорошую подготовку по естественнымъ наукамъ и, кромѣ того, отличался незаурядной трудоспособностью. При подобныхъ условіяхъ изъ него подъ руководствомъ академическихъ профессоровъ (Здекауера, Экка, Бессера) выработался совершенный клиницистъ. Съ самаго начала своей преподавательской карьеры онъ обратилъ на себя вниманіе, какъ превосходный лекторъ, хорошо владѣвшій словомъ и очень начитанный. Дѣлавшіеся имъ разборы больныхъ давали отчетливыя картины болѣзни. Принявши въ свое завѣдываніе кафедру, онъ кромѣ лекцій студентамъ читалъ также врачамъ; для практическихъ занятій студентовъ онъ устроилъ вечерніе обходы, которые дѣлалъ его ассистентъ. Эйхвальдъ казался настоящимъ художникомъ въ области діагностики; невозможно было лучше его владѣть способами объективнаго изслѣдованія больныхъ. Сдѣлаться великимъ авторитетомъ въ области клиники ему помѣшало... излишнее счастье. Будучи молодымъ человѣкомъ, онъ опредѣлился врачемъ Великой Княгини Елены Павловны и вмѣстѣ съ нею нерѣдко уѣзжалъ за границу; имѣя богатую большую практику, онъ не могъ посвящать много времени клиникѣ. На лекціи онъ пріѣзжалъ раздушенный, съ брилліантами на пальцахъ; это очень не нравилось его слушателямъ, которые иногда его встрѣчали колкими замѣчаніями. У него выработалось какое то высокомѣрное отношеніе ко всѣмъ окружающимъ; къ студентамъ и врачамъ онъ выказывалъ холодную вѣжливость. Оттого его клиника не привлекала желающихъ работать. Въ конференціи, какъ представитель нѣмецкой партіи, онъ позволялъ себѣ рѣзкія выходки; съ нѣ-

которыми профессорами онъ бывалъ даже грубъ. Напр., про Чудновскаго говорилъ, что не знаетъ такого профессора. Указанныя причины помѣшали Эйхвальду занять въ академіи то положеніе, на которое онъ имѣлъ всѣ права. Въ 1883 г., выслуживши 25 лѣтъ, онъ оставилъ академію. Затѣмъ посвятилъ свои силы устройству клиническаго Института Великой Княгини Елены Павловны. Тамъ онъ читалъ лекціи исторіи медицины, которой придавалъ важное значеніе. Умеръ въ 1889 г., на 52-омъ году жизни. Ассистентами у него служили: съ 1874 по 1878 г.—Лешъ, съ 1878 г.—Чемезовъ.

Хирургическая патологія.

Профессора-хирурги смотрѣли на кафедру теоретической хирургіи, какъ на переходную ступень къ достиженію госпитальной кафедры. Поэтому, при первой возможности они ее покидали. Вотъ отчего представители ея мѣнялись довольно часто. Занимавшій ее Заблоцкій-Десятовскій въ 1867 г. перешелъ на кафедру академической хирургической клиники. Въ томъ же году кафедру теоретической хирургіи, которая получила названіе хирургической патологіи, занялъ профессоръ Евстафій Ивановичъ Богдановскій. До него клиники при кафедрѣ не полагалось, и лекціи были вполнѣ теоретическія. Совершенно основательно Богдановскій полагалъ, что голословное описаніе болѣзней и операцій мало полезно, а потому онъ просилъ конференцію дать ему хотя бы одну палату и предоставить выбирать больныхъ для лекцій изъ другихъ клиникъ. Въ 1869 г. онъ получилъ въ завѣдываніе второе хирургическое отдѣленіе клиническаго госпиталя съ кабинетомъ. Теперь преподаваніе хирургической патологіи приняло надлежащій характеръ. Въ этой клиникѣ Богдановскій впервые началъ занятія съ прикомандированными для усовершенствованія хирургами. Въ томъ же 1869 г. Богдановскій перешелъ на кафедру академической клиники, чтеніе хирургической патологіи было поручено адъюнкту Пелехину, а въ 1871 г. избранъ представителемъ ея проф. Николай Васильевичъ Склифасовскій. Въ 1873 г. онъ перешелъ на кафедру академической хирургической клиники, а на его мѣсто перешелъ проф. Павелъ Петровичъ Пелехинъ. Сынъ академическаго профессора, онъ имѣлъ возможность основательно изучить свою спеціальность. Однако, по нѣкоторымъ причинамъ онъ не имѣлъ особеннаго успѣха ни въ преподаваніи, ни въ практикѣ. Подобно Заварыкину, Пелехинъ купался зимою въ Невѣ. Въ 1889 г., по исте-

ченіи 25 лѣтъ службы, баллотировался на пятилѣтіе, но не былъ избранъ.

Ассистентами при кафедрѣ состояли: съ 1869 г.—Коломнинъ, съ 1872 г.—Насиловъ, съ 1880 г.—И. Г. Лебедевъ, съ 1882 г.—В. П. Діанинъ, съ 1883 по 1890 г.—Рубецъ.

Акад. хирургическ. клиника.

Въ 1867 г. профессоръ Нарановичъ, по случаю назначенія на должность начальника академіи, оставилъ кафедру академической хирургической клиники. Ее занялъ Заблоцкій-Десятовскій, удержавшій за собою изъ теоретической хирургіи преподаваніе болѣзней мочеполовой системы, а также завѣдываніе сифилитической госпитальной клиникой. Въ 1869 г. онъ отказался отъ этой кафедры. На его мѣсто избранъ Богдановскій, который уже въ слѣдующемъ году перешелъ на кафедру госпитальной хурургической клиники. Въ 1871 г. приглашенъ Ипполитъ Осиповичъ Корженевскій. Это былъ опытный хирургъ, удачно производившій операціи. Его лекціи носили скорѣе характеръ тѣхъ, которыя нужны 5 курсу: онъ показывалъ много больныхъ, но останавливался на нихъ недолго. Онъ производилъ не мало операцій переливанія крови, но особеннаго успѣха не имѣлъ. Будучи очень добрымъ человѣкомъ, онъ принималъ участіе во многихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ для помощи нѣмымъ, бѣднымъ матерямъ и т. п. Въ 1878 г., по истеченіи 25 лѣтъ службы, баллотировался на пятилѣтіе, но не былъ избранъ. Его мѣсто занялъ проф. Николай Васильевичъ Склифасовскій. Въ то время онъ считался лучшимъ хирургомъ въ Россіи. Слава о его смѣлыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удачныхъ операціяхъ распространилась въ самыхъ глухихъ уголкахъ, оттого больные собирались къ нему изъ всѣхъ губерній. Лекціи читались имъ очень хорошо. Пріятно поражало его вѣжливое обращеніе со студентами, съ больными и съ прислугой, съ которой онъ обращался на «вы». Склифасовскій имѣлъ большую опытность въ военно-полевой хирургіи, такъ какъ участвовалъ въ четырехъ войнахъ и оказалъ большія услуги раненымъ. Къ общему сожалѣнію онъ въ 1880 г. перешелъ въ Московскій университетъ. Причиной ухода выставлялъ недовольство готовившимися въ академіи перемѣнами. Ассистентами состояли: при Корженевскомъ—Фаренгольцъ, при Склифасовскимъ—Кузьминъ.

Госпит. хирургич. клиника.

Послѣ выхода въ отставку Китера въ 1870 г. на кафедру госпитальной хирургической клиники перемѣщенъ профессоръ Евстафій

Ивановичъ Богдановскій, побывавшій до того на всѣхъ другихъ хирургическихъ кафедрахъ. Мрачнаго вида, всегда раздражительный по причинѣ порока сердца, онъ на первый взглядъ производилъ непріятное впечатлѣніе; но болѣе близкое знакомство открывало въ немъ добраго человѣка, глубоко сочувствующаго страждущему. Гуманность заставляла его быть медлительнымъ при выборѣ операціи, она же заставляла подробно изслѣдовать больного, результатомъ чего являлись нерѣдко смѣлые діагнозы, поражавшіе его учениковъ. При распознаваніи онъ всегда руководился данными химіи и микроскопіи. Не обладая даромъ слова, излагалъ просто и кратко. Къ сожалѣнію, довольно рано отсталъ отъ науки, и въ то время, когда Lister'овскій способъ былъ принятъ вездѣ, въ клиникѣ Богдановскаго его ввели лишь, какъ ненужную роскошь или какъ уступку времени. Тѣ смѣлыя операціи, которыя сдѣлались возможными, благодаря Lister'овскому лѣченію, Богдановскій считалъ опасными и иногда даже преступными. Особенно отсталость клиники бросалась въ глаза къ концу службы Богдановскаго. По окончаніи 25 лѣтъ ученой дѣятельности Богдановскій оставленъ былъ на 5 лѣтъ, но этого срока не дослужилъ. Умеръ онъ въ 1888 г. въ клиникѣ во время операціи. На мѣстѣ его смерти повѣшена мраморная доска съ соотвѣтствующей надписью, а въ 1897 г. его ученики поставили около клиники его бронзовый бюстъ. Ассистентомъ у него состоялъ Помпей Яковлевичъ Мультановскій, добрый человѣкъ, опытный хирургъ, сильно запустившій клинику, особенно въ концѣ своей службы.

Съ учрежденіемъ особой кафедры оперативной хирургіи и топографической анатоміи въ 1865 г. возникъ вопросъ о ея замѣщеніи. Изъ двухъ представленныхъ кандидатовъ одинъ (Фаворскій) скончался и потому кафедра осталась въ 1867 г. за вторымъ—Богдановскимъ. Онъ однако въ 1869 г. покинулъ ее, преподаваніе временно поручено Китеру, потомъ Пелехину. Въ 1870 г. кандидатомъ для замѣщенія ея явился Карлъ Федоровичъ Гепперъ, ученикъ Грубера и Китера. Во время франко-прусской войны онъ сопровождалъ Пирогова при осмотрѣ имъ германскихъ госпиталей и много работалъ въ нихъ. По отзывамъ Пирогова, германскаго хирурга Гурльта, Китера, Красовскаго, Ландцерта и многихъ другихъ, онъ въ совершенствѣ изучилъ свою спеціальность. У него однако нашелся крупный недостатокъ—нѣмецкое проис- ОПЕРАТ. ХИРУРГІЯ.

хожденіе. Этого оказалось вполнѣ достаточно, чтобы русская партія (Рудневъ, Богдановскій и друг.) признали его негоднымъ. При выборахъ на адъюнкта его забаллотировали. Однако военный министръ, по представленію Козлова, утвердилъ его въ 1871 г. въ искомомъ званіи. Однако «русскіе» не унимались. Они задались цѣлью лишить кафедру всякаго значенія и уговорили конференцію отнять отъ Гепнера главный предметъ преподаванія—оперативную хирургію. И это постановленіе не было утверждено. Въ 1874 г. Гепнеръ скончался. Въ теченіе слѣдующихъ 7 лѣтъ на кафедрѣ перебывало 5 преподавателей и всѣ они уходили одинъ за другимъ, переходя на другія кафедры. Тутъ мы встрѣчаемъ: Корженевскаго (1874 — 1875 гг.), Пелехина (1875—1878 гг.), Коломнина (1879 г.), опять Пелехина (1880 г.) и наконецъ Насилова (1881 г.). Помощниками временно состояли: Калантаровъ, В. Поповъ, Е. Павловъ и Насиловъ.

АКУШЕРСТВО.

Въ 1876 г. Крассовскій оставилъ академію. Кафедра акушерства гинекологіи была раздѣлена на три самостоятельныя кафедры; изъ нихъ одна предназначена для дѣтскихъ болѣзней и двѣ для акушерства съ гинекологіей. Въ 1877 г. на кафедру клиническаго акушерства и гинекологіи назначенъ Мартынъ Исаевичъ Горвицъ (еврей), на кафедру теоретическаго акушерства и гинекологіи—Кронидъ Федоровичъ Славянскій. Оба получили независимыя клиники. Первый читалъ пятому, второй—четвертому курсу, но Горвицъ исхлопоталъ для себя болѣе чистую академическую клинику, которая предназначалась для 4 курса, а Славянскому предоставилъ госпитальную, относившуюся къ 5 курсу. Гервицъ былъ очень образованный человѣкъ и превосходный ораторъ, умѣвшій шутливыми замѣчаніями поддерживать у слушателей бодрое и веселое настроеніе. Онъ написалъ много работъ. Однако держался стараго направленія, поэтому избѣгалъ операцій и не признавалъ антисептики, считая ее безполезной. При подобныхъ условіяхъ онъ клинику осудилъ на отсталость и безплодіе. Умеръ въ 1883 г. отъ сахарной болѣзни и чахотки легкихъ. Ассистентомъ у него былъ Хржонщовскій. Славянскій прошелъ хорошую школу по патологической анатоміи у Руднева, почему оказался вполнѣ подготовленнымъ преподавателемъ теоретической части своей спеціальности. Новыя ученія въ гинекологіи и акушерствѣ нашли въ немъ ревностнаго послѣдователя, и такое направленіе сказалось благотворно

на его клиникѣ, которая составила себѣ доброе имя многими удачными операціями. По смерти Горвица онъ занялъ его кафедру, но удержалъ за собою госпитальную клинику, т. е. возстановилъ такое отношеніе клиникъ, какое требовалось. Ассистентами у Славянскаго состояли: до 1878 г.—Бредовъ, потомъ—А. И. Лебедевъ.

Вновь учрежденную кафедру дѣтскихъ болѣзней замѣстилъ профессоръ Василій Марковичъ Флоринскій. Въ 1875 г. онъ оставилъ академію. По поводу новаго замѣщенія кафедры завязалась упорная борьба обѣихъ партій, русской и нѣмецкой. Послѣдняя наконецъ увидѣла, что ея кандидатъ (Раухфусъ) не пройдетъ, и посовѣтовала ему отказаться отъ конкурса. Тогда русская партія избрала въ 1876 г. профессоромъ Николая Ивановича Быстрова. Его клиника служила школой, въ которой выработалось немало дѣтскихъ врачей, несмотря на скудный клиническій матеріалъ. Преподаваніе Быстрова оставляло многаго желать. Занятый практикой, онъ не готовился къ лекціямъ, которыя обыкновенно представляли импровизаціи, нерѣдко повтореніе сказаннаго на предыдущей недѣлѣ. Ассистентами состояли: съ основанія клиники—Коровинъ, съ 1886 г.—Якубовичъ. *Дѣтскія болѣзни.*

Профессоръ Балинскій, по окончаніи 25 лѣтъ службы, уволился въ отставку. На его мѣсто въ 1877 г. избранъ профессоромъ душевныхъ и нервныхъ болѣзней Иванъ Павловичъ Мержеевскій. Онъ съ успѣхомъ велъ дѣло, начатое его предшественникомъ. Въ лабораторіи производились экспериментальныя работы съ цѣлью изученія отправленій нервной системы; въ клиникѣ провѣрялись новые способы изслѣдованія и лѣченія. Одно время клиника Мержеевскаго составляла въ Россіи единственное научное учрежденіе, въ которомъ представлялась возможность основательнаго изученія психіатріи и невропатологіи. Неудивительно, что сюда стремились доктора, желавшіе изучить эту спеціальность. Много потрудился также проф. Мержеевскій для постройки новаго зданія для клиники, о которомъ мы еще будемъ говорить. Лекціи его отличались основательнымъ изложеніемъ предмета и сопровождались демонстраціями препаратовъ или больныхъ. Ассистентомъ у Балинскаго и Мержеевскаго состоялъ Дюковъ, позже у Мержеевскаго—Сикорскій, послѣ него—Эрлицкій. *Психіатрія.*

Въ 1866 г. возвратившіеся изъ заграничной командировки доктора Покровскій и Кошлаковъ получили званіе привата-доцентовъ: *Ларингологія. Отіатрія.*

первый—для преподаванія ушныхъ болѣзней, второй—ларингологіи и болѣзней почекъ. Съ указаннаго года и слѣдуетъ считать начало преподаванія этихъ спеціальностей. Мѣсто Покровскаго, уѣхавшаго въ 1867 г. въ Кіевъ, занялъ Насиловъ, но и онъ въ 1869 г. уѣхалъ въ заграничную командировку, почему преподаваніе ушныхъ болѣзней прекратилось. Въ 1870 г. избранъ адъюнктомъ отіатріи Александръ Федоровичъ Пруссакъ, занимавшій съ 1890 г. кафедру въ качествѣ профессора, а въ 1893 г. за выслугой лѣтъ уволенный въ отставку. Димитрій Ивановичъ Кошлаковъ также читалъ лекціи съ 1867 г. въ званіи адъюнкта, а съ 1875 г.—профессора. Въ 1883 г. перешелъ на кафедру госпитальной терапевтической клиники, замѣнивъ Эйхвальда. Оба преподавателя—Пруссакъ и Кошлаковъ—немало поработали для развитія своихъ спеціальностей.

Сифилитическія болѣзни.

Кожныя и сифилитическія болѣзни преподавались проф. Заблоцкимъ-Десятовскимъ, какъ часть хирургіи. Въ 1869 г., по выходѣ его въ отставку, преподаваніе этихъ спеціальностей сдѣлано самостоятельнымъ, причемъ сифилитическія болѣзни предоставлены приватъ-доценту Тарновскому, а кожныя—прив.-доценту Подкопаеву. Въ 1873 г., по смерти послѣдняго, Тарновскому передано преподаваніе и болѣзней кожи. Веніаминъ Михайловичъ Тарновскій приходился Козлову зятемъ и, слѣдовательно, принадлежалъ къ нѣмецкой партіи. Вотъ почему на него обрушились громы русской партіи. Застрѣльщикомъ и здѣсь явился Богдановскій. Разбирая научные труды Тарновскаго, онъ признавалъ ихъ поверхностными, нашелъ даже кощунство, въ утвержденіи Тарновскаго, будто царь Давидъ страдалъ переломъ, а Соломонъ—сифилисомъ. Тѣмъ не менѣе, Тарновскій получилъ званіе приватъ-доцента, но для профессуры было мало шансовъ. Тогда Козловъ уговорилъ министра, съ цѣлью «освѣжить и пополнить личный составъ конференціи», назначить экстраординарными профессорами Тарновскаго, Эйхвальда, Гепнера и Брандта. Всѣ они назначены пока сверхштатными, но съ тѣмъ, чтобы замѣнять штатныхъ по мѣрѣ освобожденія вакансій. Такъ Козловъ провелъ своего родственника въ профессора и вмѣстѣ съ тѣмъ усилилъ въ конференціи милую ему нѣмецкую партію. Тарновскій прекрасно читалъ лекціи, написалъ немало почтенныхъ монографій, но клиникѣ посвящалъ мало времени. Практическихъ занятій со студентами у него почти не существовало,

научные труды изъ его клиники появлялись случайно. Въ конференціи Тарновскій показывался рѣдко. Все вниманіе у него сосредоточилось на частной практикѣ, которая давала ему громадный доходъ. Изъ корыстныхъ цѣлей онъ (человѣкъ бездѣтный) поступалъ даже недобросовѣстно; напр., послѣ отъѣзда его изъ города пріемы у него продолжались, и больные, платя большія деньги, оставались въ увѣренности, что ихъ принимаетъ профессоръ, между тѣмъ какъ вмѣсто него засѣдалъ иногда молодой ординаторъ; отъ учащихся Тарновскій не брезгалъ принимать деньги. Оставляя академію, онъ указалъ студентамъ на необходимость держаться правилъ этики. Жаль, что онъ вспомнилъ объ этомъ лишь въ концѣ своей дѣятельности. Онъ оставилъ академію въ 1901 г. Ассистентомъ у него состоялъ Маевъ, съ 1898 г.—Яковлевъ.

Кожныя болѣзни.

Въ 1875 г. каѳедра кожныхъ болѣзней сдѣлана самостоятельной. Преподавателемъ въ званіи адъюнкта избранъ Алексѣй Герасимовичъ Полотебновъ. Въ томъ же году ему передана часть клиники, находившаяся въ завѣдываніи до того у Тарновскаго. Полотебновъ на лекціяхъ, въ медицинскихъ обществахъ и въ печати жаловался на равнодушіе къ его спеціальности. Кажется, такое холодное отношеніе къ дерматологіи проистекало изъ взгляда на представителя каѳедры, какъ на мало опытнаго и слишкомъ односторонняго клинициста. Свое нерасположеніе конференція доказывала тѣмъ, что не желала избрать Полотебнова хотя бы въ экстраординарные профессора, и такого званія онъ удостоился лишь въ 1890 г. на основаніи устава, уничтожившаго званіе адъюнктовъ, которые были переименованы въ профессоровъ. Съ больными и служащими, даже съ ассистентомъ Полотебновъ обращался крайне грубо, чѣмъ отдалялъ отъ себя студентовъ и докторовъ. Вышелъ въ отставку въ 1894 г.; тогда кожныя болѣзни были отнесены къ каѳедрѣ сифилидологіи.

Ветеринарное отдѣленіе.

Отмѣтимъ въ заключеніе перемѣны въ ветеринарномъ отдѣленіи На мѣсто Равича, скончавшагося въ 1875 г., назначенъ адъюнктъ Аркадій Александровичъ Раевскій. Вслѣдствіе перехода Заварыкина на каѳедру гистологіи въ медицинское отдѣленіе, преподаваніе физіологіи поручено проф. Ціону, а послѣ увольненія послѣдняго—проф. Овсянникову, котораго въ 1875 г. замѣнилъ Устимовичъ; послѣ него съ 1878 г. читалъ проф. Тархановъ. На мѣсто Золотовскаго,

вышедшаго въ отставку въ 1873 г., назначенъ адъюнктъ Викторъ Евграфовичъ Воронцовъ, которому также поручено завѣдываніе хирургической ветеринарной клиникой. Для чтенія частной патологіи и терапіи домашнихъ животныхъ въ 1873 г. назначенъ адъюнктъ Константинъ Федоровичъ Бородулинъ. Въ 1875 г. онъ скончался и на его мѣсто назначенъ магистръ ветеринарныхъ наукъ Николай Фалалеевичъ Колесниковъ. Въ 1873 г. для чтенія гистологіи опредѣленъ адъюнктъ Александръ Ефимовичъ Голубевъ. Въ 1879 г. его замѣнилъ проф. Заварыкинъ. Въ 1873 г. каѳедру зоотоміи занялъ проф. Брандтъ. На мѣсто Стржедзинскаго въ 1875 г. назначенъ для преподаванія зоотоміи Александръ Силычъ Измайловъ въ качествѣ прозектора. Въ 1875 г. вмѣсто умершаго Забѣлина фармакологію читалъ Сущинскій, позже приватъ-доцентъ Гордѣевъ. Вслѣдствіе болѣзни Руднева чтеніе патологической анатоміи поручено адъюнкту Раевскому.

Упраздненіе ветеринарнаго отдѣленія.

Со введеніемъ положенія 1869 г. и дополнительнаго штата 1871 г. преподаваніе въ ветеринарномъ отдѣленіи вполнѣ наладилось. Комплектъ преподавателей оказался полнымъ, клиники и кабинеты были въ надлежащей степени снабжены учебными пособіями. Кромѣ того въ 1873 г. закончено новое зданіе, въ которомъ размѣстилось ветеринарное отдѣленіе. Увы! Смерть незамѣтно подкралась къ этому учрежденію. Въ виду преобразованія академіи въ 1879 г. возникъ вопросъ: что дѣлать съ ветеринарнымъ отдѣленіемъ? Такъ какъ оно выпускало ветеринаровъ не только для военнаго вѣдомства, но и для министерства внутреннихъ дѣлъ, то было созвано совѣщаніе, въ которомъ, кромѣ академическихъ профессоровъ, присутствовали члены ветеринарнаго комитета и представитель главнаго медицинскаго управленія. Совѣщаніе пришло къ заключенію, что ветеринарный институтъ необходимъ, что онъ долженъ сохранять попрежнему связь съ академіей, но что число слушателей необходимо сократить. Нѣсколько зловѣщимъ казалось заявленіе представителя главнаго медицинскаго управленія, что военному вѣдомству этотъ институтъ не нуженъ. На основаніи постановленія, изложеннаго совѣщаніемъ, былъ составленъ проектъ положенія о военно-ветеринарномъ институтѣ. Временная комиссія, управлявшая академіей, находила существованіе особаго института при академіи неудобнымъ и предложила упразднить его, а для надобностей военнаго вѣдомства имѣть въ провинціальныхъ вете-

ринарныхъ институтахъ извѣстное число стипендій. Предположенія комиссіи военнымъ министромъ найдены основательными, и ветеринарное отдѣленіе въ 1880 г. закрыто.

ОТДѢЛЕНІЕ ФАРМАЦІИ

Съ 1869 г. стало чахнуть и затѣмъ совсѣмъ закрылось вслѣдствіе недостатка слушателей фармацевтическое отдѣленіе. Со времени введенія положенія 1869 г. сюда принимались лишь фармацевты съ полнымъ гимназическимъ образованіемъ, но таковыхъ было очень трудно найти. Оттого отдѣленіе фармаціи мало-по-малу совсѣмъ опустѣло и въ 1881 г. было закрыто.

ГЛАВА VII.

Преподаваніе. Учащіеся.

Съ чувствомъ удовлетворенія приходится отмѣтить нѣкоторыя весьма значительныя перемѣны къ лучшему въ состояніи учебныхъ пособій и преподаванія. Самыя важныя нововведенія задуманы или начаты Дубовицкимъ, и его преемникамъ оставалось лишь заботиться о благополучномъ окончаніи дѣла.

АНАТОМИЧЕСКОЕ ЗДАНІЕ.

Новое анатомическое зданіе, на которое Дубовицкій получилъ согласіе въ 1860 г., окончено въ 1871 г., и тогда же особая комиссія изъ профессоровъ распредѣлила помѣщенія между кафедрами. Зданіе имѣло хорошій видъ, комнаты были просторныя и свѣтлыя; но водоснабженіе, отопленіе, освѣщеніе и особенно провѣтриваніе отличались многими недостатками. Расходы на постройку и оборудованіе зданія показаны инженерами очень большіе; напр., на одну постановку мебели (помимо пріобрѣтенія ея) пошло будто бы 6.000 рублей, на шторы въ окнахъ—1.082 р., на перевозку чучела и скелета слона изъ стараго зданія—около 700 р. и. т. д.

АНАТОМІЯ.

Въ новомъ зданіи размѣстилось нѣсколько кафедръ. Значительную часть лѣвой половины его заняли кафедры описательной и практической анатоміи. Для первой отведено нѣсколько комнатъ (въ двухъ этажахъ), приспособленныхъ для профессорскаго кабинета, прозекторской, музея и для занятій студентовъ. Послѣдніе однако здѣсь не работали. Проф. Ландцертъ читалъ лекціи первому и второму курсамъ, а съ 1875 г.—только первому. Представителемъ кафедры прак-

тической анатоміи былъ проф. Груберъ, праздновавшій въ 1872 г. двадцатипятилѣтіе своей преподавательской дѣятельности. У него студенты второго курса занимались практически ежедневно отъ $3^1/_2$ до $7^1/_2$ час. вечера. Препаратъ выдавался группѣ изъ 6 студентовъ, которые послѣ вызова немедленно являлись. Занятія ихъ провѣрялись Груберомъ лично; съ этой цѣлью онъ ежедневно раза 2—3 устраивалъ перекличку вызваннымъ студентамъ. Окончивъ препаратъ, занимающіеся показывали его Груберу или его ассистентамъ, а затѣмъ подвергались экзамену изъ области, къ которой относился препаратъ. Во время болѣзни Груберъ экзаменовалъ въ своей квартирѣ, иногда лежа въ кровати. Студентовъ на курсѣ насчитывалось свыше 300, препарированіе и экзамены производились съ извѣстной послѣдовательностью и растягивались на весь годъ, такъ какъ каждая группа представляла нѣсколько препаратовъ. Понятно, что при подобныхъ условіяхъ сильно страдали посѣщенія лекцій и практическія занятія по другимъ предметамъ. Кромѣ того у Грубера занимались практически и экзаменовались выпускные студенты, прикомандированные врачи и лѣкари, ищущіе степени доктора медицины. Несмотря на большое скопленіе работающихъ, хватало труповъ на всѣхъ, благодаря поступленію анатомическаго матеріала изъ городскихъ больницъ. Прозекторами при Груберѣ состояли: до 1868 г.—Гепнеръ, съ 1868 г.—Лесгафтъ, съ 1869 г. по 1872 г.—Ермолаевъ, съ 1872 г.—Таренецкій. Съ 1871 г. негласнымъ сверхштатнымъ прозекторомъ сдѣлался Лесгафтъ, который лишился профессуры въ Казани вслѣдствіе непочтительнаго отношенія къ мѣстной администраціи. Въ 1878 г. онъ получилъ мѣсто второго прозектора.

Общая патологія.

Въ 1879 г. русская партія, отчасти съ цѣлью освободиться отъ Ландцерта, провела въ конференціи постановленіе объ упраздненіи кафедры описательной анатоміи. Помѣщеніе послѣдней заняла вновь учрежденная кафедра общей экспериментальной патологіи. Совершенно случайно новая кафедра расположилась въ центрѣ заразы, а между тѣмъ опыты на животныхъ требовали особой чистоты воздуха и всѣхъ вообще предметовъ; и понятно, что раны у животныхъ протекали всегда плохо. Пашутинъ читалъ лекціи 3 курсу, практическихъ занятій со студентами у него не полагалось. Но помѣщеніе для кафедры оказалось тѣсно, такъ какъ работающихъ докторовъ у него всегда

собиралось много. При его преемникѣ научная дѣятельность кафедры пала до нуля, и помѣщеніе снова сдѣлалась просторнымъ.

ПАТОЛ. АНАТОМІЯ.

На правой половинѣ анатомическаго зданія расположилась кафедра патологической анатоміи. Рудневъ читалъ лекціи 3 курсу, а вскрытія производилъ 2 раза студентамъ пятаго и 1 разъ въ недѣлю студентамъ третьяго курса. Практическія занятія микроскопіей велись съ третьимъ курсомъ 3 раза въ недѣлю, отъ 5 до 7 час. вечера. Въ виду недостаточности отпускаемой на содержаніе кабинета суммы пріобрѣталось различныхъ вещей очень немного. Музей обогащался препаратами, поступавшими отъ вскрытій. При Ивановскомъ характеръ занятій остался такой же.

ОПЕРАТ. ХИРУРГІЯ.

Около патологической анатоміи пріютилась въ небольшомъ помѣщеніи оперативная хирургія съ топографической анатоміей. Этотъ предметъ читался 4 курсу, практическихъ занятій почти не существовало. Лишь въ 1871 г. сдѣлана попытка ввести обязательныя занятія для 5 курса, но они наладились лишь съ 1879 г. Музей пополнялся очень плохо. Значительныя коллекціи собрали Гепнеръ, Калантаровъ и Якобсонъ.

СУД. МЕДИЦИНА.

Центральную часть зданія заняла кафедра судебной медицины. До 1873 г. лекціи читались 4 курсу, а съ только что указаннаго года—пятому. Студенты же 5 курса присутствовали при судебно-медицинскомъ изслѣдованіи воинскихъ чиновъ въ судебно-медицинскомъ отдѣленіи госпиталя. Профессоръ или его ассистентъ производили вскрытія. Можно было бы получать изъ городскихъ больницъ громадный матеріалъ, но профессора Сорокинъ и позже Ивановскій довольствовались 50—60 трупами въ годъ, отчасти въ виду недостатка помощниковъ, отчасти по причинѣ недостатка времени. Музей ими почти не пополнялся. Съ 1890 г. при кафедрѣ положены прозекторъ и помощникъ ему, но дѣятельность кафедры отъ этого увеличилась незначительно.

ГИСТОЛОГІЯ.

Около кафедры патологической анатоміи помѣстилась кафедра гистологіи и эмбріологіи. Лекціи читались первому курсу, практическія занятія велись со вторымъ. Музея при кафедрѣ почти не существовало.

ФИЗІОЛОГІЯ.

Физіологическій кабинетъ расположился въ нижнемъ этажѣ правой половины зданія и занималъ пять комнатъ. Главнѣйшіе приборы

пріобрѣтены Ціономъ. Онъ же устроилъ практическія занятія со студентами по вечерамъ, однако необязательныя. Вообще говоря, практическія занятія физіологіей не наладились по настоящее время, хотя съ 1880 г. при кафедрѣ полагается прозекторъ. Лекціи всегда читались второму курсу.

Зоологія. Надъ физіологическимъ кабинетомъ 5 комнатъ (позже 7) занималъ зоологическій кабинетъ и музей. Лекціи читались первому и второму курсамъ. Обязательныхъ практическихъ занятій не полагалось.

Эпизоотологія. Лекціи эпизоотологіи проф. Раевскій читалъ 5 курсу въ ветеринарномъ зданіи, при чемъ показывалъ больныхъ животныхъ. Для оканчивающихъ изученіе медицины этотъ предметъ былъ весьма полезенъ, такъ какъ знакомилъ практически съ областью сравнительной патологіи. Послѣ закрытія ветеринарнаго института лекціи сдѣлались теоретическими и почти не посѣщались студентами. Для кабинета отвели двѣ большія комнаты на верхнемъ этажѣ правой половины анатомическаго зданія.

Въ занимающемъ насъ зданіи на правой и лѣвой сторонѣ устроили большія аудиторіи и одну поменьше въ центральной части, послѣднюю— исключительно для лекцій судебной медицины. Эпизоотологія читалась въ кабинетѣ при кафедрѣ вслѣдствіе ничтожнаго числа слушателей.

Гигіена. Въ анатомическомъ зданіи нѣкоторое время находился кабинетъ кафедры гигіены. Онъ собственно возникъ въ 1872 г. и занималъ тогда небольшую комнатку около физической аудиторіи. Уже въ 1873 г. Доброславинъ устроилъ здѣсь практическія занятія, которыя первое время предназначались для небольшого числа студентовъ. Такія занятія сначала назначались одинъ разъ въ недѣлю послѣ лекціи, позже три раза. Благодаря настойчивымъ просьбамъ Доброславина ему отвели въ 1878 г. четыре комнаты надъ помѣщеніемъ кабинета судебной медицины. Здѣсь Доброславинъ устроилъ особую небольшую аудиторію, такъ какъ студентовъ приходило на лекціи не особенно много, и лабораторію, которая была всегда переполнена работающими докторами. Въ 1880 г. при упраздненіи ветеринарнаго института Доброславинъ исхлопоталъ передачу подъ гигіеническую лабораторію отдѣльнаго двухэтажнаго зданія, въ которомъ помѣщалась ветеринарная кузница. Верхній этажъ предназначенъ для квартиры профессора, а въ ниж-

немъ устроены аудиторія, кабинетъ ассистента и четыре большихъ комнаты для лабораторіи. Съ 1883 г. кафедра помѣщалась въ перестроенномъ заново зданіи и была снабжена всѣми необходимыми пособіями; между прочимъ въ ней устроенъ дорогой респираціонный аппаратъ Петтенкофера для опытовъ надъ людьми. Къ сожалѣнію, зданіе оказалось сырымъ, холоднымъ и имѣло кромѣ того много другихъ недостатковъ, почему потребовались различныя ремонтныя работы, не всегда приводившія къ желанной цѣли. Лекціи гигіены читались четвертому курсу; но такъ какъ студенты посѣщали ихъ неохотно, отвлекаемые клиникой, то съ 1882 г. преподаваніе гигіены перенесено на третій курсъ.

Въ естественно-историческомъ зданіи остались кабинеты и лабораторіи кафедръ физики, химіи, минералогіи, фармаціи и фармакологіи. Практическія занятія хорошо наладились только по аналитической химіи, по остальнымъ изъ только что названныхъ наукъ объ устройствѣ ихъ лишь мечтали. Ботаническій кабинетъ помѣщался въ особомъ зданіи около оранжерей и ботаническаго (академическаго) сада.

Роскошная Михайловская клиническая больница баронета Вилліе *КЛИНИКА ВИЛЛІЕ.* окончена постройкой въ 1873 г. и въ слѣдующемъ году передана академіи. Въ томъ же 1873 г. утверждены уставъ и штатъ ея. Въ 1876 г. построены еще около нея домъ для опытовъ надъ животными, секціонный залъ и домъ для сторожей, въ 1887 и 1888 гг. каменное двухъэтажное зданіе для служителей. Управленіе больницей ввѣрено завѣдующему, отдѣльныя клиники предоставлены вѣдѣнію профессоровъ. Дѣла по управленію и довольствію подлежали обсужденію въ хозяйственномъ комитетѣ, состоявшемъ изъ одного профессора, одного ассистента и завѣдующаго больницей, подъ предсѣдательствомъ начальника академіи. По русскому обычаю штатъ служащихъ составленъ на основаніи личныхъ соображеній душеприказчиковъ Вилліе, которые желали устроить на теплыхъ мѣстечкахъ близкихъ имъ людей. О веденіи хозяйства въ больницѣ всегда ходили слухи, крайне неблагопріятные для завѣдующихъ этимъ учрежденіемъ. Какъ доходна была ихъ должность, видно изъ слѣдующаго примѣра. В. А. Лагранжъ не получилъ образованія и началъ службу бѣднымъ канцелярскимъ служителемъ. По занятіи должности завѣдующаго онъ зажилъ бариномъ: имѣлъ свои дома, дачи; въ 1888 г. ему принадле-

жала въ Симбирской губерніи 8.531 десятина земли! Впрочемъ, его отдали подъ судъ и обвинили въ разныхъ злоупотребленіяхъ. Его преемники такъ же быстро богатѣли, какъ только принимали должность. Очевидно, она была изъ «хлѣбныхъ».

Отдѣльн. клиники. Клиническая больница построена на 150 кроватей, изъ нихъ 30 платныхъ. Въ нее перешли пять академическихъ клиникъ для четвертаго курса. Для терапевтической клиники и хирургической отведено по 40 кроватей, изъ нихъ 10 для женщинъ; для акушерской—30, для окулистической и дѣтской—по 20. Большое преимущество академіи въ то время состояло въ томъ, что студенты, слушая на третьемъ курсѣ систематическія теоретическія лекціи, видѣли больныхъ, посѣщали клиники. Перейдя на четвертый курсъ, они ужъ окончательно освоивались съ клиникой, чему помогали кромѣ лекцій амбулаторные пріемы, обходы палатъ ординаторами, кураторство. Особенно многочисленны были амбулаторные пріемы при терапевтической, хирургической и окулистической клиникахъ. При клиникѣ Боткина довольно хорошая лабораторія устроена для химическихъ изслѣдованій и для экспериментальныхъ работъ. Съ 1873 г. учреждена при этой, также при другихъ, находившихся въ томъ же зданіи, должность ассистента. При клиникѣ Боткина возникло кромѣ того преподаваніе нѣкоторыхъ особыхъ предметовъ: болѣзней уха, носа, гортани, почекъ, нервной системы и проч. Въ хирургической клиникѣ также кипѣла работа. Корженевскій и послѣ него Склифосовскій старались расширить амбулаторные пріемы, дававшіе богатый матеріалъ. Оттого оперировались самые разнообразные случаи. Обстановку и расположеніе акушерско-гинекологической клиники при Горвицѣ нельзя назвать вполнѣ удовлетворительными. Операціонная служила также амбулаторіей и для занятій на фантомѣ и потому не отличалась особой чистотой. Родильный покой не изолировали, и онъ подвергался опасности зараженія. Окулистическая клиника, по ходатайству Юнге, раздѣлена на женскую и мужскую половины, по 10 кроватей въ каждой. Занятія въ ней шли менѣе успѣшно, чѣмъ въ другихъ, такъ какъ Юнге отдавалъ ей мало времени и всю работу свалилъ на ассистента и ординаторовъ. Дѣтская клиника страдала крупнымъ недостаткомъ—отсутствіемъ заразнаго отдѣленія. Поэтому профессоръ не имѣлъ возможности показать самый важный отдѣлъ педіатріи.

НЕДОСТАТКИ.

Вообще зданіе больницы не вполнѣ соотвѣтствовало той цѣли, ради которой возведено. Клиники не отдѣлялись строго одна отъ другой, оттого зараза свободно разносилась по всему зданію. Для клиникъ закрыта возможность расширяться по мѣрѣ увеличенія числа больныхъ. Оттого во всѣхъ клиникахъ жаловались на тѣсноту и невозможность устроиться такъ, какъ требуютъ интересы науки. Странно, что строители и заинтересованные профессора не приняли установившагося въ то время въ Западной Европѣ типа павильонной постройки. При подобныхъ условіяхъ каждая клиника представляла бы отдѣльное зданіе, къ которому со временемъ примыкали бы различныя пристройки.

ГОСПИТАЛЬ.

Стремленіе примѣнить находящійся при академіи госпиталь для клиническихъ цѣлей нашло осуществленіе въ положеніи о немъ 1869 года. Отнынѣ онъ получилъ названіе клиническаго; назначеніе его, согласно положенію, состоитъ въ практическомъ приготовленіи къ военно-медицинской службѣ студентовъ и прикомандированныхъ военныхъ врачей. Въ немъ опредѣлено 9 клиническихъ отдѣленій: два терапевтическихъ (175 кроватей), два хирургическихъ (175), глазное (40), сифилитическое (50), сыпное (40), для женскихъ болѣзней и родильницъ (50), судебно-медицинское (20), запасное (50). Къ госпиталю относились также фармацевтическое отдѣленіе и клиника душевныхъ болѣзней. 400 мѣстъ назначено для лицъ военнаго вѣдомства (въ томъ числѣ 40 офицерскихъ и 10 для благородныхъ женщинъ) и 200 для гражданскихъ больныхъ по выбору профессоровъ, въ томъ числѣ 100 платныхъ и 100 безплатныхъ. Распредѣленіе мѣстъ для гражданскихъ больныхъ по клиническимъ отдѣленіямъ предоставлено конференціи, а пріемъ—завѣдующимъ отдѣленіями профессорамъ. При всѣхъ отдѣленіяхъ положены кабинеты профессоровъ. Въ помощь профессорамъ опредѣлены постоянные ассистенты, назначаемые конференціей и подчиненные главному врачу. Профессора ужъ не состоятъ старшими ординаторами и предназначены исключительно для преподаванія и лѣченія, почему подчинены академическому начальству. На основаніи положенія составился постоянный штатъ, очень небольшой: главный врачъ, два помощника его, 8 профессоровъ, 8 ассистентовъ и 30 институтскихъ врачей. Для 600 больныхъ приходилось докторовъ мало. Но на помощь являлось множество

военныхъ и гражданскихъ прикомандированныхъ врачей, исполнявшихъ обязанности ординаторовъ. При подобномъ устройствѣ госпиталя большинство мѣстъ предоставлено военнымъ чинамъ, у которыхъ болѣзни не отличались разнообразіемъ. Конференція просила увеличить число безплатныхъ гражданскихъ мѣстъ. Это ходатайство было удовлетворено. Въ 1881 г. прибавлено еще 50 безплатныхъ гражданскихъ мѣстъ. Но клиническій матеріалъ попрежнему страдалъ однообразіемъ. Поэтому въ 1879 г. предоставлено профессорамъ право выбирать больныхъ изъ гражданскихъ больницъ и лѣчебныхъ учрежденій попечительнаго совѣта, при чемъ профессора обязывались состоять безплатными консультантами при этихъ больницахъ. Почему то эта прекрасная мѣра осталась невыполненной. Въ 1879 г. въ штатѣ военныхъ госпиталей назначены сестры милосердія Краснаго креста. Въ клиническій госпиталь опредѣлены 6 штатныхъ сестеръ общины Св. Георгія и столько же сверхштатныхъ. Въ 1881 г. конференція распредѣлила больныхъ по клиникамъ нѣсколько иначе, чѣмъ полагалось по положенію 1869 года; при этомъ клиникѣ діагностики и общей терапіи отведено 30 кроватей.

НЕДОСТАТКИ.

Общее состояніе госпиталя оставалось попрежнему неудовлетворительнымъ. Уходъ за больными оказывался довольно плохимъ. Въ докладѣ, представленномъ въ конференцію въ 1878 г., комиссія изъ профессоровъ утверждала, что «въ настоящее время даже больные изъ самыхъ невзыскательныхъ низшихъ классовъ населенія избѣгаютъ поступать въ клиническій госпиталь, зная, что ихъ тамъ ожидаетъ до-нельзя дурная, грубая, часто пьяная и всегда неумѣлая прислуга, плохое, грубое бѣлье, не всегда удовлетворительная пища». Въ слѣдующіе годы поводы къ жалобамъ не устранили; недостатки госпиталя обозначились въ еще болѣе значительной степени.

БИБЛІОТЕКА.

Академическая библіотека помѣщалась въ главномъ зданіи. Вслѣдствіе крайней тѣсноты въ ней Дубовицкій ходатайствовалъ о перемѣщеніи ея въ другое болѣе удобное мѣсто. Страннымъ образомъ онъ остановился на тѣхъ залахъ госпиталя, которыя освободились послѣ перевода нѣкоторыхъ кафедръ въ анатомическій институтъ. Эти залы перестроили, деревянные полы замѣнили цементными, и въ 1877 г. сюда переведена библіотека. Такимъ образомъ богатое собраніе книгъ размѣстилось въ мѣстѣ самомъ опасномъ въ пожарномъ отношеніи.

Выяснилось, что при возникающихъ почти ежегодно пожарахъ въ госпиталѣ библіотека, какъ наполненная самымъ горючимъ веществомъ, подвергается большой опасности. Въ 1881 г. для быстраго тушенія могущаго быть пожара въ библіотекѣ поставлены маленькіе огнегасители, а надъ потолкомъ устроенъ большой бакъ съ водой. Конечно, отъ этого возможность пожара нисколько не ослабѣла. Другой недостатокъ библіотечныхъ залъ состоялъ въ томъ, что при ежегодномъ увеличеніи книгохранилища и неизбѣжномъ переполненіи его не было возможности расширить помѣщеніе. Такой случай имѣлъ мѣсто въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Случайно помогло дѣлу переведеніе хирургическаго музея въ бывшій ветеринарный институтъ. Освободившіяся залы музея отошли подъ библіотеку.

КАТАЛОГЪ.

Для богатаго собранія книгъ въ библіотекѣ не существовало каталога, что представляло большія затрудненія для занимающихся въ ней. Этотъ пробѣлъ пополнили изданіемъ систематическаго каталога, надъ составленіемъ котораго работала особая комиссія. Каталогъ долженъ былъ представлять перечень имѣющихся не только книгъ, но и журнальныхъ статей. Къ сожалѣнію, изданіе не окончено. Напечатаны всѣ части книжнаго отдѣла и около трети журнальнаго,—всего 5 томовъ. Съ выходомъ въ свѣтъ каталога выяснилось, что въ библіотекѣ имѣется очень мало русскихъ сочиненій. Для пополненіе ихъ предлагались разныя мѣры, но всѣ онѣ оказались непрактичными, такъ какъ имѣли цѣлью пріобрѣтеніе книгъ безплатно. Наиболѣе полезнымъ явилось бы ассигнованіе денежной суммы на пріобрѣтеніе не хватающихъ книгъ, но именно денегъ у конференціи и не находилось.

БИБЛІОТЕКАРИ.

На мѣсто ушедшаго въ отставку Никитина на должность библіотекаря въ 1872 г. избранъ Манассеинъ. Онъ много поработалъ съ цѣлью ввести порядокъ въ библіотекѣ и увеличить число пріобрѣтаемыхъ книгъ. Имъ составлена инструкція, опредѣлившая обязанности служащихъ и права посѣтителей, увеличенъ обмѣнъ изданіями съ различными учрежденіями и т. д. Многаго онъ не имѣлъ возможности выполнить, такъ какъ у него состояли всего два помощника да и тѣ работали немного. Въ 1879 г. комиссія, управлявшая академіей, закрыла студенческую читальню, а книги изъ послѣдней приказала принять Манассеину. Онъ отказался исполнить распоряженіе и уволился отъ должности библіотекаря. Послѣдняя послѣ него надолго

превратилась въ синекуру. Избранный на его мѣсто въ 1879 г. Кондратьевъ водворилъ въ библіотекѣ полный хаосъ, вводилъ невозможные порядки, нескончаемой болтовней не давалъ покоя занимающимся, а служащіе въ его присутствіи вынуждены были бросать работу, такъ какъ библіотекарь своими разговорами отнималъ всякую возможность что-нибудь дѣлать. Въ виду жалобъ посѣтителей конференція въ 1882 г. назначила особую библіотечную комиссію, слѣдившую за распоряженіями библіотекаря. Но это мало помогло дѣлу, и библіотека изъ года въ годъ приходила во все большій упадокъ. Тѣмъ не менѣе конференція въ 1885 г. избрала Кондратьева на второе пятилѣтіе. Въ 1890 г. онъ скончался.

ВЕТЕРИНАРНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

Разрѣшенныя къ постройкѣ зданія ветеринарнаго отдѣленія были готовы въ 1873 г. Кромѣ главнаго зданія сооружены клиники для большихъ и малыхъ животныхъ, отдѣленіе для опытовъ надъ животными, кузница, зоотомическое зданіе и т. д. Къ 1883 г. ветеринарное отдѣленіе окончательно упразднили. Въ опустѣвшихъ зданіяхъ помѣстились: кабинетъ кафедры гигіены и хирургическій музей; остальныя помѣщенія заняты служащими въ академіи.

ЧИСЛО СТУДЕНТОВЪ.

Число учащихся въ разсматриваемый періодъ необыкновенно возросло. Ежегодно поступало болѣе 300 человѣкъ. Когда въ гимназіяхъ учредили восьмой классъ, военный министръ разрѣшилъ до 1874 г. принимать въ академію прошедшихъ 7 классовъ, но съ тѣмъ, чтобы они подвергались провѣрочнымъ испытаніямъ. Понятно, не окончившіе полнаго гимназическаго курса (а таковыхъ оказалось очень много) стремились попасть въ единственное высшее учебное заведеніе, открытое для нихъ—въ академію. Съ 1869 г. форма для студентовъ академіи сдѣлана обязательной съ 3 курса и то лишь для стипендіатовъ. Такъ какъ входные билеты въ аудиторіяхъ не предъявлялись, то на лекціи приходили всѣ желающіе, одѣтые въ штатское платье. Вотъ отчего въ аудиторіяхъ славившихся профессоровъ собиралась самая разнородная публика. Слушатели кромѣ скамеекъ занимали всякую свободную пядь пространства, взбирались на подоконники, столы. Чтобы занять мѣсто, многіе приходили задолго до начала лекціи и терпѣливо ждали, когда наконецъ откроются двери.

Среди студентовъ попадались представители разныхъ народностей. Для католиковъ существовалъ ограничительный процентъ, но о немъ администрація не вспоминала. Евреевъ принимали также безъ ограниченій, оттого ихъ насчитывалось довольно много.

БѢДНОСТЬ.

Большинство студентовъ находилось въ состояніи хроническаго голоданія. Получавшій рублей 10—15 дохода уже считалъ себя состоятельнымъ и не требовалъ пособія въ виду того, что у его товарищей доходъ падалъ до нуля. Конференція и инспекція выдавали единовременныя пособія въ количествѣ 10—25 рублей нѣкоторымъ изъ самыхъ бѣдныхъ студентовъ, но это не спасало массу студенчества отъ голода. Устраивались балы и концерты съ благотворительной цѣлью, дававшіе довольно значительныя суммы; но при раздѣленіи послѣднихъ на большое число голодающихъ на отдѣльныхъ лицъ приходилось очень мало. Чистовичу принадлежитъ благая мысль устроить постоянно дѣйствующее общество для вспомоществованія студентамъ. Это общество учреждено въ 1869 г., но открыло свои дѣйствія подъ предсѣдательствомъ Чистовича въ 1872 г. Оно выдавало ссуды или безвозвратныя пособія. За время своего существованія оно облегчило тяжелое положеніе не одной тысячѣ студентовъ.

ЗАНЯТІЯ.

Лекціи въ академіи начинались рано, съ 8 часовъ утра, и продолжались до 3 часовъ. Въ 1868 г. конференція постановила занятія начинать съ 9 час., продолжительность лекціи опредѣлена въ $1^1/_2$ часа, но изъ этого времени $^1/_4$ уходила на антрактъ между лекціями. Послѣ 4 или 5 часовъ, по соглашенію со студентами, шли практическія занятія въ клиникахъ и кабинетахъ, для анатоміи неизмѣнно полагалось время отъ $3^1/_2$ до $7^1/_2$ час. Такимъ образомъ у студента весь день проходилъ въ работѣ. Впрочемъ нѣкоторыя лекціи посѣщались очень плохо, и онѣ давали учащемуся нѣкоторый отдыхъ, который употреблялся на посѣщеніе амбулаторныхъ пріемовъ, лекцій приватъ-доцентовъ или читальни. Лѣтомъ студенты старшихъ курсовъ получали занятія въ земскихъ больницахъ. Вспыхивавшія иногда большія эпидеміи (холера 1871 года по всей Россіи, сыпной тифъ 1878 года въ Петербургѣ, чума 1879 года въ Астраханской губерніи) требовали усиленія врачебнаго персонала въ разныхъ мѣстахъ, и тутъ студенты являлись желанными тружениками—добросовѣстно работающими, невзыскательными. Во время русско-турецкой войны 1877—78 гг. ихъ

дѣятельность заслужила общія похвалы. Немало ихъ переболѣло тѣми заразными болѣзнями, противъ которыхъ они вели борьбу, и преждевременно сошли въ могилу.

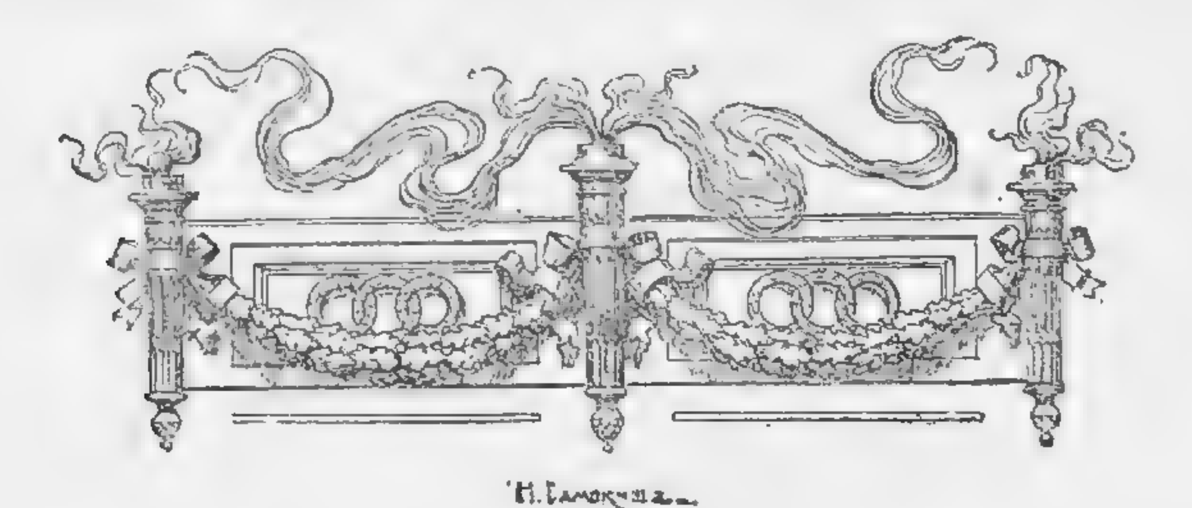
ЭКЗАМЕНЫ.

Отмѣненные положеніемъ 1869 года переходные экзамены съ курса на курсъ снова введены въ 1873 г. и съ тѣхъ поръ уже не отмѣнялись, хотя число ежегодныхъ экзаменовъ конференція нѣсколько разъ опредѣляла. Въ восьмидесятыхъ годахъ установлено правило требовать ежегодныхъ экзаменовъ по всѣмъ наукамъ, читавшимся въ теченіе учебнаго года. Что касается выпускныхъ экзаменовъ, то они производились согласно правиламъ, изложеннымъ въ т. XIII свода законовъ. Они начинались въ концѣ пятаго года и заканчивались въ началѣ шестого. Лишь по случаю войны назначались болѣе ранніе сроки. Такъ въ 1876 г. выпускъ произведенъ 4 ноября, а слѣдующій имѣлъ мѣсто 12 февраля 1877 г. Новый послѣдовалъ 2 мая 1878 г. Всѣ врачи ускоренныхъ выпусковъ передъ экзаменами усиленно занимались практически подъ руководствомъ профессоровъ, главнымъ образомъ тѣми предметами, которые должны были найти примѣненіе на театрѣ военныхъ дѣйствій. По окончаніи войны врачи, окончившіе курсъ по ускореннымъ выпускамъ, прикомандировывались къ клиническому госпиталю на одинъ годъ для пополненія своихъ знаній. Изъ окончившихъ курсъ при обыкновенныхъ условіяхъ семь оставлялись на 3 года при академіи для усовершенствованія. Въ 1874 г. конференція постановила оставлять изъ числа получившихъ болѣе 1/3 весьма удовлетворительныхъ отмѣтокъ за лучшія сочиненія на заданную общую тему (экспромтъ). Желающіе получить званіе доктора медицины обязаны были подвергаться новымъ экзаменамъ, которые ничѣмъ не разнились отъ лѣкарскихъ. Поэтому конференція съ 1863 г. старалась слить оба разряда испытаній и разрѣшила студентамъ выпускного курса заявлять о своемъ желаніи держать экзаменъ прямо на доктора медицины. Въ 1868 г. это разрѣшеніе отмѣнено, но зато постановлено освобождать отъ докторскихъ экзаменовъ всѣхъ отлично (cum eximia laude) окончившихъ лѣкарскія испытанія. Министръ, утвердивъ такое постановленіе, нашелъ его незаконнымъ и потому въ слѣдующіе годы оно не примѣнялось. Въ 1876 г. его опять ввели и предоставляли пользоваться имъ до 1878 года.

ВОЛНЕНІЯ.

Много вреда принесли высшимъ учебнымъ заведеніямъ почти не

прекращавшіяся студенческія волненія въ шестидесятыхъ и особенно въ семидесятыхъ годахъ. Многіе изъ учащихся подвергались аресту, увольнялись, попадали подъ надзоръ полиціи. Профессора вступались за студентовъ или выступали противъ нихъ и въ обоихъ случаяхъ подвергались непріятнымъ случайностямъ, навлекая на себя гнѣвъ администраціи или учащихся. Движеніе среди молодежи несомнѣнно составляло отраженіе общаго настроенія общества, искавшаго новыхъ политическихъ формъ и стремившагося достигнуть ихъ насильственнымъ путемъ. Но кромѣ этихъ общихъ условій существовали особыя для разныхъ заведеній. Въ академіи наиболѣе частой причиной волненій служили слухи объ арестѣ будто бы 200—300 товарищей, объ увольненіи невинныхъ студентовъ. Помимо этихъ слуховъ студенчество вовлекалось въ борьбу профессорскихъ партій и устраивало враждебныя демонстраціи нѣкоторымъ профессорамъ. Особенно крупные безпорядки имѣли мѣсто въ 1868 г. Недовольство студентовъ было направлено противъ ученаго секретаря Руднева, который вслѣдствіе этого отказался отъ своей должности. Въ 1874 г. устроена враждебная демонстрація Ціону, имѣвшая послѣдствіемъ долго не прекращавшіеся безпорядки. Въ 1876 г. предметомъ демонстрацій сдѣлался ученый секретарь Ландцертъ. Въ 1878 г. академическіе студенты вмѣстѣ съ учащимися другихъ учебныхъ заведеній подали адресъ на имя Государя Наслѣдника, заключавшій просьбу объ уничтоженіи нѣкоторыхъ стѣсненій. Демонстрантовъ частью арестовали, частью разогнали. Постоянное броженіе среди студентовъ вызвало репрессіи. Студенческая читальня, гдѣ наичаще устраивались сходки, была закрыта въ 1879 г. Кромѣ того послѣдовало измѣненіе всего строя академической жизни, приведшее къ изданію новаго устава.

Н. Самокишъ

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРОВЪ АЛЕКСАНДРА III и НИКОЛАЯ II.

Отдѣлъ III.

ИМПЕРАТОРСКАЯ ВОЕННО-МЕДИЦИНСКАЯ АКАДЕМІЯ.

ГЛАВА VIII.

Академическая жизнь.—Преподаватели.

Положеніе 1881 г.

ДЕСЯТАГО іюля 1881 года Высочайше утверждено положеніе объ академіи, совершенно мѣнявшее строй ея. Отнынѣ она получаетъ наименованіе Императорской Военно-Медицинской. Въ составъ обучающихся полагаются исключительно лица, обязанныя по окончаніи курса поступленіемъ на медицинскую службу въ военное и морское вѣдомства. Въ академіи сохранены только три курса: младшій, средній и старшій, соотвѣтственно тремъ старшимъ курсамъ медицинскихъ факультетовъ. Подчиняется наша школа главному военно-медицинскому инспектору; при ней положены: конференція, академическій судъ и хозяйственный комитетъ. Принимаются

студенты не ниже второго курса медицинскаго или естественно-историческаго факультетовъ, обязанные выдержать экзамены изъ анатоміи, гистологіи, физіологіи и медицинской химіи. Для не державшихъ подобныхъ экзаменовъ учрежденъ приготовительный курсъ. Обучающіеся на этомъ курсѣ считаются посторонними слушателями; общее число ихъ не превышаетъ 50 человѣкъ. Число ежегодно принимаемыхъ опредѣляется количествомъ свободныхъ стипендій. Такъ какъ студенты считаются состоящими на государственной службѣ, то они свидѣтельствуются въ способности къ военно-медицинской службѣ, а затѣмъ приносятъ присягу; время, проведенное въ академіи, зачисляется въ сроки выслуги по службѣ. Учащіеся находятся въ ближайшемъ вѣдѣніи штабъ-офицеровъ и ихъ помощниковъ. По окончаніи курса лѣкари опредѣляются на службу на срокъ, по расчету полутора года за годъ пользованія правами студента. Пополненіе преподавательскаго персонала производится путемъ выборовъ, производимыхъ конференціей, она же возводитъ въ экстраординарные и ординарные профессора и оставляетъ на два пятилѣтія послѣ выслуги профессоромъ 25-лѣтняго срока службы. Ученый секретарь избирается на три года.

Изложенное въ общихъ чертахъ положеніе названо «временнымъ». Непосредственно послѣ обнародованія его почти ежегодно вводились перемѣны въ немъ, и оно оказалось наконецъ потерявшимъ совершенно свои основные устои. Уже 27 іюля 1881 г. академія, впредь до особаго распоряженія, оставлена въ непосредственномъ подчиненіи военному министру. Съ перваго же года существованія разсматриваемаго положенія выяснилась необходимость возстановленія закрытыхъ двухъ курсовъ. Дѣйствительно, естественники, переходившіе со второго курса изъ университетовъ, не были знакомы съ предметами, имѣвшими отношеніе къ медицинѣ и читавшимися на второмъ курсѣ академіи. Вотъ отчего авторы положенія возстановили прежній второй курсъ, назвавъ его «приготовительнымъ». Помимо этого обстоятельства обозначилось другое, болѣе важное, именно ничтожное число поступающихъ, напр., въ 1881 г. принято всего 16 человѣкъ. Оттого академія выпустила лѣкарей въ 1884 г. вмѣсто требуемыхъ 150—200 всего 69, въ 1885 г.—44. Пришлось въ 1883 г. возстановить и первый курсъ. Такимъ образомъ академія снова превратилась въ пяти- Измѣненія.

курсовую. Вспомнили наконецъ, что за неимѣніемъ медицинскаго факультета академія обязана давать образованіе и уроженцамъ петербургскаго учебнаго округа, хотя бы они и не принимали обязательства служить въ военномъ вѣдомствѣ. Поэтому въ 1883 г. разрѣшено принимать на младшій (третій) курсъ «слушателями» (не болѣе 20 человѣкъ) лицъ, не получающихъ казенныхъ стипендій. Слѣдовательно, академія изъ военной школы превращалась въ содержащую гражданскій элементъ.

Положеніе 1890 г. Итакъ, положеніе 1881 года оказалось неприложимымъ и потому самъ собою выдвигался вопросъ о пересмотрѣ его. Поводъ къ изданію новаго устава вскорѣ явился. Въ 1884 г. изданъ новый университетскій уставъ, и такъ какъ положенія объ академіи всегда раньше согласовывались съ университетскими, то и теперь явилось стремленіе выяснить, какія части университетскаго устава могутъ быть примѣнены къ академіи. Этимъ вопросомъ и занялась конференція, выработавшая проектъ новаго положенія. Послѣ разсмотрѣнія его въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, въ Военномъ и Государственномъ Совѣтѣ и послѣ соотвѣтствующихъ измѣненій, 29 мая 1890 года утверждено новое положеніе. Главныя отличія его заключались въ слѣдующемъ. Въ академіи полагается пять курсовъ: первый и второй—приготовительные, третій, четвертый и пятый — спеціальные. Она состоитъ подъ главнымъ вѣдѣніемъ военнаго министра, а непосредственное управленіе ввѣряется начальнику. На первый курсъ принимаются окончившіе классическую гимназію, а на остальные—студенты соотвѣтствующихъ курсовъ медицинскаго факультета; имѣющіе университетскій дипломъ по естественно-историческому отдѣленію физико-математическаго факультета допускаются на второй курсъ. Общій комплектъ обучающихся не превышаетъ 750 человѣкъ. Казенныя стипендіи выдаются лишь съ третьяго курса. Кореннымъ образомъ измѣнены правила для полученія званія лѣкаря. Отнынѣ академія выдаетъ лишь выпускное свидѣтельство, которое предоставляетъ право подвергаться испытаніямъ на лѣкаря. Послѣдняго рода экзамены производятся въ особой комиссіи, предсѣдатель и члены которой назначаются военнымъ министромъ и могутъ не состоять профессорами академіи. Для пополненія профессорскаго персонала введена смѣшанная система: въ зависимости отъ желанія министра назначеніе или же

выборъ конференціей. Званіе адъюнктъ-профессора уничтожено и оставлены въ штатѣ ординарные и экстраординарные профессора. Повышеніе профессоровъ изъ экстраординарныхъ въ ординарные и оставленіе на пятилѣтіе послѣ выслуги 25 лѣтъ производится министромъ по представленію начальника. Ученый секретарь избирается конференціей на 4 года. Сверхъ назначеннаго по штату содержанія профессора получаютъ прибавочное вознагражденіе, которое составляется изъ 80% платы, взимаемой со своекоштныхъ студентовъ за слушаніе лекцій.

Новымъ положеніемъ значительно усиливалась власть начальника. Такъ какъ министръ не былъ компетентенъ во многихъ вопросахъ академической жизни, то ему приходилось соглашаться съ представленіями начальника. Поэтому назначеніе профессоровъ, повышеніе ихъ въ ординарные, оставленіе на пятилѣтіе фактически находилось въ рукахъ начальника. Онъ же могъ уговорить министра не утвердить любое постановленіе конференціи, хотя бы оно являлось результатомъ основательнаго изученія вопроса. Профессорамъ прибавлено содержаніе въ видѣ выдачи гонорара за лекціи. Академія при положеніи 1890 г. приняла какой то странный характеръ: большинство студентовъ своекоштные и съ этой точки зрѣнія наша школа составляла гражданское учебное заведеніе, съ другой стороны, большое число казенныхъ стипендіатовъ, военная форма для всѣхъ обучающихся и т. п. напоминали, что она есть военное учрежденіе. Такая неопредѣленность вызывала немало недоразумѣній. ОСОБЕННОСТИ.

Военный министръ графъ Димитрій Алексѣевичъ Милютинъ— виновникъ пышнаго расцвѣта академіи, смѣнившагося—увы! полнымъ упадкомъ,—оставилъ должность въ 1881 году. Его смѣнилъ Петръ Семеновичъ Ванновскій. Онъ относился очень участливо ко всѣмъ ходатайствамъ академіи. Благодаря его содѣйствію сооружены нѣкоторыя новыя зданія, а въ старыхъ произведены крупныя ремонтныя работы. Но особенно много заботился о нашей школѣ назначенный въ 1898 г. военнымъ министромъ Алексѣй Николаевичъ Куропаткинъ. Имъ поднято значеніе конференціи, которой предоставленъ выборъ профессоровъ. Къ столѣтнему юбилею академіи онъ исхлопоталъ немало важныхъ льготъ для нея. При немъ начаты постройкой большія клиническія зданія, сооруженіе другихъ разрѣшено. Чрезвычайно МИНИСТРЫ.

тепло А. Н. Куропаткинъ относился къ студентамъ. Благодаря ему возникъ цѣлый рядъ студенческихъ учрежденій, имѣвшихъ цѣлью улучшить положеніе обучающихся. Отдѣльныя лица изъ среды студенчества въ своихъ ходатайствахъ встрѣчали со стороны А. Н. самое искреннее сочувствіе и желаніе помочь, чѣмъ можно. Даже во время студенческихъ волненій А. Н. не переставалъ относиться милостиво къ протестующимъ и не разъ способствовалъ прекращенію безпорядковъ личными бесѣдами со студентами. Увольненіе его отъ должности министра вызвало въ академіи всеобщія сожалѣнія. Оба названные министра были избраны почетными членами конференціи, а Ванновскій, кромѣ того—почетнымъ президентомъ академіи.

Начальники.

Начальникъ академіи Александръ Михайловичъ Быковъ, достигши преклоннаго возраста, уволился въ 1890 г. По случаю оставленія имъ должности служащіе поднесли ему адресъ, а конференція избрала своимъ почетнымъ членомъ. Ему ставили въ заслугу проведеніе устава 1890 года, освободившаго академію отъ неопредѣленнаго и тяжелаго состоянія. Справедливость однако заставляетъ отмѣтить, что Быковъ съ одинаковымъ стараніемъ проводилъ и положеніе 1881 года и хлопоталъ бы о введеніи всякаго другого устава, разъ это приказано. Въ общемъ это былъ безцвѣтный, недалекій администраторъ, очень холодно относившійся къ стремленіямъ и настроеніямъ академической жизни. Его смѣнилъ Викторъ Васильевичъ Пашутинъ. Человѣкъ очень умный, онъ отличался любовью къ инициативѣ и готовъ былъ поддержать всякое разумное начинаніе, если оно клонилось къ пользѣ академіи. Благодаря его заботамъ проведенъ рядъ мѣръ, улучшившихъ преподаваніе и положеніе учащихся; академія значительно подчистилась. Къ сожалѣнію, подобно большинству русскихъ людей, онъ сильно разбрасывался и потому не могъ удѣлить академіи много времени. Одновременно съ должностью начальника онъ занималъ постъ предсѣдателя медицинскаго совѣта, состоялъ дѣятельнымъ членомъ ученаго комитета при министерствѣ народнаго просвѣщенія, предсѣдателемъ общества охраненія народнаго здравія и т. д. При этомъ по временамъ принимался писать свой учебникъ общей патологіи. Ясно, что при подобныхъ условіяхъ очень многія распоряженія его оказывались недостаточно обдуманными, многіе факты, которыми онъ руководился, недостаточно или совсѣмъ не провѣренными. Дру-

гимъ недостаткомъ его служило увлеченіе личными интересами, отодвигавшими на второй планъ общіе или академическіе. Вотъ это то направленіе поставило на ложный путь всю его административную дѣятельность, вызвало противъ него затаенную вражду большинства конференціи и затормозило введеніе многихъ реформъ.

При вступленіи на должность начальника Пашутинъ возбудилъ большія надежды, какъ профессоръ предпріимчивый, честный, съ хорошей научной репутаціей, хотя сильно вздутой. Ожидали, что онъ никогда не воспользуется противъ своихъ товарищей и конференціи тѣми большими полномочіями, которыми его снабжало положеніе 1890 года, особенно если вспомнить, что онъ высказывался очень рѣзко противъ нихъ, когда состоялъ профессоромъ. Дѣйствительность не оправдала всѣхъ подобныхъ ожиданій. Послѣ перехода Пашутина на должность начальника освободилась кафедра общей патологіи. Намѣтились видные замѣстители его, зарекомендовавшіе себя учеными трудами и преподаваніемъ. Неожиданно Пашутинъ потребовалъ, чтобы конференція избрала одного изъ двухъ представленныхъ имъ учениковъ его. Такое требованіе огорчило конференцію. Ему выставляли на видъ, что его кандидаты—неспособные люди, не знающіе ни одного иностраннаго языка, что они уронятъ значеніе кафедры, что для проведенія ихъ онъ могъ бы прибѣгнуть къ назначенію и т. д. Такъ какъ Пашутинъ упорно стоялъ на своемъ, большинство конференціи рѣшило отказаться отъ выборовъ. Это вызвало жалобу Пашутина министру и сердитое замѣчаніе послѣдняго по адресу строптивыхъ профессоровъ. Послѣ этого выборы состоялись, но враждебное отношеніе конференціи къ начальнику осталось. Не считаясь съ такимъ настроеніемъ конференціи, Пашутинъ дѣйствовалъ въ избранномъ имъ направленіи. Профессора, имѣвшіе смѣлость возставать противъ его самовластія, вынуждены были преждевременно оставить академію. Такъ ушли Добровольскій, Баталинъ, Тархановъ. Поводомъ къ отставкѣ служило ничтожное обстоятельство, которое раздувалось до дѣла первостепенной важности. Другіе ушли даже безъ объясненія причинъ, напр., Иностранцевъ, Соколовъ, лейбъ-хирургъ Е Павловъ. Нельзя было сослаться на желаніе ввести въ академію лучшихъ преподавателей, такъ какъ преемниками вышедшихъ въ отставку трехъ только что названныхъ были лица во всѣхъ отно- *Пашутинъ.*

шеніяхъ уступающія имъ (Хрущовъ, Данилевскій, Турнеръ). Особенно много шума надѣлало тайное увольненіе Е. Павлова, которому исполнилось 25 лѣтъ службы лѣтомъ, когда онъ числился въ отпуску. Начальникъ даже не увѣдомилъ его о воспослѣдовавшей отставкѣ. Велико было удивленіе Е. Павлова, когда онъ, пріѣхавши осенью, узналъ, что его давно уже уволили! На такой поступокъ Пашутина обратили вниманіе въ высшихъ сферахъ. Онъ отговаривался тѣмъ, что желалъ выяснить въ конференціи, необходима ли кафедра, занимаемая Е. Павловымъ, а это возможно было будто бы лишь послѣ выхода въ отставку профессора. Запрошенная о судьбѣ кафедры конференція постановила, согласно желанію Пашутина, кафедру оставить. Казалось, теперь уже не оставалось препятствій для принятія Е. Павлова на пятилѣтіе, однако Пашутинъ назначилъ на вакантную кафедру Турнера. Возведеніе нѣкоторыхъ профессоровъ въ ординарные затягивалось, если они не нравились начальнику. Такъ долго ждали повышенія И. Павловъ, Холодковскій, а Воронцовъ и совсѣмъ не дождался. Зато профессора, оказавшіе начальнику какую-нибудь услугу, оставались на второе пятилѣтіе противно уставу. Около Пашутина сгруппировался тѣсный кружокъ (Альбицкій, Данилевскій, Виноградовъ и друг., также жена Пашутина, пока не уѣхала отъ него), который пользовался всѣми милостями всесильнаго правителя академіи, направлялъ теченіе дѣлъ въ конференціи по своему усмотрѣнію, а съ остальными членами конференціи обходился въ зависимости отъ того, на сколько почтительно они относились къ этому кружку. При Пашутинѣ въ конференціи чувствовалась какая то тяжелая нравственная атмосфера; всѣхъ угнетала мысль о возможности неожиданнаго несчастія, которое могло свалиться на профессора, чѣмъ-нибудь не угодившаго кружку Пашутина. Приведенныя данныя объясняютъ, почему медицинская и общая печать по случаю смерти Пашутина отступила отъ правила «de mortuis aut bene, aut nihil» и помѣщала въ некрологахъ неблагопріятные отзывы о его дѣятельности. Нѣкоторые профессора производили давленіе на издателя «Новаго Времени» съ цѣлью помѣстить на другой день послѣ смерти Пашутина написанную ученымъ секретаремъ статью, восхвалявшую покойнаго. Статья наконецъ была напечатана, но редакція сдѣлала возраженія на нее, совершенно мѣнявшія выводы автора некролога. Въ медицинской печати особенно рѣзкій отзывъ помѣстилъ Манассеинъ, прежде бывшій другъ Пашутина.

ТАРЕНЕЦКІЙ.

Пашутинъ скончался неожиданно 20 января 1901 г. въ засѣданіи конференціи. Послѣ него начался рядъ случайныхъ начальниковъ. Проф. Александръ Ивановичъ Таренецкій при окончаніи 30 лѣтъ службы выпросилъ у Пашутина оставленіе еще на пятилѣтіе (противно уставу) и, благодаря этому обстоятельству, сдѣлался старшимъ по службѣ въ конференціи. Когда попытки оживленія не привели ни къ чему, и выяснилось, что Пашутинъ мертвъ, присутствовавшіе уполномочили Таренецкаго, какъ старшаго, поѣхать къ министру и испросить у него распоряженія. Таренецкій привезъ извѣщеніе, что временное исправленіе должности начальника поручено ему, а спустя нѣсколько дней прочелъ въ конференціи приказъ о назначеніи его на эту должность. Новый начальникъ прошелъ въ академіи всѣ ступени службы, начиная студентомъ, хорошо зналъ всѣ стороны академической жизни и, какъ честный человѣкъ, глубоко скорбѣлъ по поводу неустройствъ almae matris. Теперь для него открылась возможность поработать надъ улучшеніемъ академіи и поднять ея былую славу. Къ сожалѣнію, у него для всего этого не хватало энергіи, что неудивительно, если принять во вниманіе его преклонный возрастъ. Тѣмъ не менѣе кое-что онъ успѣлъ сдѣлать. Съ самаго принятія должности у него пошли непріятности и несчастія. Особенно его волновали непрерывавшіяся почти студенческія волненія, особенно усилившіяся во время освободительнаго движенія; тогда и конференція предъявила рядъ требованій, доводившихъ его иногда до обморока. Семейныя несчастія (напр., смерть сына въ сраженіи при Цусимѣ) еще болѣе разстроили его; наконецъ онъ тяжело заболѣлъ и въ 1906 г. скончался. Въ отношеніи конференціи онъ сталъ на строго законную почву, со студентами обращался мягко, дѣйствуя на нихъ не угрозами, а увѣщаніями и лаской. Онъ оставилъ вообще память честнаго и добраго человѣка.

КОНФЕРЕНЦІЯ.

Положеніемъ 1881 года и особенно 1890 года самостоятельность конференціи въ значительной степени сократилась. Многіе и притомъ весьма существенные вопросы были изъяты изъ ея вѣдѣнія. Но все-таки ея разсмотрѣнію подлежали дѣла, относящіяся къ преподаванію; что касается хозяйства, то и здѣсь она достигла бы многаго, если бы систематически повела походъ противъ безчисленныхъ безпорядковъ. Къ сожалѣнію, боязнь не понравиться начальнику—страхъ иногда со-

вершенно безосновательный — парализовалъ у большинства всякія стремленія къ инициативѣ. Жизнь однако ставила неумолимо извѣстные вопросы на очередь, ихъ приходилось рѣшать, принимать извѣстныя мѣры. Въ результатѣ происходила непрерывная эволюція, хотя и въ сравнительно скромной степени. Въ 1905 г. конференція неожиданно занялась улучшеніемъ своего положенія и предъявила министру рядъ ходатайствъ. Они сводились къ слѣдующему: 1) начальникъ долженъ избираться на два года, 2) выборы профессоровъ, возведеніе ихъ въ ординарные, оставленіе на пятилѣтіе должны подлежать вѣдѣнію конференціи, 3) срокъ учебной службы слѣдуетъ продолжить до 35 лѣтъ, 4) институтъ штабъ-офицеровъ долженъ быть уничтоженъ. Всѣ эти ходатайства, кромѣ послѣдняго, были уважены, но первое вскорѣ (въ 1907 г.) вызвало отрицательное постановленіе.

НАУЧНЫЯ ЗАСѢДАНІЯ. Кромѣ обыкновенныхъ засѣданій конференціи съ 1897 года предполагались еще научныя, на которыхъ должны были читаться ученые доклады какъ лицъ, принадлежащихъ къ академіи, такъ и постороннихъ. Ожидали, что медицинская публика станетъ присылать во множествѣ сообщенія о различныхъ научныхъ вопросахъ; обсужденіе послѣднихъ поведетъ къ оживленію научнаго движенія, и академія превратится въ ученое учрежденіе, подобно французской académie de médecine. Эти стремленія не привели ни къ чему. Былъ выработанъ проектъ научныхъ засѣданій. Для выясненія нѣкоторыхъ деталей въ 1903 г. избрали особую комиссію, но она ничѣмъ не заявила о своемъ существованіи.

КАФЕДРЫ. Развитіе преподаванія ведетъ къ учрежденію новыхъ кафедръ вслѣдствіе разрастанія нѣкоторыхъ спеціальностей. Рѣшеніе подобныхъ вопросовъ въ конференціи тормозилось тѣмъ обстоятельствомъ, что число кафедръ ограничено штатомъ академіи. Слѣдовательно, для учрежденія одной новой приходилось соединять въ одну двѣ старыя кафедры. Пріемъ едва ли полезный. Но его можно было примѣнить въ надеждѣ, что при пересмотрѣ штатовъ удастся исхлопотать увеличеніе числа кафедръ, и тогда старыя возможно будетъ возстановить. Въ 1893 г., послѣ выхода въ отставку проф. Пруссака, кафедра ушныхъ болѣзней слита съ кафедрой горловыхъ и носовыхъ болѣзней. Въ 1894 г. вышелъ въ отставку проф. Полотебновъ, и преподаваніе кожныхъ болѣзней присоединено къ кафедрѣ сифилидологіи.

Итакъ, явилась возможность открыть двѣ новыя кафедры. Таковыми оказались: 1) кафедра заразныхъ болѣзней съ бактеріологіей и 2) кафедра исторіи и энциклопедіи медицины. Введеніе особаго курса о полевомъ военно-врачебномъ дѣлѣ, о чемъ хлопотало главное военно-медицинское управленіе, конференція признала ненужнымъ (въ 1894 г.). Кафедру десмургіи, вмѣсто которой начальникъ предлагалъ учредить кафедру психологіи, конференція постановила сохранить, но прибавить къ ней ученіе объ асептикѣ, антисептикѣ и перевязочныхъ средствахъ, ученіе о переломахъ и вывихахъ, механотерапію и военно-санитарное дѣло. Въ 1901 г. возбужденъ вопросъ о судьбѣ кафедры эпизоотологіи. Рѣшено сохранить ее, но перемѣнить нѣсколько предметовъ преподаванія, обязавъ профессора излагать сравнительную патологію съ ученіемъ объ эпизоотіяхъ и ветеринарной полиціей. Нервныя болѣзни остались попрежнему при кафедрѣ психіатріи. Зубныя болѣзни не заняли надлежащаго мѣста въ преподаваніи и излагались приватъ-доцентомъ.

Милость.

Съ 1899 г. число ординарныхъ профессоровъ увеличено до 26, зато число экстраординарныхъ уменьшилось до 8; раньше было 22 и 12. Число академиковъ увеличено до 8 вмѣсто прежнихъ 4, жалованье положено 4 изъ нихъ въ размѣрѣ 500 рублей въ годъ вмѣсто 150. Эта милость испрошена по случаю столѣтняго юбилея академіи.

Преміи.

Кромѣ обычныхъ занятій (удостоеніе ученыхъ званій, переводъ студентовъ съ курса на курсъ и проч.) конференція занималась съ 1881 г. разсмотрѣніемъ сочиненій, представленныхъ для полученія премій, также выработкой условій для выдачи ихъ. Установлены присужденія денежныхъ наградъ имени Загорскаго, Буша, Юшенова. Студентамъ за лучшія отмѣтки на выпускныхъ экзаменахъ выдавались преміи Буша, Иванова, Пальцева, а за сочиненія—Иллинскаго, Боткина, Моторина. Кромѣ того по порученію разныхъ министерствъ конференція разрабатывала различные вопросы, имѣющіе научное или практическое значеніе: о питательности ржаного хлѣба съ примѣсью суррогатовъ, о цѣлебныхъ свойствахъ Кузьмичевой травы (эфедры) и проч.

Научная дѣятельность.

Научная дѣятельность академіи, какъ и раньше, опредѣлялась многочисленными учеными трудами. Часть ихъ принадлежала профессорамъ и другимъ преподавателямъ, но большинство было произ-

ведено ихъ учениками и представлялось въ видѣ диссертацій для полученія званія доктора медицины или магистра фармаціи. Ученые труды докторовъ и студентовъ излагались также въ видѣ докладовъ въ разныхъ ученыхъ обществахъ. При академіи возникли новыя общества: съ 1893 г.—антропологическое, съ 1892 г.—«клиническія бесѣды академическихъ врачей», съ 1895 г.—бесѣды врачей клиники душевныхъ болѣзней, въ той же клиникѣ—«русское общество нормальной и патологической психологіи».

ЖУРНАЛЪ.

Во время приготовленій къ юбилею явилась мысль издавать академическій журналъ. До того времени единственнымъ органомъ академіи служили «протоколы конференціи», выходившіе ежегодно книгами съ большимъ замедленіемъ. Разрѣшеніе на изданіе журнала получено въ 1899 г., тогда же отпущена ежегодная субсидія въ размѣрѣ 3.400 рублей въ годъ. Предполагалось всѣ заботы о направленіи журнала, о снабженіи его матеріаломъ и т. д. поручить редакціонной комиссіи, составъ которой освѣжался бы ежегодно. При подобныхъ условіяхъ вся конференція принимала бы участіе въ журналѣ и предохраняла бы его отъ однообразія и рутины. Исполнительнымъ элементомъ долженъ былъ служить редакторъ, который выбирался бы на годъ. Пашутинъ однако уговорилъ конференцію редакціонной комиссіи не назначать, редакторъ, благодаря его вліянію, оказался безсмѣннымъ. Въ 1899 г. редакторомъ избранъ проф. М. В. Яновскій. Журналъ съ самаго начала оказался хилымъ, безсодержательнымъ и удержалъ такой характеръ и въ слѣдующіе годы. Въ 1908 г. главный контроль обратилъ вниманіе на то, что журналъ почти не имѣетъ подписчиковъ и возбудилъ вопросъ о прекращеніи субсидіи ему.

ОТСТАВНЫЕ ПРОФЕССОРА.

Въ заключеніе обзора дѣятельности конференціи отмѣтимъ ея постановленіе (1899 года), въ силу котораго профессора, вышедшіе въ отставку, если пожелаютъ, участвуютъ на засѣданіяхъ конференціи съ правомъ совѣщательнаго голоса, а также въ комиссіяхъ, и могутъ предсѣдательствовать въ послѣднихъ.

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ.

Ученый секретарь Доброславинъ уволился отъ должности въ 1885 г. Его смѣнилъ проф. В. В. Пашутинъ, который очень добросовѣстно относился къ своимъ обязанностямъ. Назначенный начальникомъ академіи, онъ оставилъ должность въ 1890 г. На его мѣсто былъ выбранъ проф. Иванъ Ивановичъ Насиловъ, совершенно безцвѣтный

ученый секретарь. Въ 1893 г. его замѣнилъ проф. князь Иванъ Романовичъ Тархановъ (Тарханъ-Моуравовъ). Спустя годъ онъ навлекъ на себя гнѣвъ Пашутина и вынужденъ былъ оставить службу въ академіи. Его смѣнилъ на много лѣтъ проф. А. П. Діанинъ. Въ конференціи при немъ раздавались постоянно жалобы на несвоевременное составленіе протоколовъ; иногда проходили мѣсяцы, прежде чѣмъ протоколъ прочитывался въ конференціи. На канцелярію ученаго секретаря также ссылались, какъ на мѣсто, гдѣ царитъ полный безпорядокъ; кромѣ того съ сожалѣніемъ указывали на то обстоятельство, что ученый секретарь неизмѣнно поддерживаетъ начальника во всѣхъ вопросахъ, не обращая вниманія на конференцію, а между тѣмъ онъ избранъ ею для того, чтобы быть защитникомъ ея правъ. Отсюда самъ собою вытекалъ выводъ, что надо подыскать другого секретаря. Однако когда наступалъ срокъ выборовъ (въ 1899, 1903, 1907 г.), Діанина опять избирали...

Разсмотримъ теперь перемѣны въ профессорскомъ персоналѣ. Ниже приведены характеристики тѣхъ профессоровъ, которые уже оставили академію, когда писались эти строки. Много любопытныхъ данныхъ о нихъ приведено въ нашихъ «Воспоминаніяхъ», которыя приготовляются къ печати.

Анатомія.

У Грубера въ 1882 г. окончилось тридцатипятилѣтіе учебной службы. Конференція исходатайствовала оставленіе его еще на 5 лѣтъ. Въ 1887 г. торжественно праздновался 40-лѣтній юбилей его службы, при чемъ онъ получилъ награды и подарки. Его оставили въ званіи почетнаго директора анатомическаго музея, а кафедру объявили вакантной. Но черезъ годъ Груберъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Вѣну, гдѣ въ 1890 г. скончался. Помощниками Грубера состояли Лесгафтъ и Таренецкій. Первый отличался необыкновеннымъ трудолюбіемъ и замѣчательными познаніями во всѣхъ отдѣлахъ анатоміи. Его лекціи собирали большую аудиторію, хотя читались очень рано (въ 7 час. утра). Подъ его руководствомъ производилось много изслѣдованій, онъ самъ написалъ очень много ученыхъ трудовъ, также рецензіи и т. п. Многіе однако недолюбливали его за рѣзкіе отзывы объ ихъ трудахъ и дѣятельности. Вотъ почему, когда въ 1884 г. пришлось изъ двухъ помощниковъ одного оставить, согласно положенію, прозекторомъ, конференція предпочла Таренецкаго, анатома, уступав-

шаго Лесгафту во всѣхъ отношеніяхъ. Въ 1887 г. замѣстителемъ Грубера избранъ въ качествѣ профессора нормальной анатоміи Александръ Ивановичъ Таренецкій. Изложеніе у него было тяжелое, сухое; говорилъ онъ до конца жизни съ нѣмецкимъ акцентомъ, хотя принадлежалъ къ чистокровнымъ русскимъ. Не совсѣмъ русская рѣчь осталась у него вслѣдствіе того, что онъ, будучи сыномъ посольскаго дьячка, росъ и воспитывался въ Германіи. Ученая дѣятельность кафедры при немъ и особенно при его преемникѣ рѣзко понизилась. Онъ обратилъ вниманіе на антропологію, которой посвятилъ большую часть анатомическаго музея. Благодаря ему основано при академіи антропологическое общество и произведено нѣсколько изслѣдованій при его кафедрѣ изъ области антропологіи. Въ 1900 г. оставленъ, противно уставу, на второе пятилѣтіе, а въ 1901 г. перешелъ на должность начальника академіи. На освободившуюся кафедру желали выступить кандидатами два видныхъ представителя анатоміи изъ провинціи, но, узнавъ, что Таренецкій проводитъ своего ученика и прозектора, отказались отъ конкурса. Избранъ въ 1901 г. единственный кандидатъ Иванъ Эдуардовичъ Щавловскій.

При Таренецкомъ лекціи читались первому и второму курсамъ, также и практическія занятія сдѣланы обязательными для обоихъ курсовъ. Съ 1890 г. при кафедрѣ состоятъ три прозектора, ассистентъ и два препаратора. Съ 1887 г. единственнымъ прозекторомъ былъ Батуевъ, въ 1889 г. на эту же должность избранъ Делицинъ, а въ 1891 г.—Шавловскій. Ассистентомъ съ 1889 г. состоялъ Тихановъ. Въ 1898 г. Батуева замѣнилъ Тихановъ, а ассистентомъ назначенъ Вихревъ; послѣдній опредѣлился прозекторомъ на мѣсто Шавловскаго, должность ассистента тогда занялъ Яцута. Въ томъ же 1901 г. уволился Делицинъ, мѣсто котораго занялъ Сусловъ, а въ 1902 г.—и Тихановъ.

Гистологія. По выходѣ въ отставку Заварыкина въ 1895 г. кафедру гистологіи съ эмбріологіей занялъ Михаилъ Доримедонтовичъ Лавдовскій. Будучи еще приватъ-доцентомъ, онъ приносилъ много пользы студентамъ, излагая имъ важнѣйшіе отдѣлы гистологіи, съ надлежащей полнотой знакомилъ съ современнымъ положеніемъ въ наукѣ каждаго вопроса. Сдѣлавшись профессоромъ, онъ оживилъ преподаваніе и улучшилъ постановку практическихъ занятій. Въ 1903 г. онъ скончался. Съ 1887 г. ассистентомъ состоялъ Достоевскій. Въ 1890 г. учреждена должность прозектора, и онъ занялъ ее. Въ 1893 г. его замѣ-

нилъ Чермакъ, на мѣсто котораго въ 1897 г. опредѣлился Тишуткинъ.

Въ 1892 г. проф. патологической анатоміи Ивановскій перевелся на кафедру судебной медицины. Его замѣстилъ проф. Константинъ Николаевичъ Виноградовъ. Необыкновенно трудолюбивый, очень добросовѣстно относящійся къ своимъ обязанностямъ, онъ значительно поднялъ преподаваніе. Въ конференціи многіе относились къ нему холодно, видя въ немъ исполнителя самыхъ противорѣчивыхъ капризовъ Пашутина, который, желая провести какое-нибудь постановленіе конференціи, составлялъ комиссію изъ Альбицкаго, Виноградова и др. и послѣ того уже не сомнѣвался (какъ и всѣ члены конференціи), что докладъ будетъ написанъ въ требуемомъ направленіи. Виноградовъ уволился въ 1901 г. Его замѣнилъ проф. Александръ Ивановичъ Моисеевъ. Прозекторами состояли: до 1893 г.—Бурцевъ, съ 1893 по 1894 г.—В. Афанасьевъ, съ 1897 г.—Коровинъ. Прозекторами при клиникѣ Виллie съ 1881 г. были: Виноградовъ, В. Афанасьевъ, Поляковъ и П. Ивановъ. ПАТОЛ. АНАТОМІЯ.

Въ 1891 г. Сорокинъ оставилъ кафедру судебной медицины съ токсикологіей. Кандидатами явилось 6 профессоровъ и приватъ-доцентовъ. Пашутинъ особенно старался провести своего ученика Костюрина, профессора общей патологіи въ Харьковскомъ университетѣ, нѣсколько раньше не прошедшаго при выборахъ замѣстителя Пашутина. Конференція предложила Костюрину произвести вскрытіе, и тутъ онъ высказалъ поразительное невѣжество. Избраннымъ оказался прив.-доц. Харьковскаго университета Беллинъ. Обиженный вторичной неудачей, Костюринъ выместилъ злобу на своемъ счастливомъ соперникѣ и распустилъ возмутительную клевету на него. Благодаря ей Беллинъ не былъ утвержденъ, и Пашутинъ уговорилъ занять кафедру проф. Ивановскаго, который судебной медицины никогда не преподавалъ. Какова была дѣятельность кафедры при немъ—нетрудно представить себѣ! Въ 1897 г. онъ уволился. Единственнымъ кандидатомъ на вакантную кафедру выступилъ прозекторъ Димитрій Петровичъ Косоротовъ. При избраніи его оказалось—необычайный случай!—14 бѣлыхъ и 14 черныхъ шаровъ, и потому возникъ вопросъ, считать ли его избраннымъ. Министръ далъ утвердительный отвѣтъ. Ассистентъ Веревкинъ умеръ въ 1887 г., и его мѣсто занялъ Косоротовъ, который въ 1890 г. перешелъ на учрежденную должность прозектора; на его мѣсто опредѣ- СУДЕБН. МЕДИЦИНА.

лился Ушинскій, въ 1892 г. его замѣнилъ Рудольскій, на должность котораго въ 1899 г. опредѣлился Вертоградовъ. Въ 1898 г. прозекторомъ опредѣлился Кіяницынъ.

ФИЗІОЛОГІЯ. По уходѣ въ отставку князя Тарханова на кафедру физіологіи въ 1895 г. перевелся проф. фармакологіи Иванъ Петровичъ Павловъ. До 1885 г. прозекторомъ состоялъ Цибульскій, котораго замѣнилъ Вилижанинъ; въ 1889 г. опредѣлился Вериго, котораго въ 1890 г. смѣнилъ Вартановъ.

ФАРМАКОЛОГІЯ. Уволеннаго въ отставку Сущинскаго замѣнилъ на кафедрѣ фармакологіи съ рецептурою и бальнеотерапіей Иванъ Петровичъ Павловъ въ 1890 г. До этого времени подъ его руководствомъ было произведено немало цѣнныхъ изслѣдованій изъ области фармакологіи въ клиникѣ Боткина. Занявши кафедру, проф. Павловъ выпустилъ подъ своимъ руководствомъ много очень хорошихъ диссертацій. Послѣ перехода его на физіологію кафедру занялъ проф. Харьковскаго университета Степанъ Димитріевичъ Костюринъ, который раньше безуспѣшно добивался занятія какой-либо (все равно какой) кафедры. Теперь онъ былъ назначенъ, и неизбѣжный отрицательный результатъ выборовъ предотвращенъ. Незнакомый съ фармакологіей, онъ, не мудрствуя лукаво, излагалъ одинъ облюбованный имъ учебникъ, почти не показывая опытовъ. Въ 1898 г. онъ скончался. Въ слѣдующемъ году его должность занялъ Николай Павловичъ Кравковъ. Ассистентами состояли: до 1890 г.—С. А. Поповъ, въ 1890 г.—Буржинскій, съ 1891 г.—Каменскій, съ 1897 г.—Бочаровъ.

ФАРМАЦІЯ. По кафедрѣ фармаціи и фармакогнозіи Леша въ 1890 г. замѣнилъ проф. Станиславъ Александровичъ Пржибытекъ. Адъюнктъ-лаборантомъ состоялъ до 1887 г. Діанинъ, до 1890 г.—Пржибытекъ. Въ 1891 г. ассистентомъ назначенъ Бафталовскій, въ 1900 г. его замѣнилъ Левъ Ильинъ.

ОБЩАЯ ПАТОЛОГІЯ. Кафедру общей и экспериментальной патологіи занималъ съ 1890 г., когда Пашутинъ переведенъ на должность начальника, проф. Петръ Михайловичъ Альбицкій. Прозекторами состояли: съ 1881 по 1884 г.—Костюринъ, съ 1884 по 1890 г.—Альбицкій, въ 1890 г.—Репревъ, съ 1891 г.—Тимофеевскій, съ 1895 г.—Авроровъ.

ГИГІЕНА. Мѣсто умершаго Доброславина въ 1890 г. занялъ по кафедрѣ гигіены Сергѣй Владиміровичъ Шидловскій. Въ 1909 г. онъ уволился

послѣ выслуги 25 лѣтъ учебной службы, не желая баллотироваться на пятилѣтіе. При немъ не замѣчалось такой кипучей дѣятельности въ гигіенической лабораторіи, какъ при его предшественникѣ, но онъ, какъ и Доброславинъ, былъ заваленъ просьбами разсмотрѣть всевозможные вопросы, относящіеся къ области общественнаго здоровья, участвовалъ въ безчисленныхъ комиссіяхъ. Въ конференціи его цѣнили, какъ идеально честнаго человѣка, на слово котораго всегда можно положиться. До 1886 г. ассистентомъ состоялъ Ковальковскій, съ 1886 по 1890 г.—Мальчевскій; замѣнившій его Брусянинъ уволился въ 1900 г., тогда опредѣлился Левашевъ.

Въ 1883 г. учреждена кафедра эпизоотологіи, которую занялъ Аркадій Александровичъ Раевскій. Онъ оставилъ академію въ 1885 г. и на его мѣсто избранъ Викторъ Евграфовичъ Воронцовъ. Крайне добросовѣстный преподаватель, онъ также много времени удѣлялъ борьбѣ съ эпизоотіями, для каковой цѣли командировался въ разныя мѣстности. Скончался въ 1890 г. Съ 1902 г. предметъ преподаванія именуется: «Сравнительная патологія съ ученіемъ объ эпизоотіяхъ и ветеринарной полиціей». На вакантную кафедру явилось 10 претендентовъ, изъ которыхъ въ 1902 г. избранъ Нагорскій, но утвержденъ Николай Николаевичъ Мари. ВЕТЕРИНАРІЯ.

Вновь учрежденную кафедру исторіи и энциклопедіи медицины въ 1895 г. занялъ приватъ-доцентъ Григорій Григорьевичъ Скорниченко. Въ 1909 г., по выслугѣ 25 лѣтъ учебной службы, онъ не допущенъ военнымъ министромъ къ баллотированію на пятилѣтіе и оставилъ академію. Причиной увольненія называли его протесты по поводу вопіющихъ безобразій, характеризовавшихъ академическую жизнь. Изъ печатныхъ отзывовъ объ его дѣятельности приведемъ вкратцѣ помѣщенный въ журналѣ «Русскій Врачъ». «Онъ положилъ, какъ извѣстно, немало труда на организацію дѣла преподаванія по новой кафедрѣ; приготовилъ и собралъ множество таблицъ, діапозитовъ для волшебнаго фонаря, картинъ, книгъ и проч. и достигъ наконецъ того, что преподаваніе сдѣлалось строго демонстративнымъ: каждая подробность изъ области исторіи медицины и болѣзней подтверждалась демонстраціями. По энциклопедіи медицины ему пришлось вполнѣ самостоятельно выработать программу, въ которую вошли соціальная медицина, врачебная этика и медицинская статистика. ИСТОРІЯ МЕДИЦИНЫ.

Въ соціальную медицину включены были не читавшіеся еще и за границей отдѣлы о вырожденіи, объ алкоголизмѣ, о городской жизни, о воспитаніи и т. д. По единодушнымъ отзывамъ лекціи проф. Скориченко отличались свѣжестью и увлекательностью изложенія, что слушатели нерѣдко отмѣчали знаками одобренія. Научныя работы въ видѣ диссертацій подъ его руководствомъ появлялись непрерывно; число ихъ съ 1895 г. превысило 60».

Физика. На возстановленную кафедру физики при открытіи первыхъ двухъ курсовъ въ 1884 г. избранъ Николай Григорьевичъ Егоровъ. Онъ организовалъ практическія занятія по своему предмету. При рѣшеніи многихъ вопросовъ изъ области техники конференція избирала его своимъ представителемъ въ разныя коммиссіи. Подъ его руководствомъ устроено было электрическое освѣщеніе въ академическихъ зданіяхъ, организованъ кабинетъ для лѣченія Рентгеновскими лучами и проч. Оставилъ академію въ 1900 г. На его мѣсто исправляющимъ должность профессора избранъ Сергѣй Яковлевичъ Терешинъ. Ассистентами состояли: съ 1884 по 1886 г.—Любославскій, съ 1886 г.—И. А. Лебедевъ, съ 1899 г.—Н. А. Орловъ. Сверхштатными ассистентами были послѣдовательно Блюмбахъ, Георгіевскій и Преображенскій.

Химія. Въ 1886 г. преемникомъ Бородина по кафедрѣ химіи избранъ Александръ Павловичъ Діанинъ. Въ 1889 г. открыта особая кафедра органической химіи и профессоромъ избранъ Николай Васильевичъ Соколовъ. Положеніемъ 1890 года установлены двѣ кафедры химіи: одна включаетъ органическую, неорганическую и аналитическую химію, другая—медицинскую. Первая была занята Діанинымъ, вторая отошла къ Соколову. Послѣдній въ 1892 г., по выслугѣ 25 лѣтъ, былъ отчисленъ отъ должности для того, чтобы на его мѣсто перевести профессора Харьковскаго университета Александра Яковлевича Данилевскаго (еврея по рожденію). Д. былъ плохой преподаватель, не стоявшій на уровнѣ своей науки и потому высказывавшій старые, оставленные взгляды. Ученыхъ изслѣдованій за время службы въ академіи не напечаталъ. Въ 1901 г. исходатайствовалъ противно уставу оставленіе на второе пятилѣтіе, а въ 1906 г.—еще на два года. Въ 1906 г. неожиданно, какъ старшій по службѣ, избранъ конференціей на должность начальника на два года, но въ 1908 г. исхлопоталъ пребываніе на этой должности неопредѣленное время, несмотря на

очень преклонный возрастъ. Также исхлопоталъ себѣ полученіе пенсіи по должности начальника при одновременномъ полученіи жалованья. Помощникомъ Бородина состоялъ Діанинъ. Въ 1891 г. на вновь учрежденную должность лаборанта опредѣлился Мальчевскій, въ 1899 г. его замѣнилъ Цвѣтъ. У Соколова адъюнктъ-лаборантомъ былъ П. Г. Голубевъ, который въ 1891 г. перевелся на должность библіотекаря. Вмѣсто него короткое время исправлялъ обязанности Мальчевскій, а затѣмъ назначенъ Кисель. Въ 1894 г. его замѣнилъ Михаилъ Ильинъ.

Геологія. При открытіи первыхъ двухъ курсовъ возстановлена была между прочимъ кафедра геологіи съ основами минералогіи. На нее избранъ въ 1883 г. профессоръ С.-Петербургскаго университета Александръ Александровичъ Иностранцевъ. Несмотря на то, что онъ былъ выдающійся ученый и превосходный преподаватель, Пашутинъ въ 1893 г. исходатайствовалъ отчисленіе его отъ должности, въ виду окончанія Иностранцевымъ 25 лѣтъ учебной службы. На вакантную кафедру назначенъ Константинъ Димитріевичъ Хрущовъ. Ассистента при кафедрѣ не полагалось.

Ботаника. На кафедру ботаники въ 1884 г. избранъ Александръ Федоровичъ Баталинъ. Необыкновенно трудолюбивый, онъ высоко поднялъ значеніе его кафедры въ академіи. Онъ организовалъ практическія занятія, устроилъ лабораторію, въ которой производились изслѣдованія по морфологіи растеній и бактеріологіи. Его собственныя работы стяжали ему славу лучшаго въ Россіи спеціалиста по прикладной ботаникѣ. Въ конференціи онъ принималъ дѣятельное участіе въ рѣшеніи многихъ вопросовъ, но въ этой области онъ имѣлъ столкновенія съ Пашутинымъ, вслѣдствіе чего вынужденъ былъ оставить академію въ 1893 г. На его мѣсто назначенъ профессоръ лѣсного института Иванъ Парфеновичъ Бородинъ, прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ преподаватель. Въ 1899 г. по выслугѣ 30 лѣтъ онъ уволился. Изъ выступившихъ кандидатами на вакантную кафедру конференція опредѣлила допустить къ баллотированію лишь профессора Новороссійскаго университета Каменскаго; что касается другого кандидата—Вольдемара Карловича Варлиха, то его устранили, какъ не окончившаго 4 классовъ въ среднемъ учебномъ заведеніи. При баллотированіи Каменскій не былъ избранъ и профессоромъ назначенъ въ 1900 г. Варлихъ.

Ассистентомъ въ 1885 г. числился князь Масальскій. Съ 1888 г. опредѣлился Варлихъ, въ 1902 г. назначенъ Мережковскій.

ЗООЛОГІЯ.

Кафедру зоологіи и сравнительной анатоміи въ 1883 г. снова занялъ Эдуардъ Карловичъ Брандтъ. По смерти его избранъ Николай Александровичъ Холодковскій. Въ 1884 г. ассистентомъ назначенъ Холодковскій, въ 1885 г. его мѣсто занялъ Біанки, котораго въ 1895 г. смѣнилъ Ингеницкій, его мѣсто въ 1900 г. занялъ Беркосъ. Консерваторами были послѣдовательно: Ивановъ, Дружининъ, Стрембицкій, Головинъ, Демокидовъ и Плотниковъ.

БОГОСЛОВІЕ.

Въ 1884 г. возобновились лекціи богословія, которыя читались протоіереемъ Димитріемъ Алексѣевичемъ Тихомировымъ. По смерти его въ 1886 г. преподаваніе перешло къ протоіерею Алексѣю Сергѣевичу Лебедеву.

ДІАГНОСТИКА.

По смерти Чудновскаго на кафедру діагностики и общей терапіи назначенъ въ 1896 г. Михаилъ Владиміровичъ Яновскій. Ассистентомъ состоялъ Пастернацкій, съ 1891 г.—Явейнъ. Кафедру частной патологіи и терапіи Манассеинъ занималъ до 1891 г. Выслуживъ 25 лѣтъ, онъ не пожелалъ оставаться на пятилѣтіе, не желая загораживать дорогу молодымъ ученымъ. Преемникомъ ему избранъ Нилъ Ивановичъ Соколовъ, который въ 1894 г. скончался. На его мѣсто избранъ Василій Николаевичъ Сиротининъ. Въ 1903 г. онъ перешелъ на кафедру госпитальной терапевтической клиники. Ассистентомъ числился съ 1878 по 1884 гг. Чесноковъ, съ 1884 по 1886 гг.—Засѣцкій, съ 1886 г.—Могилянскій, съ 1895 г.—Михайловъ.

АКАДЕМ. ТЕРАПЕВТИЧ. КЛИНИКА.

Проф. С. П. Боткинъ торжественно праздновалъ въ 1882 г. 25-лѣтній юбилей учебной службы. Въ 1889 г. онъ скончался. Конференція въ 1899 г. возбудила ходатайство о постановкѣ бюста выдающагося клинициста передъ клиникой Виллie. Вакантную кафедру въ 1890 г. занялъ профессоръ Варшавскаго университета Левъ Васильевичъ Поповъ. При немъ значеніе кафедры сильно пало. Его лекціи посѣщались неохотно, такъ какъ онъ излагалъ очень плохо. Какъ клиницистъ, онъ ничѣмъ не выдвигался. Въ 1898 г., по выслугѣ 30 лѣтъ, оставилъ академію. Его мѣсто занялъ по назначенію проф. Сергѣй Сергѣевичъ Боткинъ, сынъ С. П. Боткина. Онъ оказался еще ниже Попова—и какъ лекторъ, и какъ клиницистъ. Не отличаясь

любовью къ труду, онъ часто пропускалъ лекціи, въ конференціи появлялся, какъ рѣдкая птица. Амбулаторные пріемы при немъ очень порѣдѣли. Умеръ скоропостижно въ 1910 г. Обязанности ассистента съ 1867 по 1875 гг. несъ Чудновскій, съ 1876 по 1882 гг.—Н. Соколовъ, съ 1882 по 1884 гг. — Бубновъ, съ 1884 по 1890 гг.—М. Яновскій, котораго замѣнилъ Н. Чистовичъ; съ 1895 г. его мѣсто занялъ Кириковъ, котораго смѣнилъ Гладинъ.

Госпит. терапевтич. клиника.

Послѣ выхода въ отставку Эйхвальда кафедру госпитальной терапевтической клиники занялъ Димитрій Ивановичъ Кошлаковъ. Студенты встрѣтили его очень враждебно и нѣкоторое время не посѣщали лекцій, надѣясь заставить его выйти въ отставку. Позже къ нему нѣсколько привыкли. Принявши на склонѣ лѣтъ важную клинику, онъ не могъ внести въ преподаваніе что-нибудь новое тѣмъ болѣе, что обремененъ былъ большой практикой. Оставилъ академію по болѣзни въ 1890 г. Его мѣсто занялъ Федоръ Игнатьевичъ Пастернацкій, ничѣмъ не выдающійся клиницистъ и преподаватель. Послѣдніе годы службы онъ употребилъ на ознакомленіе съ русскими минеральными водами, при чемъ имъ руководило желаніе отыскать подъ Петербургомъ, также на Кавказѣ и въ другихъ мѣстностяхъ, новые минеральные источники или климатическія станціи. Многочисленныя диссертаціи, вышедшія изъ его клиники, имѣли предметомъ по преимуществу изслѣдованіе вліянія минеральныхъ водъ на обмѣнъ веществъ. Всѣ подобныя работы основывались на тѣхъ же способахъ изслѣдованія, которые примѣнялись у Манассеина и Чудновскаго. Несмотря на свою многочисленность, всѣ эти работы не обогатили медицину никакими общими выводами. Ассистентомъ у Кошлакова оставался Чемезовъ, въ 1890 г. его смѣнилъ Г. Смирновъ, на мѣсто котораго въ 1892 г. избранъ Фавицкій. По смерти въ 1902 г. Пастернацкаго на его мѣсто перевелся проф. Василій Николаевичъ Сиротининъ.

Бактеріологія.

Вновь учрежденную кафедру заразныхъ болѣзней съ бактеріологіей занялъ Сергѣй Сергѣевичъ Боткинъ. Въ 1898 г. онъ переведенъ на академическую терапевтическую клинику, а на его мѣсто назначенъ Николай Яковлевичъ Чистовичъ. Обязанности ассистента исполнялъ Олейниковъ, котораго замѣнилъ Коршъ.

Дѣтскія болѣзни.

Проф. Быстровъ въ 1896 г. вышелъ въ отставку. Соискателями свободной кафедры дѣтскихъ болѣзней явилось нѣсколько человѣкъ.

Разобравъ ихъ достоинства, комиссія въ докладѣ, представленномъ въ конференцію, отвела Николаю Петровичу Гундобину послѣднее мѣсто среди кандидатовъ, какъ плохо знакомому съ клиникой. Однако при баллотированіи онъ оказался избраннымъ. Такова сила личныхъ пристрастій! Онъ оказался хорошимъ преподавателемъ, посвящавшимъ клиникѣ немало времени. Умеръ онъ въ 1908 г. До 1886 г. ассистентомъ былъ Коровинъ, съ 1886 г.—Якубовичъ, на его мѣсто назначенъ въ 1898 г. Зотовъ.

Хирургическая патологія.

На мѣсто ушедшаго въ отставку Пелехина на кафедру хирургической патологіи въ 1889 г. избранъ профессоръ Харьковскаго университета Максимъ Семеновичъ Субботинъ. При Пелехинѣ ассистентомъ съ 1881 г. состоялъ И. Лебедевъ, въ 1882 г. на его мѣсто опредѣлился В. П. Діанинъ, котораго въ 1883 г. смѣнилъ Рубецъ. Въ 1890 г. онъ уволился, и его должность занялъ Л. Орловъ, въ 1891 г.—Парійскій, въ 1895 г. опредѣлился Щеголевъ.

Операт. хирургія.

На кафедру оперативной хирургіи и хирургической анатоміи въ 1881 г. избранъ Иванъ Ивановичъ Насиловъ. Въ 1886 г. онъ перешелъ на кафедру академической хирургической клиники. Въ 1887 г. избранъ Евгеній Васильевичъ Павловъ, но онъ вскорѣ перешелъ на десмургію, и въ 1889 г. происходили снова выборы, на основаніи которыхъ кафедра досталась Николаю Александровичу Круглевскому. Хотя онъ, какъ и всѣ предыдущіе представители кафедры, не считалъ оперативную хирургію своимъ любимымъ предметомъ, однако велъ хорошо преподаваніе. Въ 1902 г. за выслугой лѣтъ оставилъ академію. На его мѣсто избранъ Сергѣй Николаевичъ Делицинъ—анатомъ. Обязанности прозектора съ 1875 г. исправляли Насиловъ и Каганъ, въ 1877 г. временнымъ прозекторомъ былъ В. Поповъ, въ 1878 г.—Е. Павловъ, отъ 1879 по 1881 гг.—В. К. Ивановскій. Въ 1881 г. учреждена вторая должность прозектора. Съ 1882 г. первую прозектуру занялъ Калантарьянцъ (Калантаровъ), вторую въ 1887 г.—Салищевъ; его замѣстилъ въ 1892 г. Якобсонъ, уволившійся въ 1901 году.

Десмургія.

Проф. Карпинскій оставилъ академію въ 1889 г. Вакантную кафедру десмургіи и механургіи занялъ Евгеній Васильевичъ Павловъ. Опытный операторъ и знатокъ военно-полевой хирургіи, онъ придалъ преподаванію практическое направленіе и кромѣ того ввелъ изложе-

ніе военно-полевой хирургіи. Объ обстоятельствахъ его ухода изъ академіи мы разсказали выше. На его мѣсто въ 1895 г. Пашутинъ неожиданно назначилъ Генриха Ивановича Турнера, съ большимъ трудовъ проведеннаго имъ въ доценты. Въ 1900 г. Турнеръ исхлопоталъ учрежденіе при кафедрѣ ортопедической клиники, въ которой сначала было положено 5 кроватей, позже 15. Клиника основана лишь благодаря А. Н. Куропаткину, который покровительствовалъ Турнеру. Конференція находила болѣе удобнымъ имѣть ортопедическое отдѣленіе при одной изъ хирургическихъ клиникъ или учредить особую ортопедическую клинику, поставивъ во главѣ ея знающаго спеціалиста. Хирургическій музей при кафедрѣ почти не пополнялся. Обязанности ассистента съ 1895 г. исправлялъ Кудряшевъ, въ 1902 г. онъ утвержденъ ассистентомъ ортопедическаго отдѣленія.

Акад. хирургическ. клиника.

Послѣ ухода Склифосовскаго кафедру академической хирургической клиники занялъ Сергѣй Петровичъ Коломнинъ. Невозможно было указать болѣе трудолюбиваго преподавателя, чѣмъ онъ. Онъ пріѣзжалъ въ клинику рано утромъ и нерѣдко проводилъ тамъ весь день, уѣзжая вечеромъ часовъ въ 8—9. При этомъ иногда неожиданно заглядывалъ въ палаты около полуночи. Досуги посвящалъ изученію литературы хирургіи, оттого въ его печатныхъ трудахъ замѣтна незаурядная начитанность. Такимъ образомъ у Коломнина имѣлись всѣ данныя сдѣлаться выдающимся представителемъ хирургіи. Домашняя обстановка—одинокаго холостяка—также располагала къ уединеннымъ научнымъ занятіямъ. Къ сожалѣнію, его преслѣдовали зависть и клевета, обычные спутники успѣха и таланта. Имъ Коломнинъ придавалъ преувеличенное значеніе и этимъ очень разстраивалъ свои и безъ того больные нервы. Неврастенія съ каждымъ годомъ у него усиливалась, между прочимъ благодаря цѣлому ряду неожиданныхъ неудачъ въ практикѣ и семейныхъ несчастій. Наконецъ еще одно несчастіе, на этотъ разъ выходящее изъ ряда вонъ—внезапная смерть больной передъ операціей послѣ впрыскиванія кокаина,—сдѣлалось роковымъ. Коломнинъ пришелъ на засѣданіе конференціи и заявилъ, что случай, о которомъ такъ много толковъ въ академіи, окончился неблагопріятно, благодаря его неосмотрительности; обвиняя во всемъ себя, онъ отказывается отъ кафедры. Съ горечью говорилъ Коломнинъ пишущему эти строки: «у насъ, на Руси, только Насиловы и

Богдановскіе блаженствуютъ и торжествуютъ; человѣкъ, преданный наукѣ, встрѣчаетъ насмѣшки и противодѣйствіе». На другой день (11 ноября 1886 г.) онъ застрѣлился. Его мѣсто занялъ проф. Иванъ Ивановичъ Насиловъ, уволившійся въ 1895 г. Плохой операторъ, онъ подбиралъ для клиники самые легкіе случаи, но и они оперировались чаще всего ассистентомъ. Успѣхами хирургіи онъ никогда не интересовался. Оттого преподаваніе у него шло плохо. Газеты отзывались о немъ: «проф. Насиловъ, пользующійся громкой извѣстностью — въ балетномъ мірѣ». На его мѣсто въ 1895 г. назначенъ лейбъ-хирургъ Николай Александровичъ Вельяминовъ, не имѣвшій званія прив.-доцента. Ассистенты при Коломнинѣ: Герасимовичъ (1880—82), Трояновъ (1883 — 96), Морозовъ (1887); при Насиловѣ: Розовъ (1887 — 95); при Вельяминовѣ: Тиле (1895 — 98), Гагенъ-Торнъ (1889—1903), Серапинъ и В. Н. Томашевскій.

ГОСПИТ. ХИРУРГИЧ. КЛИНИКА

По смерти Богдановскаго кафедру госпитальной хирургической клиники въ 1890 г. занялъ Василій Александровичъ Ратимовъ. Принявъ клинику, онъ прежде всего перестроилъ ее такъ, чтобы она удовлетворяла современнымъ требованіямъ. Устроены двѣ операціонныя, амбулаторный пріемъ переведенъ въ другой этажъ, вездѣ въ клиникѣ проведена крайняя чистота. Операціи производились самыя разнообразныя и хорошо знакомили студентовъ съ госпитальной хирургіей. Къ сожалѣнію, тяжелый трудъ по переустройству и веденію клиники разстроилъ здоровье Ратимова, и онъ вынужденъ былъ въ 1901 г. уволиться по болѣзни. Въ 1903 г. его мѣсто занялъ Сергѣй Петровичъ Федоровъ. Ассистентами состояли: Праксинъ (1890—1895), Вреденъ (1896—1902).

ОФТАЛМОЛОГІЯ.

Послѣ выхода въ отставку Юнге на кафедру офталмологіи желали выступить кандидатами два видныхъ провинціальныхъ профессора; но, узнавъ, что большинство въ конференціи желаетъ провести Добровольскаго, отказались отъ своего намѣренія. Единственнымъ претендентомъ явился Владиміръ Ивановичъ Добровольскій, который и избранъ въ 1882 г. Онъ не отличался способностью связно излагать, также не обнаруживалъ особаго знакомства съ литературой своего предмета; операціи дѣлалъ плохо. На экзаменахъ былъ такъ свирѣпъ и придирчивъ, что конференція назначила комиссію, которая нѣсколько умѣряла неистоваго экзаменатора. Крайне невоспитанный,

грубый, онъ пугалъ больныхъ, почему амбулаторные пріемы при немъ сильно порѣдѣли. Въ 1893 г. послѣ столкновенія съ Пашутинымъ, оставилъ академію. На его мѣсто назначенъ Леонидъ Георгіевичъ Беллярминовъ. При академической клиникѣ состоялъ съ 1874 по 1878 г. Добровольскій, съ 1878 по 1881—Ходинъ, съ 1881 по 1884 г.—Потѣхинъ, съ 1884 по 1891 г.—Ерофѣевъ, съ 1891 по 1893 г.—Беллярминовъ, съ 1893 г.—Долгановъ. Въ госпитальной клиникѣ: Тихомировъ (1860—83), Туревичъ (1883—86), Наумовъ (1886—91), Сергіевъ (1891—96), Дѣловъ (съ 1896 по 1899), Андогскій (1899—1901), Зеленковскій (съ 1901).

АКУШЕРСТВО.

По смерти Горвица на кафедру акушерства и гинекологіи въ 1884 г. избранъ Алексѣй Ивановичъ Лебедевъ, принявшій и академическую клинику, госпитальная передана Славянскому. Ассистенты: Кирѣевъ (1884—1887), Парышевъ (1887—1898), Д. Поповъ (1898—1900). Въ 1899 г. Лебедевъ перешелъ на кафедру госпитальной акушерско-гинекологической клиники, а на его мѣсто избранъ Георгій Ермолаевичъ Рейнъ. Онъ славился, какъ опытный клиницистъ и прекрасный преподаватель. Въ академію перешелъ изъ Кіева послѣ выслуги 25 лѣтъ учебной службы. Вслѣдствіе этого, можетъ быть, въ его клиникѣ не находили примѣненія послѣднія нововведенія въ области операціонной техники. Во всякомъ случаѣ, и научная дѣятельность клиники и преподаваніе при немъ стояли высоко. Въ конференціи принималъ дѣятельное участіе въ рѣшеніи многихъ вопросовъ и часто избирался представителемъ разныхъ комиссій. Въ Кіевѣ и въ С.-Петербургѣ въ академіи, благодаря его иниціативѣ и хлопотамъ, воздвигнуты особыя зданія для акушерскихъ клиникъ. Въ 1905 г. онъ, вопреки уставу, оставленъ на второе пятилѣтіе; въ 1910 г. вышелъ въ отставку. Ассистентомъ при немъ состоялъ Редлихъ. Какъ выше указано, послѣ смерти Славянскаго на кафедру госпитальной акушерско-гинекологической клиники въ 1899 г. перешелъ проф. Лебедевъ. Ассистенты: съ 1878 по 1882 г.—А. Лебедевъ, съ 1883 г.—Ястребовъ, съ 1883 г. по 1885 г.—Грамматикати, съ 1885 по 1898 г.—Фишеръ, съ 1899 г.—В. Н. Орловъ.

ПСИХІАТРІЯ.

За выслугою лѣтъ проф. Мержеевскій въ 1893 г. оставилъ академію. На вакантную кафедру психіатріи и нервныхъ болѣзней назначенъ проф. Казанскаго университета Владиміръ Михайловичъ Бехте-

ревъ. Старшими врачами клиники (ассистентами) состояли: до 1887 г.— Дьяковъ, съ 1887 г.—Эрлицкій, съ 1902 г.—Добротворскій. Завѣдующимъ отдѣленіемъ больныхъ съ 1877 по 1882 г. былъ Рагозинъ, съ 1885 г.—Розенбахъ, съ 1887 по 1892 г.—Анфимовъ, съ 1894 г.—Останковъ и съ 1894 по 1902 г.—Добротворскій.

Сифилидологія. Проф. Тарновскій оставилъ академію въ 1897 г. Съ 1894 г. къ его кафедрѣ сифилидологіи присоединены кожныя болѣзни. На его мѣсто избранъ въ 1898 г. Тимоѳей Павловичъ Павловъ. Ассистентами въ сыпномъ отдѣленіи (кожныхъ болѣзней) состояли: Стуковенковъ, съ 1883 г.— Сирскій, съ 1889 г.—Абрамычевъ; въ сифилидологической клиникѣ—Маевъ, на мѣсто котораго опредѣлился Яковлевъ.

Ларингологія. Проф. Кошлаковъ въ 1883 г. перевелся съ кафедры ларингологіи на госпитальную терапевтическую клинику. Въ 1885 г. на вакантную кафедру избранъ Николай Петровичъ Симановскій. Съ 1893 г., послѣ упраздненія кафедры ушныхъ болѣзней, онъ читалъ курсъ горловыхъ, носовыхъ и ушныхъ болѣзней. Исправляющимъ должность ассистента состоялъ съ 1893 г. Верховскій; во время его двухлѣтней заграничной командировки его замѣняли Спенглеръ и Крыштопенко. Лишь въ 1902 г., съ устройствомъ новой клиники, о которой мы еще будемъ говорить, Верховскій утвержденъ штатнымъ ассистентомъ.

ГЛАВА IX.

Преподаваніе.—Учащіеся.

Улучшенія. Въ теченіе всего разсматриваемаго періода мы встрѣчаемъ похвальное стремленіе улучшить преподаваніе. Основываются новыя кафедры, а на уже существующихъ расширяются программы, учебныя пособія всякаго рода умножаются и дѣлаютъ лекціи болѣе демонстративными. Научная дѣятельность академіи, благодаря увеличившимся средствамъ для изслѣдованія, значительно повышается и выражается значительнымъ числомъ какъ диссертацій (около ста ежегодно защищающихся), такъ и другихъ печатныхъ трудовъ. Военное вѣдомство охотно удовлетворяло всѣ ходатайства академіи, касающіяся учебныхъ пособій. Хотя положеніемъ 1890 г. положена сравнительно большая сумма на указанный предметъ, но, такъ какъ ея не хватало, то въ 1895 г.

опредѣлено ежегодно отпускать: на пополненіе библіотеки 7.500 вмѣсто 6.000, на занятія по анатоміи и физіологіи 1.500 вмѣсто 700 р., на занятія студентовъ въ химической и фармацевтической лабораторіяхъ 3.000 (раньше 2.000) и на пріобрѣтеніе матеріаловъ, медикаментовъ и припасовъ для учебныхъ и ученыхъ занятій 21.700 р. (прежде 15.000). Общая сумма ассигнуемая на учебныя пособія, поднялась постепенно съ 21.873 р. 43 коп. до 44.912 р. 47 коп. въ 1896 г., и въ послѣдующіе годы она неизмѣнно увеличивалась. Также наростало число профессоровъ и особенно ихъ помощниковъ (прозекторовъ, ассистентовъ, препараторовъ и проч.), а въ клиникахъ—число лицъ, ухаживающихъ за больными (фельдшеровъ, фельдшерицъ, сидѣлокъ и проч.).

Практич. занятія.

Увеличеніе учебныхъ пособій позволило ввести столь необходимыя практическія занятія студентовъ на тѣхъ кафедрахъ, на которыхъ они раньше не существовали. Такъ, устроены работы при кафедрахъ физики, медицинской химіи, ботаники, зоологіи, гистологіи, гигіены. Въ клиникахъ значительно увеличился матеріалъ, которымъ пользовались студенты. Кромѣ того, съ цѣлью предоставить учащимся возможность работать лѣтомъ въ госпиталяхъ, исходатайствовано прикомандированіе студентовъ, о чемъ мы еще поговоримъ въ другомъ мѣстѣ.

Физіологическое зданіе.

Положеніе кабинетовъ кафедръ физіологіи, общей патологіи и гистологіи было не особенно удобно. Они находились въ анатомическомъ зданіи по сосѣдству съ помѣщеніями для труповъ. Операціи на животныхъ, которыя производились для демонстрацій на лекціяхъ или для ученыхъ изслѣдованій, принимали, поэтому, иное, нежелательное теченіе вслѣдствіе зараженія трупными испареніями. Ясно, что всѣ эти кабинеты слѣдовало вывести въ особое зданіе, послѣ чего значительно увеличились бы помѣщенія для остающихся въ анатомическомъ домѣ кафедръ. Въ 1900 г. утверждено ходатайство конференціи о постройкѣ особаго зданія для названныхъ выше наукъ и фармакологіи. Въ 1903 г. оно окончено, но, въ виду недостаточности ассигнованной суммы, въ немъ помѣстились кафедры физіологіи и общей патологіи. Кабинетъ фармакологіи оставленъ попрежнему въ естественно-историческомъ зданіи, но помѣщеніе его расширено, инвентарь увеличенъ. Переустройство его стоило 15.000 р. Физіологическое

зданіе очень просторно и представляетъ всѣ условія для производства операцій надъ животными со всѣми требуемыми хирургіей предосторожностями.

Госпиталь. Къ концу службы начальника академіи Быкова клиническій госпиталь пришелъ въ полное запустѣніе. Коридоры и палаты были крайне грязны, полы съ широкими трещинами, на стѣнахъ пыль и грязь, воздухъ до крайности зловонный. Вентиляція и отопленіе вызывали постоянныя жалобы. Завѣдующія хозяйствомъ лица усердно набивали себѣ карманы и въ этомъ видѣли единственную цѣль службы. Наживались даже простые солдаты и фельдфебели. Одинъ изъ послѣднихъ, напр., имѣлъ нѣсколько дачъ, 9 коровъ; другой отложилъ въ банкъ болѣе 60.000 р. О комиссарахъ и смотрителѣ говорили, какъ объ обладателяхъ крупныхъ капиталовъ. Одинъ изъ смотрителей, обидѣвшись на начальника, подалъ въ отставку. Начальникъ совѣтовалъ ему остаться на годъ, такъ какъ ему именно столько оставалось дослужить до пенсіи; смотритель однако настоялъ на своемъ. Ясно, что пенсія казалась ему такой ничтожной денежной величиной, что онъ безъ сожалѣнія отказался отъ нея. Улучшеніе госпиталя послѣдовало при Пашутинѣ, которому Императоръ Александръ Александровичъ при посѣщеніи академіи замѣтилъ, что госпиталь содержится грязно. Основательный ремонтъ коснулся всѣхъ отдѣленій. Стѣны хорошо вычищены и во многихъ палатахъ выкрашены масляной краской. Полы по возможности замѣнены бетонными или ксилолитовыми и покрыты линолеумовыми коврами въ коридорахъ. Въ послѣднихъ повѣшены картины. Въ вестибюлѣ хорошо убрана лѣстница, устроенъ небольшой фонтанъ, поставлены бюсты Императоровъ Петра I, Александра III и Государыни Маріи Феодоровны, Николая II и Государыни Александры Феодоровны. Также улучшены отопленіе и освѣщеніе. Особенно тщательно произведенъ ремонтъ въ хирургическихъ клиникахъ, о чемъ много хлопотали профессора Субботинъ и Ратимовъ. Въ этихъ отдѣленіяхъ устроены операціонныя со всѣми надлежащими приспособленіями. Хирурги же исхлопотали выведеніе амбулаторныхъ пріемовъ въ особыя помѣщенія вдали отъ клиникъ. Съ этой цѣлью перестроена часть нижняго этажа, гдѣ помѣщалась канцелярія. Раньше приходящіе больные расходились по клиникамъ и заносили туда заразу. Съ той же цѣлью затруднить поступленіе

заразы нижніе чины выведены изъ подвальнаго этажа и размѣщены въ особыхъ баракахъ. Къ сожалѣнію, подвальный этажъ все-таки остался населеннымъ служителями съ ихъ семьями, хотя прежняя скученность и уменьшилась. Въ одной изъ терапевтическихъ клиникъ устроены приспособленія для лѣченія водой, во всѣхъ остальныхъ сдѣлано сравнительно мало, если не считать нѣкотораго улучшенія кабинетовъ. Вообще говоря, старое зданіе госпиталя слѣдовало бы перестроить, создавши особыя помѣщенія для клиникъ по павильонной системѣ. Въ виду тѣсноты и недостаточности палатъ, особая комиссія въ 1897 г. произвела новое распредѣленіе палатъ между кафедрами, хотя это мало помогло дѣлу. Съ цѣлью увеличить клиническій матеріалъ, въ 1884 г. добавлено 40 безплатныхъ мѣстъ для гражданскихъ больныхъ, въ 1892 г.—еще 50. Въ 1886 г. въ хирургическія клиники разрѣшено принимать на безплатныя гражданскія мѣста для лицъ благороднаго званія также и лицъ непривиллегированнаго сословія. Для всѣхъ клиникъ устроенъ въ 1897 г. радіографическій кабинетъ для примѣненія Рентгеновскихъ лучей при распознаваніи болѣзней. Такъ какъ многіе больные, покидая госпиталь послѣ выздоровленія, находятся въ нуждѣ, то, очевидно, имъ необходима часто денежная помощь. Иногда небольшая сумма спасаетъ бѣднаго человѣка отъ повторенія болѣзни и позволяетъ отдохнуть дома нѣкоторое время, прежде чѣмъ приниматься за работу. Благодаря инипіативѣ нѣсколькихъ дамъ (Пашутиной, Ванновской и др.), въ 1893 г. основано общество, которое оказываетъ матеріальную и нравственную помощь бѣднымъ больнымъ какъ во время пребыванія ихъ въ госпиталѣ, такъ и по выходѣ изъ него, а также семействамъ больныхъ.

ГЛАВНЫЙ ВРАЧЪ.

Главнымъ врачемъ госпиталя состоялъ Н. И. Тороповъ, съ 1884 г.—Е. А. Сорокинъ, съ 1895 г.—И. И. Маковѣевъ, съ 1905 г.—В. И. Чемезовъ. Помощниками были: Д. Г. Дубницкій, Е. А. Сорокинъ, И. А. Веревкинъ, А. Е. Чесноковъ, М. В. Яновскій, И. И. Маковѣевъ, А. М. Могилянскій и В. С. Сергіевъ.

АКУШЕРСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

Нѣкоторыя отдѣленія госпиталя были совершенно перестроены или даже выведены въ отдѣльныя новыя зданія. Въ 1885 г. акушерско-гинекологическое отдѣленіе приняло совсѣмъ иной видъ, благодаря тому, что флигель, гдѣ помѣщалась клиника, заново перестроенъ. Прекрасная операціонная, строгое уединеніе оперированныхъ, про-

сторныя палаты, свѣтлая аудиторія и т. п.—все это мало напоминало старый госпиталь. Оставалось только желать, чтобы всѣ его отдѣленія передѣлали по такому же масштабу.

Психіатрическая клиника.

Зданіе отдѣленія клиническаго госпиталя для душевно-больныхъ не отвѣчало современнымъ требованіямъ психіатріи, и проф. Мержеевскій возбудилъ вопросъ о постройкѣ новой клиники. Его проектъ въ 1887 г. одобренъ, и въ 1892 г. въ новое отстроенное зданіе переведены больные. Клиника разсчитана на 100 больныхъ, изъ которыхъ 70—мужчины, и занимаетъ $4^1/_2$ десятины. Она представляетъ наилучше устроенное въ мірѣ учрежденіе этого рода. Постройки состоятъ изъ главнаго зданія и 8 отдѣльныхъ павильоновъ, окруженныхъ садами. Стѣны, выкрашенныя масляной краской, и асфальтово-дубовые полы способствуютъ поддержанію чистоты. Вездѣ устранено все, что способно дать больнымъ возможность вредить себѣ; особенно эти мѣры предосторожности проведены въ отдѣленіи для буйныхъ. Вмѣсто желѣзныхъ рѣшетокъ въ окнахъ вставлены толстыя корабельныя стекла. Ванны устроены такъ, что больной не можетъ открыть кранъ, и кромѣ того помѣщены ниже пола; между прочимъ имѣются гидро-электрическія ванны, души высокаго давленія и другія приспособленія для лѣченія водой. Въ особомъ помѣщеніи производится лѣченіе цвѣтнымъ свѣтомъ. Прекрасно устроенныя лабораторіи снабжены всѣми необходимыми приборами, между прочимъ учрежденъ бактеріологическій кабинетъ. Вентиляція доставляетъ въ часъ каждому больному 4 куб. сажени свѣжаго воздуха, на каждаго больного приходится 6—9 куб. саженъ пространства. Для больныхъ устроены столовая, читальня, гимнастическій залъ, билліардъ, зала для музыки, переплетная и столярная мастерскія, зала для шитья и вышиванія. Большая аудиторія разсчитана на 250 слушателей. Въ 1897 г. окончено постройкой особое зданіе для клиники нервныхъ болѣзней на 20 кроватей. И оно снабжено различными очень полезными приспособленіями. Въ немъ есть водолѣчебница, лабораторія, фотографическій павильонъ, психіатрическій и неврологическій музеи и проч. Постройка обѣихъ клиникъ обошлась болѣе 1.200.000 рублей. Психіатрической клиникѣ предоставлено 40 мѣстъ для безплатныхъ гражданскихъ больныхъ, что обезпечиваетъ надлежащій выборъ клиническаго матеріала. Соотвѣтственно съ большими размѣрами клиники служащіе въ ней профес-

соръ (въ званіи директора) и его помощники поставлены въ лучшія условія въ отношеніи службы и содержанія, чѣмъ профессора и ассистенты клиническаго госпиталя.

Клиника горловыхъ болѣзней

Въ помѣщеніи, оставшемся свободнымъ послѣ выведенія психіатрической клиники въ новое зданіе, устроена отдѣльная клиника ушныхъ, горловыхъ и носовыхъ болѣзней. Это было первое по времени учрежденіе подобнаго рода въ Россіи. Такъ какъ оно скоро сдѣлалось тѣснымъ, то для него построено новое зданіе, торжественно открытое въ 1902 г. Оно вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ, какія можно предъявить къ подобнымъ постройкамъ. Палаты высоки, просторны; операціонныя отличаются крайней чистотой; вокругъ много незанятаго пространства. Верхній этажъ отведенъ для 30 больныхъ съ особымъ отдѣленіемъ для заразныхъ больныхъ. При больницѣ имѣются: большая операціонная, перевязочная и двѣ ингаляціонныхъ. При амбулаторіи устроены особыя операціонная и ингаляціонная. Въ первомъ этажѣ помѣстились аудиторія, музей, лабораторія и амбулаторія. Постройка зданія обошлась болѣе, чѣмъ въ 200.000 рублей.

Ортопедическая клиника.

Въ другую часть бывшаго психіатрическаго отдѣленія помѣщена новая ортопедическая клиника. Для нея отведено 15 мѣстъ, изъ нихъ 10 гражданскихъ. Кромѣ того для нея, какъ и для предыдущей, учрежденъ особый штатъ служащихъ и назначено извѣстное число госпитальной команды. Въ клиникѣ построена новая операціонная, и комнаты приспособлены для палатъ, гимнастическаго зала и проч.

Заразная клиника

Въ 1897 г. открыта вновь устроенная клиника остро-заразныхъ болѣзней, составляющая отдѣленіе клиническаго госпиталя. Это совокупность зданій съ общей площадью 4.650 кв. саж. На каждую кровать (а ихъ 50) приходится около 93 кв. саж. или 370 кв. метровъ. Пять павильоновъ клиники расположены съ сѣвера на югъ одинъ за другимъ, разстояніе между ними 10 саж. Къ этимъ павильонамъ примыкаютъ: кухонный флигель съ квартирами для врача и сестеръ милосердія, дезинфекціонное зданіе и баня съ прачешной для прислуги, секціонная, домикъ для лабораторныхъ животныхъ и проч. Первый павильонъ предназначенъ для 4 больныхъ съ невыяснившейся формой болѣзни; въ остальныхъ помѣщаются страдающіе оспой, дифтеріей, скарлатиной и корью. Въ этихъ же зданіяхъ находятся лабораторіи, кабинетъ для профессора, аудиторія и комнаты для дежурной

прислуги. Провѣтриваніе доставляетъ много чистаго воздуха. Приняты мѣры для предупрежденія разнесенія заразы изъ павильоновъ; съ этой цѣлью въ каждомъ изъ послѣднихъ лица, посѣщающія больныхъ, одѣваютъ халаты передъ входомъ въ палаты, а при возвращеніи снимаютъ халаты и обмываются въ ванной. Дезинфекцированію подвергаются не только вещи больныхъ, но и всѣ стоки изъ больничныхъ помѣщеній клиники, изъ трупной и изъ заразной комнаты при дезинфекціонной камерѣ. Совершенно обеззараженныя массы поступаютъ въ общій стокъ нечистотъ. Аудиторія устроена очень плохо. Происходившія заболѣванія среди служащихъ показываютъ, что больной въ клиникѣ представляетъ возможный источникъ зараженія, несмотря на всѣ мѣры предосторожности. Стоимость постройки клиники превысила 375.000 рублей.

КЛИНИКА ВИЛЛІЕ. Въ клинической больницѣ Вилліе значительныя перестройки произведены въ хирургической клиникѣ съ цѣлью обезпечить безгнилостное теченіе ранъ. Въ 1902 г. на свѣтолѣчебный кабинетъ въ этой клиникѣ постановлено ежегодно отпускать 2.500 руб. Въ другихъ отдѣленіяхъ также сдѣланы извѣстныя улучшенія. Лабораторія съ помѣщеніемъ для животныхъ перестроена и значительно расширена. Съ цѣлью увеличить клиническій матеріалъ въ 1900 г. разрѣшено изъ 30 платныхъ мѣстъ сдѣлать безплатными 15. Для усиленія ухода за больными въ 1900 г. въ больницу назначено 6 сестеръ милосердія, а къ штату клиническаго госпиталя ихъ добавлено 10. Въ 1903 г. отпущено на ремонтъ клиникъ 55.000 рублей и кромѣ того отпущено 350.000 р. на постройку особой акушерско-гинекологической клиники, которая открыта въ 1908 г.

БИБЛІОТЕКА. Библіотека академіи ежегодно увеличивалась. На покупку книгъ и журналовъ съ 1883 г. ежегодно отпускалось 6.000 р., съ 1896 г.— 7.500 р. Изъ періодическихъ изданій многія (главнымъ образомъ русскія) присылались въ обмѣнъ на диссертаціи академіи. Въ годъ юбилея (въ 1898 г.) библіотека получала свыше 400 журналовъ, общее число находящихся въ ней сочиненій превышало 150.000. Кромѣ того, въ особомъ неразобранномъ отдѣлѣ, куда складывались жертвуемыя сочиненія, насчитывалось болѣе 30.000 томовъ. Существующій систематическій каталогъ былъ доведенъ до 1868 г. Во время приготовленія къ юбилею возникла мысль издать продолженіе

его. Исходатайствована сумма въ 5.000 р. для этой цѣли. Редакція поручена профессору Скориченко. Имъ издано 5 томовъ, изъ которыхъ одинъ посвященъ журналамъ, а остальные четыре содержатъ въ систематическомъ порядкѣ сочиненія, пріобрѣтенныя съ 1868 по 1898 гг. Библіотека вообще была запущена и не отвѣчала во многомъ требованіямъ, которыя къ ней предъявляли посѣтители. Избранный на мѣсто Кондратьева библіотекаремъ П. Г. Голубевъ не внесъ какихъ-либо значительныхъ улучшеній. Въ 1900 г. онъ уволился. По поводу представленныхъ для замѣщенія должности кандидатовъ разгорѣлись партійныя страсти въ конференціи. Во время обсужденія доклада о достоинствахъ кандидатовъ Пашутинъ, особенно горячо проводившій одного изъ послѣднихъ, внезапно скончался. Чтобы предупредить критику заявленій умершаго начальника, министръ приказалъ назначить другой конкурсъ и къ нему представить другихъ кандидатовъ. Изъ вновь заявленныхъ претендентовъ въ 1901 г. избранъ помощникъ библіотекаря В. Е. Брашъ исправляющимъ должность, такъ какъ для занятія должности онъ не имѣлъ надлежащаго ценза. Въ 1903 г. онъ уволился. За короткое время завѣдыванія библіотекой Брашъ не успѣлъ провести никакихъ улучшеній, и библіотека находилась въ прежнемъ положеніи. Конференція предложила должность библіотекаря профессору Скориченко, для каковой цѣли пришлось измѣнить положеніе 1890 г., не допускавшее совмѣщенія должностей библіотекаря и профессора. Согласно отзывамъ медицинской и общей печати, за время завѣдыванія библіотекой профессора Скориченко (1903—1909 гг.), послѣдняя значительно измѣнилась къ лучшему: помѣщеніе перестроено съ цѣлью лучшаго приспособленія его къ занятіямъ посѣтителей, устроено отдѣленіе для справокъ, пересмотрѣна инструкція для пользованія книгами, увеличено число поступающихъ путемъ обмѣна изданій, всѣ книги вычищены отъ пыли и проч. Въ 1909 г., по окончаніи 25 лѣтъ учебной службы, проф. Скориченко подлежалъ баллотированію на пятилѣтіе, но начальникъ неожиданно предложилъ конференціи замѣстить должность библіотекаря по конкурсу. Такое странное предложеніе поддержали лишь шесть членовъ конференціи (Альбицкій, Варлихъ, Косоротовъ, Кравковъ, Турнеръ и Шавловскій), и конференція постановила баллотировать Скориченко. Однако начальникъ не допустилъ

избранія, и конференціи пришлось выбирать библіотекаря изъ числа лицъ, предложенныхъ партіей Данилевскаго и незнакомыхъ съ библіотечнымъ дѣломъ. Помощниками библіотекаря состояли: Брашъ, на мѣсто котораго опредѣлился въ 1902 г. Захарьевъ; Скориченко, котораго замѣнилъ въ 1895 г. Поляковъ; по увольненіи его въ 1901 г. на его мѣсто опредѣлился Преображенскій, ушедшій черезъ 3 мѣсяца; на его мѣсто избранъ Подушкинъ, но и онъ вскорѣ ушелъ. Тогда избранъ Лукашевичъ. Вновь учрежденную должность третьяго помощника въ 1891 г. занялъ В. П. Верекундовъ, уволившійся въ 1905 г. Его мѣсто было занято Іорданскимъ, котораго вскорѣ замѣнилъ М. І. Рейтборге.

Освѣщеніе.

Пашутинъ въ бытность начальникомъ заботился объ улучшеніи внѣшняго вида академіи. Большинство зданій заново выкрашено, сады и скверы приведены въ порядокъ и украшены, въ дворахъ заложена керамиковая канализація. Въ 1891 г. закончена постройка центральной станціи электрическаго освѣщенія. Станція обслуживаетъ не только академію, но также Михайловскую артиллерійскую академію и училище, пиротехническую школу и тюрьму; она носитъ имя покойнаго профессора академіи Петрова, впервые произведшаго опытъ электрическаго освѣщенія посредствомъ Вольтовой дуги. О замѣнѣ газоваго освѣщенія электрическимъ особенно хлопоталъ проф. Егоровъ, который былъ первымъ директоромъ станціи. Послѣ его ухода надзоръ за станціей и электрическимъ освѣщеніемъ порученъ профессору Терешину.

Расходы.

По положенію 1890 г. на ежегодный ремонтъ академическихъ зданій назначено 10.565 р., на ихъ возобновленіе и улучшеніе 5.350 р. Общій бюджетъ академіи доходилъ до 700.000 р. Если включить жалованье служащимъ, стипендіи студентамъ и проч., то расходъ на содержаніе академіи превыситъ милліонъ рублей въ годъ. Сюда не вошли сверхсмѣтныя назначенія на постройку новыхъ зданій и т. п. Государственная Дума въ 1908 г. обратила вниманіе на то обстоятельство, что расходы на академію превышаютъ суммы, идущія на содержаніе нѣкоторыхъ провинціальныхъ университетовъ, а между тѣмъ академія представляетъ медицинскій факультетъ, т. е. $^1/_4$ университета. Также Гос. Думой указано, что академія предназначена для снабженія арміи и флота врачами, а между тѣмъ военное мини-

стерство, въ виду малаго числа выпускаемыхъ изъ академіи врачей, вынуждено принимать на службу оканчивающихъ курсъ въ университетахъ. На основаніи указанныхъ данныхъ, Гос. Думой данъ совѣтъ привести уставъ академіи въ соотвѣтствіе съ назначеніемъ ея. Наконецъ обращено вниманіе на архаичность веденія дѣлъ въ академіи. Для объясненія послѣдняго замѣчанія напомнимъ, что въ академіи существуетъ 5 канцелярій, каждая имѣетъ свой штатъ, при этомъ онѣ ведутъ переписку одна съ другой, точно отдѣлены большимъ пространствомъ! Также имѣются 4 независимыхъ хозяйства и для каждаго назначены особые комиссары, казначеи, смотрители. На небольшомъ пространствѣ въ академіи устроено 5 церквей, при чемъ каждая имѣетъ свой причтъ: священника, діакона, хоръ пѣвчихъ; а между тѣмъ очень немногіе больные имѣютъ возможность посѣщать церковь, служащіе же и студенты ходятъ въ городѣ въ ту церковь, которая находится близъ ихъ квартиры. Еще въ 1862 г. изъ 3 церквей, тогда бывшихъ, военный совѣтъ предлагалъ одну упразднить. Хозяйственный комитетъ подъ предсѣдательствомъ начальника состоялъ изъ завѣдующаго хозяйствомъ, представителя конференціи—профессора, штабъ-офицера и правителя канцеляріи. Профессоръ избирался конференціей на 3, съ 1890 г. на 4 года; для замѣщенія его на случай болѣзни или отъѣзда избирался второй профессоръ въ качествѣ кандидата. Въ 1894 г. учреждена новая должность архитектора, который входитъ въ составъ хозяйственнаго комитета. Завѣдующій хозяйствомъ Дубницкій въ 1891 г. вышелъ въ отставку, его мѣсто занялъ М. Я. Протасовъ. Правителемъ канцеляріи съ 1879 г. состоялъ А. И. Дахновскій, на мѣсто котораго въ 1889 г. назначенъ И. И. Рѣзникъ; его смѣнилъ въ 1905 г. В. Ф. Худяковъ.

Число студентовъ.

Съ закрытіемъ первыхъ двухъ курсовъ въ 1879 г. число студентовъ сильно уменьшилось. Правда, въ теченіе трехъ лѣтъ оставались еще многолюдные старшіе курсы, но въ 1883 г. общее число студентовъ пало до 387. Съ открытіемъ младшихъ курсовъ установленъ общій комплектъ 750. На первый курсъ принималось столько учащихся, сколько ихъ не хватало до только что указаннаго числа. Такъ какъ для университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заве-

деній была введена ограничительная норма, то вездѣ желающихъ поступить оказывалось больше, чѣмъ позволяло число свободныхъ вакансій. И въ академію также подавалось заявленій о желаніи быть принятыми въ число студентовъ очень много, и потому предпочтеніе отдавалось лучшимъ молодымъ людямъ, т. е. имѣющимъ наибольшее число отличныхъ отмѣтокъ. Конечно, всѣ принятые имѣли аттестатъ зрѣлости изъ классической гимназіи. Но въ 1901 г. конференція исходатайствовала разрѣшеніе въ видѣ опыта на 5 лѣтъ принимать воспитанниковъ реальныхъ училищъ. Принятые обязывались въ теченіе года представить свидѣтельство о выдержаніи испытанія по латинскому языку въ объемѣ 4 классовъ гимназіи. Число принимаемыхъ реалистовъ опредѣлено въ 10% общаго числа поступающихъ на первый курсъ. Такъ какъ «опытъ» далъ благопріятный результатъ, то указанное отступленіе сдѣлано постояннымъ.

Стипендіи.

Многихъ привлекала въ академію возможность получить стипендію и обезпечить себѣ сравнительно безбѣдное существованіе за время студенчества. Дѣйствительно, казенныя стипендіи освобождали студента отъ заботъ о заработкѣ. Съ 1884 г. онѣ назначались съ 3 курса и выдавались въ размѣрѣ 360 р. въ годъ. Съ 1902 г. выдача стипендій опредѣлена со второго курса въ размѣрѣ 360 р., на пятомъ—500 р. Срокъ обязательной службы сокращенъ до 1 года за годъ стипендіи; при этомъ общій срокъ назначенъ не свыше 4 лѣтъ. Кромѣ казенныхъ стипендій существовало около 60 частныхъ. Въ 1900 г. учреждены 10 стипендій доктора Мокіевскаго по 360 р.; кромѣ того горный инженеръ Тучемскій пожертвовалъ 360.000 р. на учрежденіе стипендій по 480 р.

Бѣдность.

Итакъ, призракъ голода не могъ смущать учащагося. Тѣмъ не менѣе, студентамъ перваго и второго курса, а также тѣмъ, которымъ на старшихъ курсахъ не удалось получить стипендію, приходилось плохо. На помощь имъ являлось существовавшее при академіи общество для вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ. Капиталъ его составился изъ пожертвованій, взносовъ членовъ общества и случайныхъ поступленій съ баловъ и концертовъ, устраивавшихся съ благотворительной цѣлью. Послѣ Я. А. Чистовича, основателя общества, особенно много поработали послѣдовательные предсѣдатели Манассеинъ и Шидловскій. Къ 1903 г. это почтенное общество имѣло капиталъ

85,343 р. Въ 1901 г. отъ Государя Императора переданъ академіи капиталъ 50,000 р. для выдачи изъ процентовъ пособій нуждающимся студентамъ. Получено Высочайшее соизволеніе на ходатайство конференціи о наименованіи пожертвованной суммы капиталомъ Императора Николая II.

Въ теченіе разсматриваемаго періода занятія студентовъ значительно усилились, такъ какъ расширены программы преподаванія, клиническій и лабораторный матеріалъ обогатился, благодаря усиленію учебныхъ пособій всякаго рода. Кромѣ того, по многимъ предметамъ введены обязательныя практическія занятія. Для использованія каникулярнаго времени въ цѣляхъ практическихъ занятій, студентамъ, начиная съ 1903 г., предоставлено прикомандировываться на лѣтнее время къ госпиталямъ; при этомъ имъ опредѣлено содержаніе 25 р. въ мѣсяцъ съ выдачей денегъ на проѣздъ. Нѣкоторые студенты лѣтомъ работали въ земскихъ больницахъ и летучихъ глазныхъ отрядахъ. Чрезвычайныя событія иногда отрывали учащихся отъ обычной работы и заставляли принимать участіе въ организуемыхъ экспедиціяхъ. Такъ, студенты участвовали въ борьбѣ съ голодомъ въ 1891—92 г., съ сыпнымъ тифомъ и холерой въ 1892—93—94 гг., въ абиссинской войнѣ въ 1896 г., въ бурской кампаніи въ 1899 г., но особенно въ послѣдней русско-японской войнѣ. Съ цѣлью пріучить студентовъ къ военной обстановкѣ, въ 1902 г. установлено отбываніе лагерныхъ сборовъ въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ для перешедшихъ на второй курсъ. Эта мѣра не имѣла успѣха и была вскорѣ отмѣнена. *Занятія.*

Лекціи, вообще говоря, посѣщались не очень усердно, особенно теоретическія. Во второй половинѣ учебнаго года аудиторіи часто представляли пустыню. Начальникъ Таренецкій показалъ однажды записи числа студентовъ, присутствовавшихъ на лекціяхъ. Оказалось, что въ аудиторіяхъ бываетъ едва 1/4 слушателей. Особенно тяжело было видѣть, что очень важные курсы, какъ внутреннія болѣзни, хирургія, госпитальная акушерская клиника, дѣтскія болѣзни и проч., собираютъ очень немногочисленную аудиторію. Объ этомъ явленіи конференція разсуждала въ 1901 г. и 1903 г., выслушавши кромѣ того въ 1903 г. докладъ особой комиссіи. Высказывались самыя разнообразныя мнѣнія, и никакого постановленія поэтому не было сдѣ- *Лекціи.*

лано. Одни полагали, что надо экзаменовать построже; другіе утверждали, что съ развитіемъ преподаванія на первое мѣсто выдвигаются практическія занятія, а лекціи теряютъ значеніе; нѣкоторые думали, что слѣдуетъ поднять научное значеніе лекцій такъ, чтобы студентъ находилъ живое и послѣднее слово науки, а не сухой пересказъ устарѣлаго учебника; наконецъ, по мнѣнію нѣсколькихъ профессоровъ во всемъ виноваты расплодившіеся конспекты, по которымъ готовятся къ экзаменамъ и которые содержатъ то, что говорится на лекціяхъ; слѣдуетъ вести борьбу съ конспектами и заботиться объ изданіи профессорскихъ учебниковъ. По поводу послѣднихъ не лишнее замѣтить, что они очень нерѣдко не отличаются отъ конспектовъ, представляя неудобоусвоиваемую компиляцію. Учебникъ (и лекція) тогда дѣйствительно полезенъ, когда излагаетъ предметъ во всей полнотѣ, критически обсуждаетъ всѣ данныя и пріучаетъ читателя къ самостоятельному мышленію. Но такихъ учебниковъ очень мало. Въ утѣшеніе профессоровъ начальникъ заявилъ, что, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ посѣщеніе лекцій также неудовлетворительно.

Экзамены.

Экзамены для перехода съ курса на курсъ производились ежегодно въ концѣ учебнаго года. Въ 1881 г. постановлено ввести испытанія по всѣмъ предметамъ, читавшимся въ году, чтобы не дѣлать разницы между обязательными и необязательными занятіями. Въ 1884 г. введено правило допускать переэкзаменовку осенью лишь по случаю болѣзни и то лишь по одному предмету. Выпускные экзамены съ 1890 г. производятся въ особой испытательной комиссіи, которая допускаетъ къ испытаніямъ студентовъ, получившихъ отъ конференціи выпускное свидѣтельство, выдаваемое послѣ полученія всѣхъ отмѣтокъ на переходныхъ экзаменахъ, а также отзывовъ профессоровъ о практическихъ занятіяхъ и о сдачѣ исторій болѣзни. Съ 1895 г. выпускные экзамены практическіе производятся весною, а теоретическіе осенью. Въ 1886 г. постановлено считать отлично окончившими курсъ (cum eximia laude) тѣхъ, которые получили весьма удовлетворительныя отмѣтки не менѣе, чѣмъ изъ половины всѣхъ предметовъ. Получившіе званіе лѣкаря изъ представленнаго имъ списка вакантныхъ должностей сами выбираютъ мѣсто службы въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ. Съ 1893 г. порядокъ выбора опредѣляется числомъ отлич-

ныхъ отмѣтокъ. Лучшіе по отмѣткамъ записывались, какъ и раньше, на мраморную доску и кромѣ того получали денежныя преміи. Съ 1892 г. воспитанники академіи получаютъ особый лѣкарскій жетонъ. Съ 1886 г. изъ отлично окончившихъ курсъ остается при академіи для усовершенствованія вмѣсто 7—десять врачей, но 3 изъ нихъ, пользуясь преимуществами институтскихъ врачей, не получаютъ содержанія и не состоятъ на военной службѣ. Оставленіе при академіи конкурирующихъ рѣшается, по прочтеніи ихъ сочиненій, баллотировкой, но съ 1890 г. къ количеству избирательныхъ шаровъ прилагается количество весьма удовлетворительныхъ отмѣтокъ. Получившіе въ суммѣ не менѣе 25 считаются избранными, но между ними выбираются 10, имѣющихъ наибольшія числа сверхъ только что указаннаго. Съ 1891 г. къ конкурсу не допускаются имѣвшіе хотя бы одну переэкзаменовку на выпускныхъ испытаніяхъ. Черезъ три года по окончаніи курса изъ институтскихъ врачей 3 отправляются въ заграничную командировку, по возвращеніи изъ которой доктора избираются въ приватъ-доценты и ожидаютъ свободнаго мѣста въ академіи или университетѣ. Въ 1884 г. при учрежденіи 10 вакансій врачей для командировокъ 6 разряда при академіи постановлено замѣщать эти вакансіи преимущественно приватъ-доцентами, возвратившимися изъ заграничной командировки. Эти доценты называются штатными и удерживаютъ неопредѣленное время за собою вакансію. Такъ какъ ежегодно возвращаются изъ-за границы 3 доктора, то штатнымъ доцентамъ приходится уступать свои мѣста пріѣзжимъ и если они не получатъ профессуры, то, оставшись безъ должности, попадаютъ въ самое неловкое положеніе.

Для надзора за учащимися съ 1880 г. учреждены должности штабъ-офицеровъ, пользующихся правами учебной службы. Ихъ было 5, по числу курсовъ; помощниковъ штабъ-офицеровъ полагалось съ 1881 г. три, съ 1895 г.—два; въ 1902 г. учреждено 5 должностей помощниковъ. Съ 1895 г. положена усиленная пенсія при отставкѣ: штабъ-офицерамъ—1.800, ихъ помощникамъ—1.500 р., не считая эмеритуры. *ШТАБЪ-ОФИЦЕРЫ.*

Съ конца девятидесятыхъ годовъ многое сдѣлано для удовлетворенія настоятельныхъ нуждъ студенчества. Немало поработалъ въ этомъ направленіи Пашутинъ, который встрѣчалъ сочувствіе и под- *ЗАБОТЫ О СТУДЕНТАХЪ.*

держку въ лицѣ военнаго министра А. Н. Куропаткина. Не послѣднюю роль здѣсь сыграло слѣдующее обстоятельство. Во время приготовленій къ празднованію столѣтняго юбилея студенты заявили, что они отказываются участвовать въ празднествахъ, такъ какъ профессора выхлопотали себѣ всякія милости, а объ учащихся забыли. Пашутинъ старался успокоить студентовъ и обѣщалъ честнымъ словомъ отъ имени министра и конференціи выполнить представленныя ему пожеланія. И дѣйствительно, послѣ юбилея возникло нѣсколько весьма полезныхъ учрежденій, основанныхъ въ цѣляхъ улучшенія студенческой жизни.

ОБЩЕНІЕ. Съ цѣлью установить связь между профессорами и студентами въ дѣлѣ преподаванія въ 1899 г. учреждены курсовыя совѣщанія. Они на каждомъ курсѣ составлялись изъ 6 студентовъ и 3 профессоровъ. Постановленія, выработанныя на этихъ совѣщаніяхъ, передавались въ конференцію. Многія изъ нихъ принесли несомнѣнную пользу, такъ какъ выяснили источники нѣкоторыхъ недоразумѣній и безпорядковъ. Такъ, въ 1902 г. конференція пересмотрѣла расписаніе учебныхъ часовъ, пользуясь указаніями студентовъ, возобновила ходатайство о прикомандированіи студентовъ на лѣтнее время къ госпиталямъ и проч. Профессора предполагали устраивать вечера, на которыхъ въ дружеской бесѣдѣ учащіе и учащіеся обмѣнивались бы взглядами. Эти стремленія не вылились въ опредѣленную форму.

СТОЛОВАЯ. Въ 1896 г., благодаря иниціативѣ Пашутина, въ одномъ изъ академическихъ зданій открыта столовая для студентовъ, дающая недорогіе и здоровые обѣды. Съ 1899 г. на содержаніе ея отпускается 2.800 р. Дѣлами столовой завѣдуетъ комиссія изъ 5 студентовъ подъ руководствомъ штабъ-офицера.

ДЕНЕЖНАЯ ПОМОЩЬ. Въ 1902 г. учреждена ссудо-сберегательная касса, при чемъ отпущенъ для нея капиталъ 15.000 р. Въ 1900 г. основано бюро для организаціи заработка студентовъ. Въ томъ же году организована трудовая помощь нуждающимся студентамъ. Въ кабинетахъ и клиникахъ студентамъ предоставлены работы: составленіе таблицъ, изготовленіе рисунковъ, провѣрка и писаніе каталоговъ. Вознагражденіе выдавалось изъ отпущенныхъ для этой цѣли спеціальныхъ средствъ. Подобныя занятія принесли помощь многимъ нуждающимся студентамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обогатили кафедры разными работами.

Въ 1901 г. открыта студенческая библіотека. Уставъ ея, по порученію конференціи, составилъ при участіи студентовъ проф. Скориченко. Библіотекой завѣдуетъ правленіе изъ 10 студентовъ, имѣющее предсѣдателемъ одного изъ служащихъ по учебной части (профессора, ассистента и проч.). Первымъ предсѣдателемъ до 1909 г. состоялъ проф. Скориченко. При открытіи въ библіотекѣ ужъ насчитывалось купленныхъ и пожертвованныхъ 3,000 томовъ, выписывалось 70 періодическихъ изданій. Для читальни отведена просторная зала, которую украсили портретами писателей и ученыхъ. Ежегодная субсидія въ 500 р., отпущенная военнымъ министерствомъ, позволяетъ пріобрѣтать новыя книги и періодическія изданія, не облагая посѣтителей библіотеки денежнымъ сборомъ. Въ томъ же 1901 году переданы библіотекѣ проценты съ капитала Курика; эта ежегодная сумма дала возможность устроить отдѣлъ для продажи книгъ въ разсрочку. Рапортъ профессора Скориченко о необходимости устроить только что названный отдѣлъ представилъ въ видѣ доклада начальникъ военному министру. Такъ какъ это былъ послѣдній докладъ Пашутина передъ смертью, то министръ приказалъ передать его въ библіотеку для храненія, какъ памятникъ заботъ умершаго начальника о студенчествѣ. Въ 1905 г. изданъ подробный каталогъ библіотеки подъ редакціей профессора Скориченко. БИБЛІОТЕКА.

Въ 1900 г. организованы физическія упражненія студентовъ. Предполагалось ввести верховую ѣзду, гимнастику, фехтованіе, катанье на конькахъ, игру въ городки и проч. Мѣстомъ упражненій избрана зала въ ортопедической клиникѣ и академическій садъ. На расходы отпущена была ежегодная субсидія. ФИЗИЧ. УПРАЖНЕНІЯ.

Въ 1903 г. окончена постройка общежитія студентовъ. Просторное зданіе заключало множество комнатъ съ прекрасной вентиляціей и со всевозможными удобствами. Постройка обошлась въ 221.442 р. Зданіе пригодилось для квартиръ чиновниковъ... ОБЩЕЖИТІЕ.

Положеніемъ 1890 года академическій судъ изъ профессоровъ упраздненъ. Въ 1900 г. конференція разработала проектъ товарищескаго суда. Членами его должны были состоять по избранію студенты всѣхъ курсовъ. Вѣдѣнію его рѣшено предоставить проступки, позорящіе званіе студента; исключались дѣла по нарушенію дисциплины. Послѣ производства дознанія судьи имѣли право сдѣлать обвиняемому ТОВАР. СУДЪ.

выговоръ или просить конференцію объ исключеніи его изъ академіи. Этотъ проектъ остался безъ движенія.

Конецъ стремленіямъ.

Вообще студенческимъ учрежденіямъ будущее улыбалось. Предполагалось осуществить много начинаній съ цѣлью поднять умственный и нравственный уровень студенчества, связать послѣднее съ профессорской средой узами дружбы и взаимнаго уваженія. Къ сожалѣнію, начавшееся съ 1904 г. освободительное движеніе раскололо учащихся на два враждебныхъ лагеря. Неумѣлыя распоряженія академической администраціи только усиливали обнажившуюся рознь. Подъ подозрѣніемъ оказались всѣ студенческія организаціи, развитіе которыхъ задерживалось. Тутъ сказалась чисто русская черта, замѣтная во всѣхъ крупныхъ дѣлахъ. Берутся горячо, намѣчаютъ величественную картину дѣятельности, а затѣмъ совершенно бросаютъ и даже портятъ то, что уже сдѣлано.

Приватъ-доценты.

Важнымъ подспорьемъ преподаванію служилъ институтъ приватъ-доцентовъ. Университетскій уставъ предоставляетъ всякому доктору медицины право читать лекціи послѣ разрѣшенія, даваемаго совѣтомъ безъ всякихъ формальностей. Въ академіи для полученія доцентскаго званія необходимо прочесть двѣ пробныя лекціи въ конференціи, а клиницисты обязаны еще выдержать экзаменъ въ клиникѣ. Несмотря на болѣе строгія требованія, число приватъ-доцентовъ ежегодно увеличивается. Курсы, читаемые ими, значительно дополняютъ, иногда даже превосходятъ профессорскіе. Практическіе курсы читаются въ больницахъ и нерѣдко сопровождаются демонстраціями большого числа больныхъ. Для контроля дѣятельности доцентовъ конференція не разъ вырабатывала подробныя правила. Въ 1894 г. постановлено требовать отъ нихъ чтенія не менѣе 7 лекцій въ полугодіе. Не читавшіе лекцій въ теченіе двухъ лѣтъ теряютъ званіе доцента. Программы лекцій частными преподавателями представляются конференціи, которая до утвержденія передаетъ разборъ программъ въ особую комиссію. Требуя много отъ доцентовъ, конференція однако не предоставляетъ имъ никакихъ преимуществъ и ничѣмъ не помогаетъ даже тѣмъ, лекціи которыхъ приносятъ особенную пользу. Небольшую привилегію составляетъ зачетъ въ учебную службу времени, проведеннаго приватъ-доцентомъ въ этомъ званіи, но по положенію 1890 г. этотъ зачетъ дѣлается только въ томъ случаѣ, если эти лица пробыли въ

учебномъ составѣ академіи не менѣе десяти лѣтъ. Въ концѣ учебнаго года нѣкоторымъ доцентамъ выдаются небольшія денежныя пособія въ 50—100 рублей. Вернувшимся изъ-за границы институтскимъ врачамъ, если они получили званіе приватъ-доцента, предоставляются мѣста для командировокъ, о чемъ мы ужъ говорили. Вотъ тѣ немногія преимущества, которыя предоставлены частнымъ преподавателямъ. Было предположено предоставлять званіе сверхштатнаго экстраординарнаго профессора доцентамъ, съ успѣхомъ читавшимъ лекціи въ теченіе десяти лѣтъ. Но это предположеніе не осуществилось.

ГЛАВА X.

Столѣтній юбилей академіи.

Академія открыта въ 1800 г. Поэтому 50-лѣтній юбилей ея праздновался въ 1850 г. Что же касается 100-лѣтняго юбилея, то конференція приняла въ соображеніе, что указъ объ основаніи нашей школы изданъ 18 декабря 1798 г. Этотъ день и признанъ знаменующимъ основаніе академіи, а потому 100-лѣтній юбилей постановлено праздновать въ 1898 г., 18 декабря. Для выработки подробностей предстоявшаго празднованія была избрана «юбилейная» комиссія изъ профессоровъ. *Юбилейный годъ.*

Ко дню юбилея издана общая исторія академіи. Кромѣ того, исторіи кафедръ изложены въ особыхъ монографіяхъ, написанныхъ профессорами, ихъ помощниками и докторами, послѣдними въ видѣ докторскихъ диссертацій. Не собрались представить исторіи кафедръ только профессора: Данилевскій, Діанинъ и Тарновскій. Исторія академіи составлена профессорами Скориченко и Косоротовымъ, приватъ-доцентомъ Кульбинымъ, докторами Веденскимъ и Бѣлогорскимъ. *Исторія академіи.*

Юбилейныя торжества подробно описаны въ «юбилейномъ сборникѣ», изданномъ на русскомъ и французскомъ языкахъ. Тамъ же приведены полностью присланные ко дню юбилея адресы, телеграммы и прочія привѣтствія. За недостаткомъ мѣста мы приведемъ лишь самыя существенныя черты юбилейныхъ празднествъ.

Торжества начались наканунѣ юбилея, 17 декабря. Въ 1 часъ дня отслужена панихида въ академической церкви по усопшимъ руково- *Канунъ.*

дителямъ, дѣятелямъ и воспитанникамъ академіи. Въ половинѣ второго въ красиво украшенной актовой академической залѣ имѣлъ мѣсто обычный годовой актъ. Къ началу его прибыли Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Константинъ Константиновичъ и Принцесса Евгенія Максимиліановна Ольденбургская, а также митрополитъ Московскій Владиміръ, военный министръ и много почетныхъ русскихъ и иностранныхъ гостей. Послѣ гимна «Коль славенъ» проф. Гундобинъ произнесъ рѣчь, а ученый секретарь прочелъ годовой отчетъ. Вечеромъ того же дня въ академической церкви отслужена всенощная, а въ $9^1/_2$ час. вечера въ актовомъ залѣ состоялся раутъ въ честь пріѣхавшихъ иностранныхъ делегатовъ. Присутствовали профессора, доценты, студенты, почти всѣ иностранные гости, также нѣсколько русскихъ и иностранныхъ дамъ. Собраніе носило сердечный характеръ. Студенческій хоръ исполнилъ нѣсколько пѣсенъ, между прочимъ неизмѣнную «gaudeamus igitur». Особеннымъ вниманіемъ пользовались иностранные гости, которые выслушивали и произносили тосты.

ЮБИЛЕЙНЫЙ АКТЪ.

Въ день столѣтія академіи, 18 декабря, въ 9 час. утра въ Петропавловскомъ соборѣ была отслужена панихида по въ Бозѣ почивающимъ Монархамъ, начиная съ Императора Павла I; на гробницу Императора Павла I возложенъ вѣнокъ отъ академіи. Въ 11 час. утра въ академической церкви отслужены литургія и благодарственное молебствіе, съ провозглашеніемъ многолѣтій. Въ 2 часа въ дворянскомъ собраніи начался юбилейный актъ. Всю лѣвую часть залы заняли делегаты, при чемъ иностранные гости, почти всѣ явившіеся въ мундирахъ и тогахъ, помѣстились противъ царской ложи на боковыхъ диванахъ между эстрадой и памятникомъ Императрицѣ Екатеринѣ II. Въ креслахъ, кромѣ русскихъ делегатовъ, сидѣли почетные гости и врачи-воспитанники старшихъ выпусковъ. Боковые диваны правой стороны заняли дамы. За колоннами и на хорахъ находились врачи болѣе младшихъ выпусковъ и студенты. На эстрадѣ за столомъ сидѣли члены конференціи съ начальникомъ, пріѣхавшимъ, несмотря на болѣзнь. За профессорами расположились служащіе по учебной части и нѣкоторые студенты. Среди почетныхъ гостей находились министры, академики, директоры высшихъ учебныхъ заведеній и проч. Въ 1 ч. 40 м. пріѣхалъ военный министръ, которому до начала засѣ-

данія представились иностранные делегаты. Въ 2 ч. прибыли Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Михаилъ Николаевичъ и Константинъ Константиновичъ, принцесса Евгенія Максимиліановна Ольденбургская и Его Высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій. Принцесса Ольденбургская заняла мѣсто въ царской ложѣ, Великіе же Князья и принцъ Ольденбургскій—въ первомъ ряду кресель. Къ этому времени военный министръ сѣлъ на эстрадѣ среди профессоровъ. Послѣ тропаря, исполненнаго хоромъ пѣвчихъ, военный министръ прочелъ Высочайшую Грамоту, данную академіи по случаю юбилея. Послѣ краткихъ историческихъ указаній въ ней сказано: «отвѣчая на призывъ и заботы о ней Монарховъ Россійскихъ, Августѣйшихъ Нашихъ Предшественниковъ, академія неуклонно распространяла въ средѣ своихъ учениковъ свѣтъ истинныхъ знаній и глубокаго уваженія къ наукѣ; она неизмѣнно вселяла въ своихъ питомцахъ чувства безкорыстнаго и самоотверженнаго участія къ страждущему человѣчеству, а равно чувства твердой преданности своему патріотическому и служебному долгу. Болѣе десяти тысячъ врачей получили свое научное образованіе въ академіи. Большинство изъ нихъ несли свой врачебный трудъ на пользу Нашихъ славныхъ арміи и флота. Всегда, повсюду и при всѣхъ обстоятельствахъ питомцы Нашей академіи оказывались достойными своего высокаго призванія: на перевязочныхъ пунктахъ, на поляхъ сраженій, въ шатрахъ и баракахъ полевыхъ госпиталей, въ больницахъ и постоянныхъ госпиталяхъ, во время губительныхъ эпидемій въ военное и мирное время—всегда они исполняли неуклонно свои обязанности, жертвуя своимъ здоровьемъ и жизнью. Научные труды преподавателей академіи также останавливаютъ на себѣ благосклонное Наше вниманіе, и Мы съ удовольствіемъ убѣждаемся, что въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ не одинъ десятокъ славныхъ именъ изъ среды питомцевъ академіи получилъ всеобщую извѣстность и съ честью послужилъ развитію и процвѣтанію отечественной врачебной науки. Нынѣ, въ день празднованія столѣтняго юбилея Нашей Императорской военно-медицинской академіи, Намъ пріятно изъявить ей Наше особое благоволеніе и признательность. Твердо надѣемся и желаемъ, чтобы и на будущее время оставались навсегда неизмѣнными исконные завѣты сего высшаго учено-врачебнаго учрежденія: глубокое уваженіе къ наукѣ, безко-

Высочайшая грамота.

рыстное и сердечное участіе къ страждущимъ, готовность къ самоотверженному служенію по призыву Государя и Родины». Высочайшая Грамота была выслушана всѣми присутствующими стоя и покрыта громкимъ единодушнымъ ура. Оркестръ исполнилъ народный гимнъ. Затѣмъ военный министръ въ краткой рѣчи поздравилъ академію съ исполнившимся столѣтіемъ, послѣ чего послѣдовали многократное ура и народный гимнъ. За болѣзнью начальника составленный имъ историческій очеркъ былъ прочтенъ проф. Беллярминовымъ. Въ заключеніе очерка указано, что нынѣ академическихъ построекъ имѣется $16^1/_2$ тысячъ кв. саж., академія конкурируетъ съ лучшими высшими учебными заведеніями Запада, а нѣкоторыми изъ своихъ учрежденій превосходитъ даже лучшіе европейскіе образцы. За послѣднія 16 лѣтъ насчитывается до 3.700 изслѣдованій, произведенныхъ въ стѣнахъ академіи. За послѣднія 10 лѣтъ академія дала университетамъ около

Милости. 50 человѣкъ преподавателей. Затѣмъ перечислены милости, полученныя ко дню юбилея. Помимо крупныхъ ассигнованій на хозяйственныя потребности, благодаря военному совѣту, увеличенъ размѣръ казенныхъ стипендій, а также размѣръ обмундировочныхъ денегъ. Изъ суммъ, находящихся въ распоряженіи военнаго министра, выдано пособіе на улучшеніе студенческой столовой, разрѣшено открытіе студенческой читальни и отпущена сумма на первоначальное обзаведеніе ея. Для улучшенія преподаванія и положенія больныхъ ассигнованы суммы: на улучшеніе лабораторій при клиникахъ, на отдѣльное зданіе для клиники ушныхъ и горловыхъ болѣзней, на физіологическій и патологическій институты, на расширеніе гидротерапевтическаго отдѣленія въ госпиталѣ, на изданіе журнала. Штатъ ординатуръ повышенъ на 5 и на столько же уменьшенъ штатъ экстраординатуръ; число штатныхъ академиковъ увеличено съ 4 до 8 съ повышеніемъ каждому добавочнаго содержанія до 500 р. Исходатайствовано Высочайшее соизволеніе на выбитіе медали въ память столѣтія академіи, на право носить на эполетахъ и погонахъ вензелевое изображеніе Имени Августѣйшаго Основателя академіи Павла I для нынѣ служащихъ въ академіи; на учрежденіе нагруднаго знака для лицъ, служащихъ въ академіи и учащихся въ ней въ день столѣтія, а также особаго жетона въ память столѣтія.

Поздравленія. По окончаніи чтенія очерка началось принесеніе поздравленій.

Отъ Императорской Академіи Наукъ Великій Князь Константинъ Константиновичъ прочелъ адресъ, который собраніе выслушало стоя. Затѣмъ прочитана поздравительная телеграмма Великой Княгини Александры Іосифовны. Послѣ того объявлено объ избраніи почетными членами академіи Великаго Князя Константина Константиновича, военнаго министра А. Н. Куропаткина, министра финансовъ С. Ю. Витте, членовъ Государственнаго Совѣта Лобко и Абазы; въ заключеніе прочитанъ длинный списокъ иностранныхъ и русскихъ ученыхъ, избранныхъ почетными членами и членами-корреспондентами академіи. Затѣмъ слѣдовали привѣтствія отъ русскихъ и иностранныхъ учрежденій. Большинство депутацій подносили адресы, многіе изъ которыхъ заключены въ очень цѣнные переплеты высоко-художественной работы. Въ виду очень большого числа подносимыхъ привѣтствій послѣднія читались лишь делегатами иностранныхъ учрежденій и очень немногихъ русскихъ—почти исключительно университетовъ. Кромѣ адресовъ нѣкоторыя учрежденія и лица сдѣлали подношенія. Получено было и показано на торжествѣ множество телеграммъ отъ иностранныхъ и русскихъ учрежденій, отъ кружковъ врачей и отъ отдѣльныхъ лицъ.

Въ тотъ же день, въ 6 час. вечера, врачи-воспитанники академіи собрались на обычный годовой товарищескій обѣдъ. Юбилейный день закончился студенческимъ баломъ, на которомъ присутствовало болѣе 4.000 человѣкъ, среди которыхъ находились пріѣзжіе иностранные и русскіе гости.

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ.

19 декабря былъ утренній парадный спектакль въ Маріинскомъ театрѣ для служащихъ въ академіи, учащихся въ ней и почетныхъ гостей. Давали оперу «Игорь» Бородина, бывшаго профессора академіи. Вечеромъ, въ $6^1/_2$ час., состоялся юбилейный обѣдъ съ участіемъ военнаго министра, иностранныхъ делегатовъ, представителей русскихъ учрежденій, профессоровъ академіи и около 50 студентовъ. Всего обѣдало около 400 человѣкъ. Послѣ тоста за здоровье Государя Императора военный министръ прочелъ переданное ему отъ Государя Императора письмо Императора Вильгельма, въ которомъ изложено поздравленіе и выраженіе академіи пожеланія «la prospérité de la glorieuse Académie dans le nouveau siècle de travaux et de succès qui s'ouvre à elle». По прочтеніи письма былъ провозглашенъ тостъ за

Германскаго Императора. Затѣмъ слѣдовало множество тостовъ и рѣчей. Обѣдъ затянулся до поздняго вечера. По окончаніи его иностранные делегаты съ профессорами и студентами академіи встрѣчали новый годъ по западному стилю.

Представленіе Государю Императору

Въ слѣдующіе дни и особенно 20 декабря пріѣзжіе гости осматривали академію и Петербургъ; имъ предложено было немало развлеченій и пріемовъ. Торжества закончились 23 декабря представленіемъ иностранныхъ делегатовъ и представителей иногороднихъ университетовъ Государю Императору въ присутствіи членовъ конференціи. Всѣ приглашенные явились въ Михайловскій манежъ на парадъ въ Высочайшемъ присутствіи баталіону юнкеровъ Павловскаго военнаго училища и на церемонію освященія жалуемаго училищу новаго знамени по случаю 100-лѣтняго его юбилея. Государь Императоръ изволилъ удостоить каждаго изъ иностранныхъ делегатовъ бесѣдой; затѣмъ, подойдя къ профессорамъ академіи, милостиво поздравилъ ихъ съ юбилеемъ и въ заключеніе удостоилъ милостиваго вниманія представленныхъ ему делегатовъ русскихъ университетовъ. По окончаніи представленія всѣ гости приняли приглашеніе на завтракъ, предложенный военнымъ министромъ. Завтракъ, сопровождавшійся многочисленными тостами, затянулся до вечера. Имъ окончился рядъ юбилейныхъ торжествъ.

Такъ отпраздновала академія юбилей своего столѣтняго существованія.

Оглядываясь на прошлое академіи, испытываешь смѣшанное чувство. Школа, находящаяся въ культурномъ центрѣ большого государства, снабженная надлежащими пособіями, должна, конечно, стоять во всѣхъ отношеніяхъ выше однородныхъ учрежденій, разбросанныхъ въ провинціальныхъ городахъ и поставленныхъ въ худшія условія. И, дѣйствительно, академія выпускала хорошо подготовленныхъ питомцевъ; въ ея клиникахъ и лабораторіяхъ производилось немало ученыхъ изслѣдованій. Это свѣтлая сторона ея дѣятельности, подчеркнутая особенно сильно на юбилеѣ. Но безпристрастный историкъ обязанъ отмѣтить безъ утайки и тѣневую сторону, выяснить недостатки, въ надеждѣ, что они будутъ исправлены. Съ этой точки зрѣнія

слѣдовало бы пересмотрѣть все прошлое академіи и указать факты, заслуживающіе осужденія. Въ предыдущихъ главахъ мы такъ и поступили. Теперь же мы сдѣлаемъ нѣсколько выводовъ, невольно напрашивающихся при заключительномъ обзорѣ.

Прежде всего поражаетъ убожество въ научныхъ пособіяхъ академіи. Въ клиникахъ и лабораторіяхъ поразительная скудость средствъ преподаванія невольно бросается въ глаза. Содержаніе больныхъ оставляетъ желать очень многаго. О вполнѣ удовлетворительной гигіенической обстановкѣ страждущихъ, о снабженіи кабинетовъ всѣми рѣшительно необходимыми приборами и думать нечего. Помѣщенія, за немногими исключеніями, тѣсны, неудовлетворительны. Особенно такое положеніе дѣлъ давало себя чувствовать въ теченіе первой половины XIX столѣтія. Но и во второй обстоятельства складывались лишь немногимъ лучше. Дубовицкій передѣлалъ академію, какъ могъ, всю; но послѣ него улучшенія шли несистематично, въ зависимости отъ разныхъ случайностей. Казалось бы, такъ легко согласиться профессорамъ относительно необходимыхъ реформъ и составить програму, отъ которой никто не имѣлъ бы права отступать и, слѣдовательно, возбуждать ходатайство касательно своей кафедры, минуя конференцію. Такъ должно было быть, но этого одного оказывалось достаточно, чтобы все шло иначе. Такъ какъ самыя важныя клиники — терапевтическія и хирургическія, то онѣ прежде всего будутъ, не правда ли, выведены въ особыя просторныя зданія и снабжены всѣмъ необходимымъ? И такъ дѣйствительно сдѣлали? О, нѣтъ! Прежде всего построили милліонное зданіе для психіатрической клиники, которую обставили съ небывалой роскошью. Затѣмъ возвели большое зданіе для... терапевтическихъ и хирургическихъ клиникъ? Опять нѣтъ! Для клиники горловыхъ и носовыхъ болѣзней. Наконецъ нашлись средства для постройки... терапевтическихъ и хирургическихъ клиникъ? Да нѣтъ же! Для акушерской академической клиники, хотя госпитальная акушерская раньше была заново перестроена и не оставляла желать ничего лучшаго. Выходило, что на улучшеніе самыхъ важныхъ для учащагося клиникъ средствъ не находилось, а для второстепенныхъ они оказывались. Такія же странности мы встрѣчаемъ и въ оборудованіи клиникъ. Въ психіатрической примѣняются всѣ способы лѣченія, какіе только желательны

Уч. пособія.

профессору, даже очень дорогіе; больнымъ дается хорошая пища, для прогулокъ устроены лѣтній и зимній сады, для развлеченій служатъ музыка, пѣніе, театральныя представленія. Въ терапевтическихъ же госпитальныхъ клиникахъ пища крайне однообразна, способы лѣченія ограниченные, для прогулокъ—полутемный, плохо провѣтриваемый коридоръ. За отсутствіемъ въ академической аптекѣ нѣкоторыхъ лѣкарствъ профессорамъ приходится иногда предлагать больнымъ выписывать средства на собственныя деньги. Такъ же неодинаково снабжены даже однородныя клиники. Напр., въ хирургической академической есть возможность примѣнять дорого стоющее лѣченіе свѣтомъ, а въ госпитальной не хватаетъ перевязочныхъ средствъ для амбулаторныхъ больныхъ. Въ то время какъ послѣдней отказываютъ въ самомъ необходимомъ изъ-за неимѣнія лишнихъ денегъ, неожиданно при кафедрѣ десмургіи возникаетъ ортопедическая клиника, помимо конференціи, которая даже лишена возможности подыскать для новаго учрежденія хорошо подготовленнаго спеціалиста. Въ кабинетахъ мы видимъ тѣ же несоотвѣтствія. Для кафедры общей патологіи построено обширное помѣщеніе и куплены всѣ необходимые приборы, хотя тамъ никто не занимается. Въ гигіеническомъ и обще-патологическомъ кабинетахъ поставлены аппараты для изслѣдованія газообмѣна, стоющіе болѣе 15.000 рублей и находящіеся безъ употребленія, а въ гистологическомъ кабинетѣ нѣтъ достаточнаго числа микроскоповъ для практическихъ занятій. Такихъ несоотвѣтствій можно бы указать множество. Ясно, что они отражались на преподаваніи, придавали ему характеръ неполноты, неоднородности.

ПРЕПОДАВАТЕЛИ. Другимъ препятствіемъ къ надлежащей постановкѣ преподаванія служилъ часто неудачный выборъ преподавателей. Только при Дубовицкомъ обнаружилось благородное стремленіе подобрать знающихъ и трудолюбивыхъ профессоровъ, которые въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ совершенно возродили академію. До и послѣ него преобладало иное направленіе. Выбирались лица, угодныя наиболѣе сильной партіи, нерѣдко самые худшіе изъ представленныхъ кандидатовъ. Только при такомъ направленіи могли попасть на кафедру въ академіи такіе ученые, какъ Заварыкинъ, Добровольскій, Кондратьевъ и проч. Оттого же многіе видные спеціалисты отказывались отъ конкурса; они убѣждались, что у нихъ недостатокъ и притомъ неисправимый: онъ

заключается въ томъ, что они выдвинулись своими работами или преподаваніемъ, и этого имъ извѣстная группа не проститъ. Къ счастію, избиратели не всегда могли выдержать указанное направленіе, и оттого иногда каѳедра доставалась талантливому преподавателю. Даже тогда, когда профессоръ окончательно запустилъ преподаваніе, лѣнился, показывался рѣдко въ аудиторіи или въ клиникѣ, у конференціи не хватало мужества отдѣлаться отъ него, и она оставляла его на новыя и новыя пятилѣтія.

Уч. дѣятельность.

При указанныхъ условіяхъ научная дѣятельность академіи не могла стоять очень высоко. Правда, ежегодно печаталось болѣе сотни диссертацій и нѣсколько десятковъ статей, представлявшихъ изслѣдованія, произведенныя въ лабораторіяхъ или клиникахъ. Но эти работы писались на-спѣхъ, для полученія къ извѣстному сроку ученой степени или для представленія къ конкурсу. Очень часто подобныя изслѣдованія не представляли ничего новаго ни въ выводахъ, ни въ пріемахъ изслѣдованія, ни въ замыслѣ. Нерѣдко это было пережевываніе вопроса, поставленнаго или разрѣшеннаго въ одномъ изъ западно-европейскихъ университетовъ. Составленные профессорами учебники нерѣдко представляли жалкія компиляціи мѣстами, безграмотныя. Авторы оправдывались тѣмъ, что ихъ произведенія предназначены лишь для студентовъ академіи. Это значитъ сваливать съ больной головы на здоровую. Какъ будто студенты академіи такъ не развиты, что не могутъ пользоваться хорошими учебниками, находящимися въ продажѣ!

Студенты.

Преподаваніе идетъ успѣшно лишь при постоянномъ и товарищескомъ общеніи учащихъ съ учащимися. Но такое общеніе имѣло мѣсто въ академіи очень рѣдко. Немногіе профессора, подобно Склифосовскому, Манассеину и проч., оказывали студентамъ полное содѣйствіе при желаніи ихъ работать, заботились о нихъ. Большинство преподавателей относилось къ учащимся холодно, избѣгало всякаго общенія и помимо лекцій считало всякое обращеніе къ студенту ненужнымъ. Такъ учащіе и учащіеся раздѣлялись на два лагеря, иногда враждебные одинъ другому. Явленіе, немыслимое въ Западной Европѣ. Лишь во время приготовленій къ столѣтнему юбилею и вскорѣ послѣ него прошла свѣжая струя въ конференціи. Обнаружилось желаніе пойти навстрѣчу стремленіямъ студентовъ, устроить собранія для

обмѣна мыслей со студентами и проч. Однако это направленіе быстро уступило мѣсто другому.

КОНФЕРЕНЦІЯ.

Конференція за истекшія сто лѣтъ не отличалась особенной самостоятельностью. Если она иногда рѣшала важные вопросы, то побужденіе къ этому являлось извнѣ: министръ или начальникъ предлагалъ сдѣлать постановленіе, при чемъ даже указывалось нерѣдко, въ какомъ направленіи желательно рѣшеніе, и всегда устанавливались рамки, за которыя не слѣдовало выходить. Вотъ чѣмъ объясняются совершенно противорѣчивыя постановленія конференціи по одному и тому же вопросу. Въ особенности эти противорѣчія бьютъ въ глаза, когда дѣло идетъ о судьбѣ академіи. Напр., въ 1869 и 1871 гг. конференція вырабатываетъ уставъ, приближающій ее къ европейскимъ медицинскимъ факультетамъ, а въ 1880 г.—новый, превращающій ее въ строго военное заведеніе, въ 1890 г.—опять новый уставъ, составляющій средину между обоими предыдущими. Итакъ, одна и та же ученая коллегія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ высказываетъ три разныхъ взгляда на себя! Ясно, что общіе взгляды касательно будущности академіи мало занимали ея членовъ. Также мало интересовали ихъ возмутительныя стороны академической жизни: хищенія и воровство въ госпиталѣ, плохое веденіе хозяйства во всѣхъ частяхъ академіи, запущенность въ канцеляріяхъ, лѣность и рутина среди чиновниковъ. Протеста со стороны конференціи, требованія ревизіи для окончательнаго устраненія безпорядковъ никогда не слышалось. Ясно, что всѣ эти безобразія считали явленіемъ нормальнымъ.

НАЧАЛЬНИКЪ.

При подобномъ направленіи конференціи власть начальника усиливалась съ каждымъ годомъ, и онъ пріобрѣталъ возможность повернуть любое дѣло такъ, какъ ему заблагоразсудится. При инертности конференціи, пожалуй, другого исхода и не было. Ущербъ для академіи былъ бы невеликъ, если бы во главѣ ея стоялъ чиновникъ, преданный своему дѣлу, одушевленный желаніемъ высоко поднять значеніе ввѣреннаго ему учрежденія, посвящающій все время исключительно академіи. Но такихъ начальниковъ за сто лѣтъ было всего два: Шлегель и Дубовицкій. Изъ нихъ первый интересовался главнымъ образомъ хозяйствомъ. Остальные начальники заботились преимущественно о собственной персонѣ, боялись всякаго шума, оживленныхъ собраній,

и очень радовались, когда объ академіи нигдѣ не говорили, когда въ ней воцарялись сонъ и тишина...

НАДЕЖДЫ.

Исторія каждаго большого учрежденія представляетъ извѣстную эволюцію. Жизнь его постепенно развивается, принимаетъ окончательныя формы; затѣмъ обнаруживается упадокъ, и старое учрежденіе уступаетъ мѣсто другому, имѣющему больше шансовъ на будущее. Академія собственно едва прошла начальный фазисъ эволюціи, и впереди передъ нею лежитъ великое будущее. Прогрессъ ея не подлежитъ сомнѣнію. Наша школа въ 1850 г. далеко ушла по сравненію съ 1800 г., а въ 1900 г. была далека отъ состоянія, въ какомъ встрѣтилъ ее 1850 г. Будемъ надѣяться, что въ 1950 г. или раньше она освободится отъ недостатковъ, на которые не переставали указывать ея питомцы и ея друзья и которые вкратцѣ отмѣчены въ предыдущихъ строкахъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

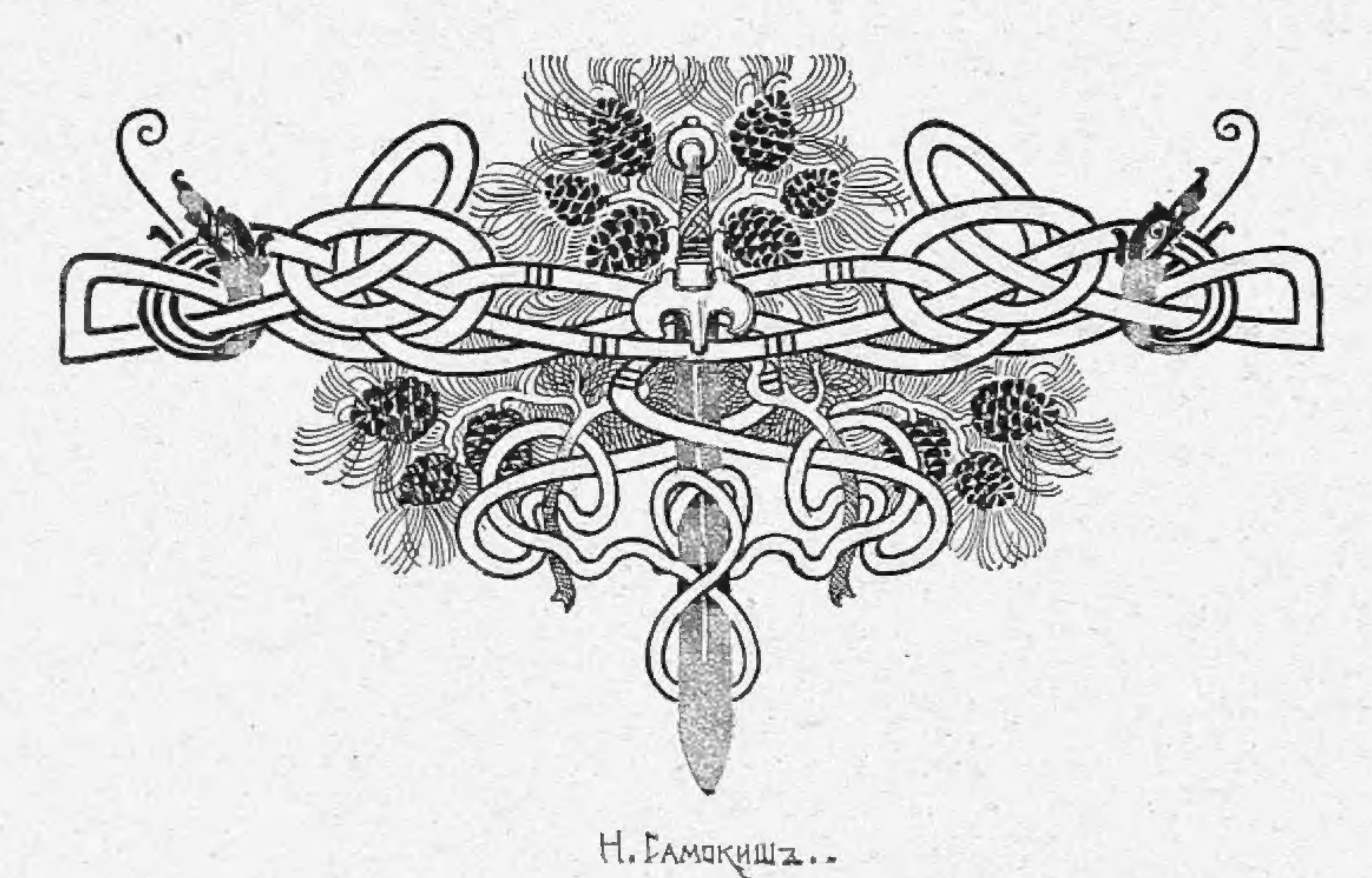
ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

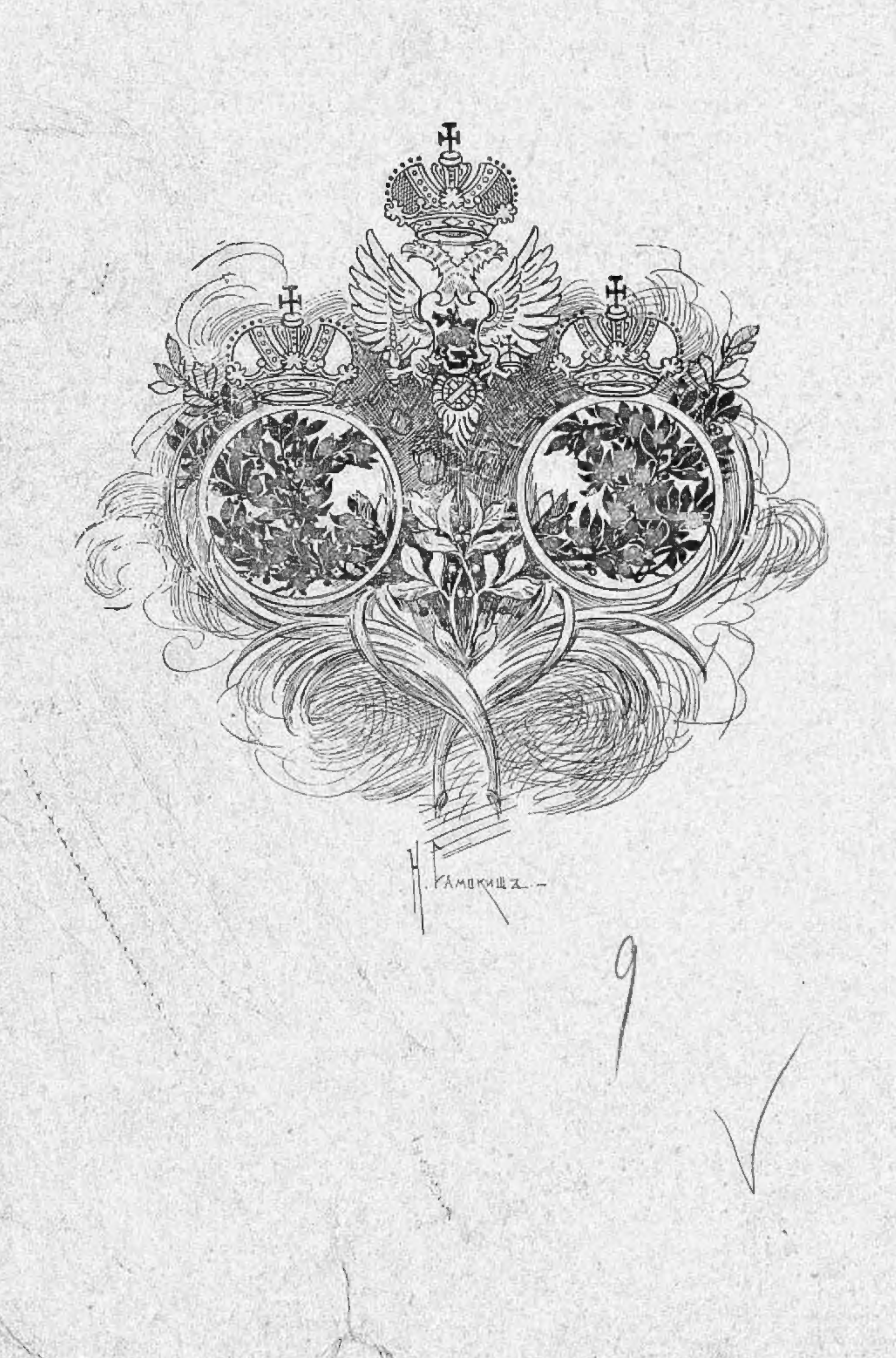
ОТДѢЛЪ I. ВОЗРОЖДЕНІЕ АКАДЕМІИ.

ОТДѢЛЪ II. УПАДОКЪ АКАДЕМІИ

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРОВЪ АЛЕКСАНДРА III и НИКОЛАЯ II.

ОТДѢЛЪ III. ИМПЕРАТОРСКАЯ ВОЕННО-МЕДИЦИНСКАЯ АКАДЕМІЯ.

Н. Самокишъ..

Типографія Т-ва М. О. Вольфъ. Спб., Вас. Остр., 16 л., соб. д. № 5—7